

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
осуществляется через подписное
агентство «Урал Пресс».
Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАЕ, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Кищенко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканович Мусаев (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАЕН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Виктор Дмитриевич Балин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, независимый исследователь, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октябринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Зинаида Петровна Замираева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Козай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несевера (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Сергей Александрович Судбин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широков (докт. филос. наук, профессор, акад. НАН Беларуси, Минск, Беларусь),

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта–Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджо Де Маркус (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйткен (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

*Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»*

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate
ПМ № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald.
Philosophy. Psychology. Sociology»
is carried out through an agency «Ural Press».
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board
Perm State University,
Bukirev st., build. 15, Perm,
Perm Krai, Russia, 614990.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

© Perm State University, 2023

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnutskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm).

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm).

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow).

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow).

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg).

Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow).

Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg).

Elena V. Levchenko (Doctor of Psychology, independent researcher, Perm).

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg).

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg).

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov).

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan).

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg).

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm).

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk).

Natalya A. Lebedeva-Nesevrya (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm).

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg).

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Dmitriy I. Shirokanov (Doctor of Philosophy, Academician of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus).

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA).

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary).

Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain).

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA).

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA).

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Реалистический потенциал
«нейтрального реализма» М. Габриэля
<i>Кудба В.Н.</i>	163	Realistic capacity of M. Gabriel's
«neutral realism»
<i>Vladislav N. Kudba</i>
Онтология, принятие решения
и ценности, или несколько
«философических» реминисценций
<i>Шрейбер В.К.</i>	173	Ontology, decision-making, and values,
or several «philosophical» reminiscences
<i>Viktor K. Shreiber</i>
Феноменология и проблема
визуальности. Часть 2
<i>Лумпова М.А.</i>	187	Phenomenology and the problem
of visuality. Part 2
<i>Maria A. Lumpova</i>
О возможности рациональной концепции
абсолютного небытия
<i>Свергузов А.Т.</i>	198	On the possibility of a rational concept
of absolute non-being
<i>Anver T. Sverguзов</i>
Гносеологические основания развития
личностного мышления: от телесной
и социальной осознанности
к нравственной проблематике
<i>Лебедев Н.С.</i>	207	Epistemological foundations
of the development of personal thinking:
from bodily and social awareness
to moral issues
<i>Nikita S. Lebedev</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Системно-интегративный подход к
целостному познанию индивидуальности
растущего человека как субъекта
образования
<i>Вяткин Б.А., Калугин А.Ю., Каракулова О.Ю.</i>	219	A system-integrative approach
to holistic cognition of the individuality
of a growing person as a subject of education
<i>Bronislav A. Vyatkin, Alexey Yu. Kalugin,
Olga Yu. Karakulova</i>
Культурный интеллект как фактор,
формирующий отношение к инвалидности
на рабочем месте
<i>Ли Цзыцзюнь</i>	229	Cultural intelligence as a factor shaping
attitudes towards disability in the workplace
<i>Li Zijun</i>
Взаимосвязь между свойствами
нервной системы и механизмами защиты
<i>Пилюгина Е.Р., Сулейманов Р.Ф.</i>	241	Correlation between the nervous system
properties and defense mechanisms
<i>Elena R. Pilyugina, Ramil F. Suleimanov</i>

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Методологические основания
социологии управления
<i>Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л., Воронцов А.В.,
Перфильева М.Б., Прокофьева А.В.,
Внутских А.Ю.</i> | 251 | Methodological foundations
of sociology of management
<i>Nikolay L. Zakharov, Andrey L. Kuznetsov,
Alexey V. Vorontsov, Marina B. Perfilova,
Alyona V. Prokofyeva, Alexander Yu. Vnutskikh</i> |
|---|-----|--|

Социальное благополучие детей, оставшихся без попечения родителей: между биологической и приемной семьей <i>Бессчетнова О.В.</i>	268	Social well-being of children without parental care: between biological and foster family <i>Oksana V. Besschetnova</i>
Социальные практики активного долголетия пожилых уральцев <i>Воронина Л.И., Зайцева Е.В., Касьянова Т.И.</i>	284	Social practices of active longevity of elderly Ural citizens <i>Ludmila I. Voronina, Ekaterina V. Zaitseva, Tatiana I. Kasyanova</i>
Зарубежные исследования международной миграции: методологические проблемы, тематические тренды <i>Бородкин М.А., Внутских А.Ю.</i>	297	Foreign studies of international migration: methodological problems, thematic trends <i>Maksim A. Borodkin, Alexander Yu. Vnutskih</i>
Информация для авторов	309	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 111.1(430)

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-163-172>

Поступила: 03.04.2023

Принята: 15.06.2023

Опубликована: 07.07.2023

**РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
«НЕЙТРАЛЬНОГО РЕАЛИЗМА» М. ГАБРИЭЛЯ***Кудба Владислав Нодариевич**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)*

В статье рассматривается концепция современного немецкого мыслителя М. Габриэля — онтология и основные тезисы так называемого «нейтрального реализма» с критическим анализом ключевых аргументативных ходов немецкого мыслителя и с проведением ряда философских параллелей. Например, с теорией значения Фреге, в рамках которой уже задавалась определенная модель работы со смыслом как составляющей знаковой системы. Также с понятием смысла в постструктурализме, в частности, у Деррида, для которого характерно признание смыслового горизонта в качестве границы мира наряду с отказом признавать некую реальность за пределами этого горизонта. Кроме того, в некотором отношении объектно-ориентированная философия Г. Хармана и плоская онтология Л. Брайанта могут быть сопоставлены с «нейтральным реализмом»: они разделяют реализм как базовую установку и иерархический взгляд на онтологию, в то же время существенно по-разному трактуя реальность и существование. Краткий обзор концептуальных решений, характеризующих реализм Габриэля, предполагает рассмотрение понятия «смысловое поле», а также нескольких онтологических принципов данной концепции, а именно нейтральность, унивокальность существования, анти-эссенциализм. Среди прочего, полемический интерес вызывает проблематичное понимание того, что значит «существовать» в онтологии Габриэля. Равно вызывает вопросы и недостаток позитивных результатов реалистической программы, которая предполагает в итоге некоторое знание и объяснение того, что такое «реальность». Статья завершается рядом критических замечаний (например, констатируется двойственность онтологии Габриэля, в которой смешиваются плюралистическая и унифицирующая стратегии определения сущего), которые ставят под вопрос исходные реалистические задачи его философского проекта.

Ключевые слова: М. Габриэль, онтология, реализм, смысл, существование, анти-редукционизм.

Для цитирования:

Кудба В.Н. Реалистический потенциал «нейтрального реализма» М. Габриэля // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 2. С. 163–172. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-163-172>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-163-172>

Received: 03.04.2023

Accepted: 15.06.2023

Published: 07.07.2023

REALISTIC CAPACITY OF M. GABRIEL'S «NEUTRAL REALISM»*Vladislav N. Kudba**Lomonosov Moscow State University (Moscow)*

The article concerns Markus Gabriel's philosophical conception — ontology and main theses of so-called «neutral realism», while questioning the most significant arguments of the German philosopher and con-

sidering a few other positions that it has parallels with. For instance, with Frege's conception of meaning, in which the notion of sense plays an important role, being one of the elements of the so-called «semantic triangle». Or with the notion of sense in post-structuralism, particularly in works by Derrida, who assumed sense as the horizon of the world, yet rejected any reality beyond it. Among others, G. Harman's object-oriented philosophy and L. Bryant's flat ontology appear to be to some extent relevant for comparing them with «neutral realism»: realism as a crucial point and anti-hierarchy of ontology seem to be a common place for each of them; however, the definition of reality and existence in each conception differs essentially. Giving a brief overview of conceptual solutions supposed to label Gabriel's philosophy as «new realism», the paper provides analysis of the notion of the «field of sense», as well as several ontological principles of the aforementioned conception: neutrality, univocality of being, and anti-essentialism. A polemic interest is drawn by the problematic understanding of existence in Gabriel's ontology. There can also be seen a problem with reaching positive results of Gabriel's realistic program, which is eventually supposed to give some sort of knowledge and explanation of what is real. The paper ends with some critical arguments (for instance, concerning an ambiguity of Gabriel's ontology, in which the pluralistic and unifying strategies of defining any beings tend to intertwine with one another), thus calling into question the initial realistic tasks of Gabriel's philosophical project.

Keywords: M. Gabriel, ontology, realism, sense, existence, anti-reductionism.

To cite:

Kudba V.N. [Realistic capacity of M. Gabriel's «neutral realism»]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 2, pp. 163–172 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-163-172>

Введение

В настоящей статье в качестве проблемы рассматривается реализм, а именно — реалистическая установка Маркуса Габриэля. Ракурс проблемы в данном случае обусловлен, помимо всего прочего, своего рода философским «вызовом» (по отношению к предшествующей традиции), который характерен для целого списка современных континентальных проектов реалистической направленности. Дело в том, что в современной континентальной мысли реализм зачастую не просто заявляется в качестве онтологического допущения, но и предполагает некоторый позитивный итог в качестве знания о реальности (то, что один из хедлайнеров спекулятивного реализма, К. Мейясу, обозначил как «прорыв» к Великому Внешнему). В связи с этим обнаруживается критическая возможность оценить философские ставки реалистических концепций по их результативности, в надежде сформулировать пост-кантовскую версию ответа на вопрос: что же мы, все-таки, знаем или можем знать о реальности? В силу этого целью настоящей статьи является критическая оценка реалистического потенциала концепции Маркуса Габриэля, одного из ярких представителей современного реализма.

Философский проект Маркуса Габриэля значится под заглавием «нейтральный реализм» и отсылает к целому кластеру современных философских концепций под эгидой так называемого нового реализма (New Realism). Общий замысел авторов в рамках данного направления состоит в том, чтобы, обнаружив несостоятельность прежних реалистических проектов, представить альтернативные философские средства для разговора о реальности. К числу таких авторов можно отнести зачинателей «спекулятивного реализма» К. Мейясу, Г. Хармана и Й.Г. Гранта, а также других исследователей, таких как М. Деланда, Т. Мортон, М. Феррарис, Т. Гарсия и других, чьи работы объединяет наличие определенных реалистических позиций. Стоит заметить, что в рамках условно объединяемого нового реализма существует ряд напряжений, расхождений и неопределенностей, которые вызваны тем, что авторы выводят концепции, исходя из собственных философских задач и посылок, строят специфические реалистические онтологии. Однако общим местом для них является пересмотр кантовского рубежа, ознаменовавшего ограничения познания в возможности доступа к реальности.

Надо также сказать, что вопрос о том, является ли реальность общим местом для самых разных онтологических классов, в специфическом аспекте рассматривался еще в схоластике как часть проблематического узла в споре о природе универсалий. Так, в частности, в трудах Дунса Скота можно обнаружить идею унивокальности бытия, указывающую на понимание бытия как общего свойства любой вещи, и свойство это выражается в ее реальном существовании (строго говоря, реально существовать может все, что не содержит противоречия). Такое «нейтральное» бытие безотносительно к противопоставлениям всеобщего и особенного, вечного и сотворенного, конечного и бесконечного [Скот И.Д., 2001, с. 404–407]. Согласно этому представлению, Бог является сущим наряду с другими сущими, только превосходит их по степени интенсивности (по количеству сущностных предикатов). Это допущение позволяет сделать предметом рассмотрения метафизики универсум самых разных реальных вещей, отказывая субстанции (лежащей в основе всего, вне конкретного единства формы и содержания) в онтологическом приоритете. Общие понятия, согласно Скоту, позволяют как схватывать сущность конкретной вещи (в ее умопостижимом бытии), так и постигать умом сущность божественных качеств через понятия. Стоит отметить, что эту однозначность бытия у Скота вспоминает Ж. Делез, говоря о том, что ее допущение позволяет познавать «формально различные смыслы, относящиеся при этом к бытию как к единственному означаемому, онтологически единому» [Делез Ж., 1998, с. 54]. Делез отмечает, что бытие одинаково для всех возможных модальностей, в то время как сами модальности не одинаковы. Бытие, таким образом, удерживает тождество в различии, оно «выражается в самом различии» [Делез Ж., 1998, с. 54]. Данная перспектива разговора о реальности, в которой унивокальный характер реальности каким-то образом совмещается с радикальной гетерогенностью всего существующего, находит свое отражение в онтологической концепции Маркуса Габриэля.

В 2013 г. Габриэль выпустил книгу «Warum es die Welt nicht gibt» (по-английски книга называется «Why the World Does Not Exist?»), где были сформулированы ключевые тезисы его концепции, базирующейся на онтологиче-

ском тезисе о том, что не существует никакой тотальности (обозначенной понятием «мир»), охватывающей все существующее (включая объекты, значения, и так далее) [Gabriel M., 2017, p. 75]. В дальнейшем, уже в 2015 г., вышла еще одна книга, «Fields Of Sense: A New Realist Ontology», которая представляет собой развернутое и углубленное пояснение к первой книге. Следует обратиться к упомянутым текстам, чтобы очертить тезисный контур реалистической концепции М. Габриэля и обозначить внутри «нейтрального реализма» некоторые проблематические места.

По большому счету, есть два основных реалистических тезиса, которые отстаивает Габриэль: 1) мы можем схватывать вещи как они есть; 2) вещи как таковые не принадлежат единственному «миру». Если первый тезис характеризует классическую версию реализма, то второй тезис подразумевает специфический реализм без признания унифицированной и фундаментальной реальности, к которой может быть сведено всякое сущее. В этом отношении сам Габриэль называет свою концепцию нейтральным реализмом, и это следует прояснить. Такой реализм подразумевает *нейтральность*, указывающую на свойство реальности быть множественной (в аспекте ее возможных форм). В частности, коррелятом «мира» на языке ученых является вселенная, которая исчерпывает физическую реальность [Gabriel M., 2017, p. 8]. Габриэля же не устраивает «мир», понимаемый как вселенная. Иными словами, он призывает прекратить рассмотрение реальности исключительно с позиции «внешнего мира», исследование которого является прерогативой естественных наук. Действительно, на каком основании понятие физической реальности должно считаться универсальным? Помимо реальности в понимании ученых, есть также реальность художественного вымысла у писателей, реальность подручного у домохозяек, реальность снов и видений у тех, кто их видит, и т.д. По большому счету, требование нейтральности онтологии означает противостояние любой редукции реальности к единому основанию или единому онтологическому домену.

В то же время реализм Габриэля не предполагает, что мы можем познать мир целиком, потому что «нет взгляда из ниоткуда», нет возможности взглянуть на мир извне, со стороны. Мир как бы включает любую предметную пер-

спективу [Gabriel M., 2017, p. 94]. Таким образом, исходный онтологический тезис (об отсутствии тотального универсума) дополняется эпистемологическим тезисом (о невозможности тотального познания). Далее следует еще один опорный пункт концепции Габриэля — онтологический *плюрализм*. Онтологический плюрализм отсылает к тому, что существование возможно всегда в каком-то конкретном предметном поле. Этот пункт становится понятен на контрасте с онтологическим плюрализмом, характерным для анти-реалистических философий. В частности, Х. Патнэм предполагал, что представления о реальности базируются и зависят от концептуальных предпочтений. Согласно Патнэму, к примеру, наивно полагать, что понятия «объект», «реальность» или «мир» имеют смысл вне наших собственных теоретических схем [Putnam H., 1992, p. 120]. Так, понятие «реальности» функционирует и в структуре языка научных теорий, и в языке фантастической литературы, и в бытовой сфере жизни. Реалистический плюрализм Габриэля, в свою очередь, предполагает, что вещи *существуют*, даже если никто не использует вообще никаких понятий о них. Вещи существуют в бесконечном количестве смысловых полей, но при этом вещь в каждый момент существует в каком-то конкретном смысловом поле. Так или иначе, существование всегда связано с появлением в смысловом поле [Gabriel M., 2017, p. 70]. Поле смысла Габриэль называет совокупность объектов, которые доступны в условиях конкретной совокупности правил (любых средств, дискурсов, практик). Например, единороги и драконы появляются в смысловом поле фантастической литературы, с ее жанровыми особенностями, онтологическими допущениями и специфическими поклонниками-читателями, а столы, стулья и чайники — в смысловом поле предметов обихода. Для Габриэля признавать реальность, которую никто не знает целиком и полностью, представляется гораздо справедливее, чем признавать реальность, постулируемую сугубо наукой. В этом противоборстве с научными представлениями о мире Габриэль пытается убедить нас, что физическая вселенная (и ее смыслы) не исчерпывает реальность (и ее смыслы). Таким образом, под удар ставится реалистическая перспектива науки, по крайней мере, в ее претензии на ис-

черпывающее или привилегированное знание о реальности. Говорить о «мире» нельзя не только потому, что это, согласно Габриэлю, означало бы сведение всех существующих форм к физической реальности, но также потому, что сама категория «мир» подразумевает онтологическое очерчивание реальности в каком-то одном, унивокальном смысле.

* * *

Интересно, что при попытке обрисовать свою онтологию, Габриэль пользуется понятием «поле» в силу того, что оно обладает более *нейтральными* характеристиками, чем, например, понятие «контекст», и может заменить собой понятие «онтологическая область» [Gabriel M., 2015, p. 167]. Кроме того, Габриэль задействует понятие «смысл», в связи с чем можно предположить некоторую параллель в том, как выстраивается теория значения Фреге. Классическая схема семантики, заключенная в паре знак–значение, трансформируется у Фреге с помощью введения дополнительной инстанции, через которую реализуется отношение элементов пары. Треугольник Фреге показывает, что помимо означаемого (объекта) и означающего (знака), есть также *смысл* как способ данности объекта [Фреге Г., 2000, с. 230–231]. Важно здесь то, что способ данности предполагает наблюдателя (или воспринимающую инстанцию), а также возможность альтернативного способа данности. С одной стороны, можно сказать, что способ данности обуславливает определенную перспективу (в ницшеанском смысле), ракурс или оттенок (у Гуссерля), в которых наблюдатель воспринимает объект. Но, с другой стороны, более интересно то, что перспективы, которые обращены на вещь, продиктованы самой вещью, а не воспринимающей ее инстанцией. Согласно Фреге, смысл объективен и не зависит от произвольных психологических свойств наблюдателя. Эта трактовка смысла в некоторой степени приближается к пониманию *явления* у Габриэля. Габриэль замечает, в частности, что «реальность состоит не в подлинных фактах, лежащих за явлениями, а в самих явлениях», а также, что «явления сами есть вещи-в-себе» [Gabriel M., 2017, p. 124]. Смысловые поля, согласно Габриэлю, не являются конструктами, описывающими совокупности объектов. Они представляют собой объ-

ективные структуры и обуславливают тот способ, каким объекты являются нам. Любое явление объекта объективно и происходит в поле смысла. Напомним, что семантика Фреге демонстрирует ситуации, когда у знака отсутствует референт, но при этом остается смысл (как в случае с некоторыми математическими знаками). Как представляется, онтология Габриэля подхватывает эту идею и усиливает тезис: смысл — это то, благодаря чему всевозможные фиктивные сущности остаются реальными. Иными словами, всевозможные конструкторы — это вещи, которые реально существуют, потому что обладают смыслом [Gabriel M., 2017, p. 133].

Уместно провести некоторое сопоставление идеи Габриэля о смысловых полях с некоторыми положениями условно объединяемого постструктурализма, в рамках которого, как представляется, также ставится под сомнение категория «мира». Дело в том, что для постструктуралистов особую значимость играли понятия дискурс и текст. Каждый дискурс стремится тотально описывать реальность, как это делают, например, наука, религия, метафизика. В частности, Ж. Деррида вскрывает то обстоятельство, что референтом любых таких описаний является не реальность как таковая, а другие дискурсы (цепи значений). Они равны по силе своих описательных свойств, и между ними нет строгих иерархических разделений, как нет и вне-дискурсивного целого (обозначенного как мир или реальность), к которому дискурсы бы отсылали. Именно в этом заключается суть высказывания Деррида о том, что «вне текста нет ничего» [Деррида Ж., 2000, с. 318]. В этом смысле справедливо отметить, что в постструктурализме удерживается тезис Габриэля об отсутствии мира как тотальности, но в то же время отрицается реальность, стоящая за дискурсами. Для Габриэля это принципиальный тезис, который выражается в признании того, что любой дискурс все же адресуется к реальности (а не к симуляции).

Далее немецкий философ утверждает, что все, что существует, существует в смысловом поле. Но само смысловое поле, будучи тоже существующим, само должно существовать в смысловом поле. Следовательно, наличествует бесконечное множество полей. По большому счету, Габриэль выводит 2 онтологических

класса: *объекты* (реальные и вымышленные) и *смысловые поля*. Между ними постоянно разворачиваются отношения, связанные с данностью того или иного объекта. Стоит заметить, что этот акцент на отношениях разводит концепцию Габриэля с объектно-ориентированной философией Г. Хармана (где отношения между реальными объектами невозможны), или, например, с онтологией «модусов существования» Б. Латура (где происходит переключение режимов существования, в рамках которых отношения всегда опосредуются новыми участниками).

Надо отметить, что универсум физических объектов и универсум фикций для Габриэля являются только двумя смысловыми полями из многих, и различие между ними является не модальным, а функциональным (т.е. о реальности физических объектов или реальности фикций можно судить применительно к конкретному дискурсу, с его значениями, правилами и функциями). Для характеристики различных возможных способов говорения о мире, Габриэль использует понятие «дискурс» в постструктуралистском значении, подразумевающим любой язык, в котором так или иначе *конструируется* реальность. По большому счету, онтологический реализм Габриэля предполагает занятие позиции как бы между метафизическим реализмом, которому интересен мир «без зрителей», и всевозможными формами конструктивизма, которые говорят о «мире для зрителей» [Gabriel M., 2017, p. 7].

Габриэль утверждает, что прежде, чем задавать вопрос о существовании вещи, нужно определить конкретный домен или план существования. Однако не значит ли это, что мы просто должны уточнить род сущего, прежде чем приписывать ему существование? Тогда проблема состоит в том, что разные смысловые поля могут оказаться различиями в природе вещей (а существование останется всеобщим и унивокальным). Габриэль безусловно отказывается от признания какой бы то ни было реальности фундаментальной. Существование всегда относится к одному или нескольким смысловым планам. Габриэль рассматривает альтернативы монизма (Спиноза) и дуализма (Декарт) в философии, но делает выбор в пользу плюрализма, утверждая, что мы не можем унифицировать все существующее, подгоняя

это многообразие под одно или несколько субстанциональных оснований. Таким образом, существование не является унифицирующим свойством вещей [Gabriel M., 2015, p. 43–44].

Где же здесь усматривается реалистическая перспектива? Дело в том, что онтология Габриэля предполагает возможность говорить что-то о реальности, производя, собственно, процедуру ее описания (в терминах наук, или на языке художественных образов, или же как-то иначе). Можно сказать, например, что эти описания совершенно не обязаны *соответствовать* реальности (хотя, наверное, могут), и это расхождение будет отражать позицию в рамках дуализма мышления и бытия. Но Габриэль полагает, что описания реальности тоже в каком-то смысле принадлежат реальности, также как и мышление принадлежит реальности. Иными словами, сам *факт* чего-либо является не просто тем, что делает возможной истину, но сам является истиной. Здесь возникает другой вопрос: как мы тогда вообще можем отличать говорение от того, о чем говорится (иными, словами, реальность от ее описания)? По большому счету реализм Габриэля предполагает, что это различие не имеет смысла, поскольку любое говорение (описание) само по себе имеет место в некотором смысловом поле (например, в смысловом поле конкретной концепции, теории, повести), и, следовательно, *реально существует* для тех, кто его осуществляет (производит).

В рамках нового реализма имеется ряд так называемых плоских онтологий, базовым принципом которых является утверждение не-иерархической реальности, в рамках которой все объекты равно существуют. В этом отношении онтология смысловых полей Габриэля является еще более «плоской», поскольку делает существование максимально пластичным. Если, в частности, объектно-ориентированная онтология Хармана или Брайанта подразумевают хотя бы минимальное определение объекта, который является онтологической единицей, «нейтральный реализм» Габриэля обнаруживает такое смысловое поле, в которое могут быть включены вообще любые другие онтологии или языки описания. Учитывая плюрализм данной концепции, любая плоская онтология в определенном смысле является реальной, ни больше ни меньше любой другой. Может существовать сколько угодно разных языков описания (онто-

логий), и все они в равной мере говорят о реальности, которая не исчерпывается ни одним из них. Онтология Габриэля — это попытка построить максимально плоскую онтологию, которая бы могла бы дать место любым конфликтующим дискурсам, существам, объектам и онтологиям.

В этой же попытке, однако, скрывается и некоторый теоретический изъян концепции Габриэля. Он определяет существование как «появление в смысловом поле», тем самым задавая некое абстрактное общее определение [Gabriel M., 2015, p. 225]. В такой трактовке унивокальное существование предполагает универсальный гомогенный домен, к которому относится все, что существует. Каков же статус этого общего понятия существования? Один из критических аргументов, который можно предъявить онтологии Габриэля, базируется на том, что вней смешиваются и входят в конфликт унифицирующая и плюралистическая стратегии определения существования и реального объекта. В частности, исследователь П. Вульфендейл отмечает, что реальность начинает играть роль абстрактного понятия, к которому обращаются, когда нужно подвести слишком широкий класс сущностей под единое категориальное основание [Wolfendale P., 2014, p. 137]. Вульфендейл, по сути, обращает свой аргумент в адрес любых реалистических онтологий. К примеру, в онтологиях Л. Брайанта, М. Деланда и Й. Богоста возникает аналогичная сложность с тем, как регистрировать границы реального, учитывая, что, с одной стороны, объявляются одинаково существующими объекты предельно широкого класса, а с другой, что отсутствуют четкие критерии того, что значит «существовать». В этом смысле реальность теряется из виду, превращаясь в присутствующее отсутствие: реальность присутствует в конкретной онтологии в виде знака, но при этом не присутствует в качестве, собственно, реальности. Это замечание П. Вульфендейла в адрес нового реализма оправдано, как представляется, и в случае с реализмом Габриэля. Однако это тот случай, когда критический аргумент базируется на совершенно другой онтологической посылке, чем критикуемая с помощью него позиция. Дело в том, что существование и реальность, о которых спрашивает Вульфендейл, подразумеваются в качестве

унивокальных понятий (близко к схоластической трактовке), в то время как «появление в смысловом поле» (существование, по Габриэлю) таковым, очевидно, не является.

Поскольку задачей данного обзора объявлялось рассмотрение двух упомянутых в самом начале тезисов М. Габриэля, то теперь, когда был рассмотрен онтологический реализм Габриэля (с его отрицанием тотальной онтологии), необходимо также затронуть возможность *схватывания/постижения* реальности (выраженную в тезисе о возможности говорить о вещах как таковых). Стоит заметить, однако, что Габриэль говорит не совсем о знании. Для прояснения следует упомянуть различие онтологического (утверждение существования вещей в себе, независимых от наших форм мышления) и эпистемологического реализма (возможность истинного знания о вещах в себе), которое встречается у Л. Брайанта в книге «Демократия объектов» [Брайант Л., 2019, с. 114]. В текстах некоторых спекулятивных реалистов эпистемологический реализм не является запретом. В частности, К. Мейясу предполагает, что математика сможет сказать что-то об абсолютной реальности, а именно — позволит описывать фундаментальные законы реальности независимо от их чувственных проявлений [Мейясу К., 2015, с. 174]. В этом же ключе в дискуссии о современном реализме М. Деланда и Г. Харман констатируют, что Кант был одновременно и онтологическим реалистом (поскольку утверждал существование вещей-в-себе), и эпистемологическим антиреалистом (поскольку отвергал возможность познать вещи-в-себе) [Delanda M., Harman G., 2017, p. 48–49].

С точки зрения Габриэля, нельзя сводить знание к некоторому ограниченному ряду форм, а реальность — к унифицирующим критериям. Он фактически пытается нивелировать указанное различие, которое часто представлено в виде оппозиции реальности и ее репрезентации. Этот пересмотр выражается в ряде положений его концепции: 1) ментальные объекты (феномены) не могут быть сведены к физико-химическим процессам, хотя и зависят от них; 2) мысль не есть репрезентация вещи, но то, что вскрывает модус данности, конститутивный для этой вещи; 3) одни и те же объекты проявляют себя по-разному для воспринимающих сторон; 4) мы имеем доступ к объектам как они есть, но этот

доступ никогда не является исчерпывающим (по большому счету, он всегда является подверженным ошибкам в силу ограниченности нашего когнитивного аппарата) [Kostova A., 2017, p. 142–143]. Габриэль, по сути, обнаруживает исходный перспективизм в любой попытке помыслить нечто или сказать о чем-то (т.е. обеспечить появление этого «нечто» в том или ином смысловом поле), и вместе с тем утверждает, что любая перспектива в равной степени связана с полаганием реальности.

В связи с этим нужно отметить, что несмотря на артикулированное отмежевание Габриэля от объектно-ориентированной онтологии (ООО) и всевозможных плоских онтологий, может показаться, что некоторые из его тезисов подозрительно смыкаются, к примеру, с объектно-ориентированной философией Г. Хармана. В частности, Харман тоже говорит о невозможности исчерпывающего познания объектов, которые всегда «изъяты» из отношений с другими объектами в своей неисчерпаемой ноуменальной глубине [Harman G., 2005, p. 44]. Но Габриэль все-таки предлагает более изящный и позитивный вариант ограничения познания: каждое смысловое поле, в котором появляется объект, само также представляет собой отдельный объект, поскольку присутствует в другом смысловом поле. М. Лагер в обзоре онтологии Габриэля обнаруживает причудливую игру онтологических модусов. Итак, объект *появляется* в смысловом поле, которое само *не является*, а служит *условием данности* объектов. При этом само смысловое поле — это тоже объект, потому что тоже реально существует, а значит, оно *является* в каком-либо другом смысловом поле (поскольку существовать = являться в смысловом поле). Таким образом, как уже было показано, вся онтология описывается отношениями между объектами и смысловыми полями, хотя, по сути, существуют только объекты: каждый объект в одном отношении выступает как *объект* (является в смысловом поле), а в ином отношении выступает как *смысловое поле* (как условие данности другого объекта) [Luger M., 2017].

Если сопоставить эту позицию с позициями других представителей современного реализма, то можно представить общее разделение возможных точек зрения внутри этого направления на реляционизм и субстанциализм [Kleinherenbrink A., 2018, p. 140]. В первом случае

концепции базируются на положении о том, что сущности исчерпываются суммой своих отношений и манифестаций. К реляционным философиям можно отнести и онтологию М. Габриэля. Напротив, субстанциалистская философия предполагает, что сущности имеют собственное онтологическое «ядро», нередуцируемое к отношениям, в которые они вступают и к тому, как они предстают перед другими сущностями. Объектно-ориентированная философия Г. Хармана с ее утверждением о том, что реальные объекты всегда уклоняются от возможности схватывания, является как раз примером субстанциализма [Kleinherenbrink A., 2018, p. 141].

Так или иначе, и реляционизм, и субстанциализм преследуют схожие цели, по крайней мере в том, что касается возможности говорить о реальности. Л. Морелль обозначает общую тенденцию реалистических проектов в рамках условно объединяемого нового реализма, известного как «онтологический либерализм», который, во-первых, допускает предельно широкий класс реально существующих сущностей, и, во-вторых, описательную полноту, т.е. возможность составить всеобщий каталог сущностей безотносительно к их качествам [Morelle L., 2016, p. 454]. В этом отношении онтологический либерализм следует противопоставить платонизму (который утверждает существование абстрактных сущностей), а также слабым формам антиредукционизма (отстаивающим онтологический статус отдельных, например, социальных или ментальных объектов). Как отмечает Морелль, действительной сложностью для реализма Габриэля становится отсутствие реального противоречия между конфликтующими описаниями: так, теории естественных наук не противоречат фантазийному миру литературы [Morelle L., 2016, p. 461]. Если вещи являются в разных смысловых полях, то, соответственно, имеют место альтернативные описания вещей. Каким образом можно ориентироваться между этими разными смысловыми полями? На чем в конечном счете держится значимость одних или других смысловых полей, и как осуществляется переход между этими полями? Если основным принципом в борьбе с редукционистской мыслью становится «инфляционная онтология», отвергающая любое ограничение во имя фун-

даментальной гетерогенности реального, такой онтологический либерализм оборачивается невниманием к различиям между многообразными реальностями [Morelle L., 2016, p. 461]. Следует признать, что при этом плюралистическая онтология становится антиредукционистской, антиконструктивистской и антиэссенциалистской, но какой ценой?

М. Габриэль производит изначальный жест отделения онтологии (занимающейся прояснением существования отдельных сущих) от метафизики (занимающейся тотальным сущим или «миром»). Онтология, которая выстраивается на принципах нейтрализма, становится предельно обширным вместилищем всевозможных сущностей, которые могут быть помыслены, представлены, схвачены, изучены, обнаружены и т.д. Действительно, рациональные механизмы мышления (например, рассудок в кантовском смысле) во многом определяют функционирование смыслового поля науки точно так же, как воображение определяет функционирование смыслового поля художественной литературы. Те или иные когнитивные механизмы обуславливают наличие определенных смысловых полей, но их число не ограничивается рамками человеческого мышления. Габриэль полагает, что смыслов бесконечно много, по крайней мере, в возможности. Однако такая онтология в ее позитивном изводе позволяет лишь утверждать, что вещь *есть* (существует), но по-прежнему неспособна объяснить, *что* есть вещь. Как справедливо отмечает Б. Норрис, в таком случае на месте реализма оказывается содержательно пустой формализм онтологии [Norris B., 2015, p. 496].

Заключение

Критический обзор нескольких важных положений «нейтрального реализма» Маркуса Габриэля показал, что реализм по-прежнему остается актуальной философской позицией, претендующей на то, чтобы что-то говорить о мире, в котором мы живем. Однако нет сомнений в том, что подобная позиция всегда достаточно рискованна по самым разным причинам. Если некоторые объяснительные лакуны можно списать на незавершенность проекта, то иные положения уже на данном этапе делают его реализацию проблематичной. Так, в результате исследования выяснилось, что М. Габриэль заяв-

ляет о плюралистичной реальности, право на знание которой больше не принадлежит какой-то одной картине мира (философии, науке, искусству, здравому смыслу и любым иным формам осмысления). Реальность, как она характеризуется в рамках онтологии Габриэля, принадлежит сразу всем возможным картинам мира. Но оказалось, что этот вполне демократический жест имеет и свою цену, а именно размытие границ самой категории реального, в результате чего теряется критерий, по которому позитивное утверждение о реальности можно отличить от любого другого (даже не философского) утверждения о мире. Реальность оказывается настолько плюральной, что о ней в принципе ничего уже нельзя сказать «в целом», без привязки к конкретной перспективе, и ее кажущееся онтологическое приближение обрывается, как представляется, еще более радикальным отдалением.

Список литературы

- Брайант Л. Демократия объектов / пер. с англ. О.С. Мышкина. Пермь: HylePress, 2019. 314 с.
- Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н.Б. Маньковской, Э.П. Юровской. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
- Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
- Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сб. тр. / пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.
- Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. с англ. Л. Медведевой. Екатеринбург, М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
- Скот И.Д. Гносеология и Метафизика // Скот И.Д. Избранное / пер. с лат.; сост. и общ. ред. Г.Г. Майорова. М.: Изд-во Францисканцев, 2001. С. 318–461.
- Delanda M., Harman G. *The Rise of Realism*. Cambridge, UK: Polity Press, 2017. 240 p.
- Gabriel M. *Fields of Sense: A New Realist Ontology*. Edinburgh, UK: Edinburgh University Press, 2015. 400 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780748692903>
- Gabriel M. *Why The World Does Not Exist?* Cambridge, UK: Polity Press, 2017. 256 p.
- Harman G. *Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things*. Chicago, IL: Open Court, 2005. 280 p.
- Kleinherenbrink A. *Fields of Sense and Formal Things: The Ontologies of Tristan Garcia and Markus Gabriel* // *Open Philosophy*. 2018. Vol. 1, iss. 1. P. 129–142. DOI: <https://doi.org/10.1515/opphil-2018-0010>
- Kostova A. *Truth and Representation: The Realist Turn and the Project for a New Ontology* // *Philosophia*. 2017. Vol. 15. P. 137–144.
- Luger M. *Against the World: Controversies on Markus Gabriel's New Realism*. 2017. URL: <https://www.academia.edu/37623410/> (accessed: 16.02.2023).
- Morelle L. *The Trouble with Ontological Liberalism* // *Common Knowledge*. 2016. Vol. 22, iss. 3. P. 453–465. DOI: <https://doi.org/10.1215/0961754x-3622316>
- Norris B. *Book Review: Markus Gabriel, «Fields of Sense: A New Realist Ontology»* // *Graduate Faculty Philosophy Journal*. 2015. Vol. 36, iss. 2. P. 493–496. DOI: <https://doi.org/10.5840/gfpj201536230>
- Putnam H. *Renewing Philosophy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 248 p. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674042384>
- Wolfendale P. *Object-Oriented Philosophy: The Noumenon's New Clothes*. Falmouth, UK: Urbanomic, 2014. 464 p.

References

- Brayant, L. (2019). *Demokratia ob'ectov* [The democracy of objects]. Perm: HylePress Publ., 314 p.
- Delanda, M. and Harman, G. (2017). *The rise of realism*. Cambridge, UK: Polity Press, 240 p.
- Deleuze, G. (1998). *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition]. St. Petersburg: Petropolis Publ., 384 p.
- Derrida, J. (2000). *O grammatologii* [Of grammarology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 512 p.
- Frege, G. (2000). [On sense and reference] *Frege G. Logika i logicheskaya semantika* [Frege, G. Logic and logical semantics]. Moscow: Aspect Press Publ., pp. 230–246.
- Gabriel, M. (2015). *Fiends of sense: a new realist ontology*. Edinburgh, UK: Edinburgh University Press, 400 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780748692903>
- Gabriel, M. (2017). *Why the world does not exist?* Cambridge, UK: Polity Press, 256 p.
- Harman, G. (2005). *Guerrilla metaphysics: phenomenology and the carpentry of things*. Chicago, IL: Open Court Publ., 280 p.
- Kleinherenbrink, A. (2018). *Fields of sense and formal things: the ontologies of Tristan Garcia and Markus Gabriel*. *Open Philosophy*. Vol. 1, iss. 1,

pp. 129–142. DOI: <https://doi.org/10.1515/opphil-2018-0010>

Kostova, A. (2017). Truth and representation: the realist turn and the project for a new ontology. *Philosophia*. Vol. 15, pp. 137–144.

Luger, M. (2017). Against the world: controversies on Markus Gabriel's new realism. Available at: <https://www.academia.edu/37623410/> (accessed 16.02.2023).

Meillassoux, Q. (2015). *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After finitude: An essay on the necessity of contingency]. Yekaterinburg, Moscow: Kabinetnyy Uchenyy Publ., 196 p.

Morelle, L. (2016). The trouble with ontological liberalism. *Common Knowledge*. Vol. 22, iss. 3, pp. 453–465. DOI: <https://doi.org/10.1215/0961754x-3622316>

Norris, B. (2015). Book Review: Markus Gabriel, «Fields of Sense: A New Realist Ontology». *Graduate Faculty Philosophy Journal*. Vol. 36, iss. 2, pp. 493–496. DOI:

<https://doi.org/10.5840/gfpj201536230>

Putnam, H. (1992). *Renewing philosophy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 248 p. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674042384>

Skotus, J.D. (2001). [Gnoseology and metaphysics]. *Skot I.D. Izbrannoe* [Skotus J.D. Selected works]. Moscow: Frantsiskantsev Publ., pp. 318–461.

Wolfendale, P. (2014). *Object-oriented philosophy: the noumenon's new clothes*. Falmouth, UK: Urbanomic Publ., 464 p.

Об авторе

Кудба Владислав Нодариевич

аспирант кафедры онтологии и теории познания

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова,

119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;

e-mail: soood.dably@mail.ru

ResearcherID: ISV-4898-2023

About the author

Vladislav N. Kudba

Postgraduate student of the Department of Ontology and Theory of Knowledge

Lomonosov Moscow State University,

27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;

e-mail: soood.dably@mail.ru

ResearcherID: ISV-4898-2023

УДК 164

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-173-186>

Поступила: 01.02.2023

Принята: 12.05.2023

Опубликована: 07.07.2023

ОНТОЛОГИЯ, ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ И ЦЕННОСТИ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО «ФИЛОСОФИЧЕСКИХ» РЕМИНИСЦЕНЦИЙ

Шрейбер Виктор Константинович

Челябинский государственный университет (Челябинск)

Статья продолжает серию публикаций, посвященных прояснению отношений между философией и мировоззрением. Ее предметом являются механизмы взаимодействия онтологических и ценностных установок в процессах принятия решений. Предполагается, что философия всегда так или иначе стремилась к их осмыслению, и именно нарастание культурной значимости этих усилий способствовало вычленению онтологии из общего метафизического лона. Статья начинается анализом понятия существования и экспликацией эволюционных предпосылок ситуаций, где возникает нужда в принятии решений. В связи с этим уточняются отношения отбора и выбора: первый предполагает заранее определенный критерий выбора, тогда как второй имплицитно предполагает свободу устремлений субъекта. В основной части статьи вводится идея схемы принятия решения как модели, объединяющей динамический и пространственный аспекты данного феномена, и исследуются отношения между бытием, возможностью и целями, а также функции картины мира и ценностей в целеполагании. При этом особое внимание уделяется природе ценностей и когнитивному сходству картины мира и онтологии. Поскольку ценности — часть сущего, для реформы метафизики требовалось прояснить различия между картиной мира и ценностями на категориальном уровне. В последнем разделе на основе полемики Локка и Лейбница о природе справедливости выдвигается гипотеза, что принцип достаточного основания явился эпистемической предпосылкой для становления аксиологии в качестве особой области философствования. Он позволил трансформировать обязательность объяснения, характерную для онтологических штудий, в поиски доводов для принятия критерия. Суммарно данный материал позволяет представить отношение картины мира и ценностей в качестве основного внутреннего противоречия мировоззрения.

Ключевые слова: онтология, существование, развитие, самоорганизация, отбор и выбор, возможность, принятие решения, ценности, закон достаточного основания.

Для цитирования:

Шрейбер В.К. Онтология, принятие решения и ценности, или несколько «философических» реминисценций // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 2. С. 173–186.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-173-186>

ONTOLOGY, DECISION-MAKING, AND VALUES, OR SEVERAL «PHILOSOPHICAL» REMINISCENCES

Viktor K. Shreiber

Chelyabinsk State University (Chelyabinsk)

The paper continues a series of the author's publications on relationships between philosophy and *Weltanschauung*. Its subject is the mechanisms of interaction between ontological attitudes and values in decision-making. It is assumed that philosophy has always, one way or another, strived for their comprehension, and it was the increasing cultural significance of these efforts that contributed to the separation of ontology from the general metaphysical field. The article begins with an analysis of the concept of existence and an explication of the evolutionary premises of situations where the need for decision-making arises. The author refers to the concept of a self-organizing system, the role of information blocks and the place of selection and choice in its reproduction. Selection is based on predetermined criteria, while choice, with its greater or lesser certainty of the options, on the contrary, implies variability of the agent's aspirations. In the main part of the article, the author introduces the idea of a decision scheme as a model that combines the dynamic and spatial aspects of this phenomenon; relations between being, possibility, and goals are explored. Special attention is given to the importance of spiritual values for the formation of goals and to the cognitive similarity between ontology and the picture of the world as a component of the worldview. Since values exist, the restructuring of metaphysics demanded clarification of the functions of values in decisions. The last section, based on the controversy of Locke and Leibniz over justice, shows that the law of sufficient reason was an epistemic prerequisite for the formation of axiology as a special area of philosophizing. All the material considered makes it possible to present the relationship between the picture of the world and values as the basis of the goal-setting.

Keywords: ontology, existence, development, self-organization, selection and choice, opportunity, decision-making, values, the law of sufficient reason.

To cite:

Shreiber V.K. [Ontology, decision-making, and values, or several «philosophical» reminiscences]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 2, pp. 173–186 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-173-186>

Введение

Поскольку понятие бытия как результат предельного перехода предполагало отвлечение от конкретной чувственности воды, «корней» или воздуха, метафизика была онтологией. Потом они разошлись, и в лоне метафизики формируются новые предметные подразделения: для древних (прекрасное, добро, святое и истина) были лишь разными аспектами одной и той же субстанции. Сегодня они — предметы разных философских дисциплин.

Основания такой дифференциации понятны. Общество — открытая система; оно не может

не меняться: технология, социальная сфера, культура подвижны. Философская рефлексия всегда стремилась быть на передовой линии цивилизационных сдвигов. Отсюда в философии менялись тематика, методы, категориальный состав и его содержание. Изменения такого рода известны. Я хочу поставить вопрос шире: нет ли исторической логики в развитии строения философского знания как целостности? Мой ответ будет положительным и тезисно может быть представлен следующим образом: предметом философской рефлексии является структура (схема) ситуации принятия решений, и специфические особенности онтоло-

гического знания обусловлены его ролью в анализе тех альтернатив, которые, собственно, и ставят человека перед обязательностью самоопределения, т.е. выбора направления тех усилий, которые нужны для преодоления жизненных трудностей. Это заявление требует пояснения. Будем полагать, что «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [Маркс К., 1959, с. 7].

Мировоззрение как идейное обеспечение жизни контролирует только те ее участки, где эта концептуализация подготовлена. Однако философия, будучи рациональной формой мировоззренческой рефлексии, способна заглядывать чуть-чуть вперед. В метафорическом смысле философия, как и высшая математика, подобна сумасшедшему портному: «она шьет штаны на вырост». Иными словами, бывали эпохи, когда успехи метафизики сводились к прояснению смысла отдельных категорий и категориальных связей. Но этим создавались условия для нового синтеза. В Европе эта перестройка началась в XVII столетии и ее отличительными признаками явились унаследованный от христианства и Возрождения антропоцентризм и жесткое легитимизированное Декартом противопоставление субъекта и объекта.

Новый ход мысли позволил отнести к природе как бездонной кладовой, самим богом предназначенной для все более полного удовлетворения потребностей *человеков*. В силу того, что использование природных богатств во многом зависит от достижений науки, «новая философия» подрядилась на службу науке и стала строить себя по модели научного знания. Иначе говоря, главной своей ценностью она приняла истину. Сегодняшнее положение дел в мире таково, что рационализация должна охватить *все* значимые компоненты мировоззрения и — главное — представить их как целостную структуру, т.е. в виде *единого* внутренне дифференцированного предмета, частью которого являются наши представления о бытии.

Отсюда вытекают два вопроса первого раздела: что есть существование и какое, собственно, существование привлекает внимание

онтологов. Второй и третий разделы посвящены отношениям между самоорганизацией, принятием решения и онтологией, где вводится идея принятия решения и показывается связи между понятием бытия и концептом возможно-го. В последнем разделе предлагается рассмотреть отношения возможности с ценностями и обозначить некоторые исторические линии эволюции философского знания, ведущие к современному более строгому взгляду на структуру философии, и на этом основании найти один из формальных критериев для разграничения исторических типов мировоззрений.

1. Что такое существование?

Понятие бытия содержит только один признак — признак существования, и как таковое обладает скудным эвристическим потенциалом. Как максимум оно позволяет ввести в оборот идеи небытия (ничто) и движения как единства сущего и несущего. Но очевидно, что для уразумения того, как и почему разделились онтология и метафизика, этого наблюдения недостаточно. Соответственно, нужна конкретизация идеи существования. Сразу уточним, что классификация видов бытия в статье специально не рассматривается. За отправной пункт примем ту типологию видов, которая в российской традиции конца 80-х была представлена Н. Мотрошиловой и поныне кочует по страницам русскоязычных публикаций. В 2007 г. английский философ Р. Ле Пойдевин предложил примерно такое же описание видов бытия в их корреляции с основными проблемами теории существования [Le Poidevin R., 2009]. Автор дает живое, исторически фундированное и с минимумом технической терминологии изложение материала. Далее будем опираться на некоторые его идеи и интуиции.

Челябинский метеорит, параллельные миры, доказательство теоремы — все это разные виды сущего. Метеорит — вещественный феномен. Доказательство теоремы или гипотеза о структуре универсума — явления ментального порядка. Дыра в куртке или в космосе — еще один вид бытия (небытия?). Во всех этих случаях мы понимаем, о чем идет речь, когда говорим, что они существуют. Но какое именно свойство этих явлений позволяет применить к ним одно и то же понятие — существование? В одном ли и том же смысле слово «быть» ис-

пользуется применительно к доказательству теоремы, метеориту, параллельным мирам и различным дырам? Что же, собственно, означает «X существует»? В идеале хотелось бы получить полное описание того, что значит «существовать».

Обычно мы осознаем существование вещи, когда сталкиваемся с ней: это может быть прикроватная тумбочка, на которую натыкаемся спросонья; звезда, привлекающая наше внимание вечером; дальний родственник, наличие которого мы неожиданно обнаружили. Отсюда можно предположить, что существовать — это оказывать на нас действие. Предположение это прямым ходом ведет к созерцательному взгляду на мир и всем его слабостям. Они хорошо известны, и здесь лишь укажем, что влиять могут и несуществующие (non-existent) объекты. К примеру, шестилетняя Маша может бояться Бармалея. Правда, можно возразить, что важен не сам Бармалей, а *представление* Маши о Бармалее. В таком случае нам придется вернуться назад и уточнить, что объект существует тогда и только тогда, когда он обладает теми или иными свойствами независимо от его репрезентации в качестве обладателя этих свойств. Но познавательной ситуации эта модификация не спасает. Тут возможны три контраргумента.

Во-первых, по Пуадевену, насколько корректно обуславливать существование объекта наличием других объектов? Как быть в случае, если бы в мире существовал только один объект? Он не мог бы повлиять ни на какой другой по самому порядку мироздания. И все же он бы существовал [Le Poidevin R., 2009, p. 84]. Во-вторых, встает проблема несуществующих объектов, ведь кроме Машиного страха перед Бармалеем есть еще числа. Без них не было бы доказательства теоремы. Но как они существуют? Тумбочка (для простоты отождествим материальное с вещественным) локализована в пространстве, но как можно наткнуться на числа? Для объяснения придется вернуться к формам Платона, идеальным сущностям Гуссерля и т.д. В-третьих: чтобы испытывать воздействие другого объекта, нужно существовать, — этот момент, который подчеркивался еще в «Анти-Дюринге», будет важен для понимания функциональных ограничений онтологии.

Во всяком случае ссылка на «воздействие» не выводит определение «существования» за пределы логического круга. Становится ясно, что исходить надо не из действия, а из взаимодействия. Исток догадки кроется в античности: в «Софисте» один из персонажей, которого автор вводит под именем Чужеземца, замечает, что «все, обладающее по своей природе способностью либо воздействовать на что-то другое, либо испытывать хоть малейшее воздействие, <...> — все это *действительно существует*» (курсив наш. — В.Ш.) [Платон, 1970, с. 367]. Чужеземец проводит точку зрения элеатов, и его реплику можно понять трояким образом: (1) как экспликацию перехода от «все течет» к парменидовскому противопоставлению изменения как видимости и неизменности того, чт.е. по истине [Шрейбер В.К., 2010].

По второй версии, позиция Чужеземца скрывает возможность поворота к проблеме несуществующих объектов вроде дыр, отверстий и отражений. Объекты такого рода обладают свойствами. Так, у дыры есть размер и форма. Дыра на джинсах может служить определенным символом. В дыру могут провалиться какие-то предметы. Она обладает локализацией по отношению к другим вещам. Пространство как территорию можно разделить на меньшие участки пространства, но мы не говорим, что дыра содержит в себе дырки меньшего размера. Если исчезнут объекты, окружающие дыру (ткань или участок земли), то исчезнет и дыра. Дыры, хотя они существуют, зависят от наличия других вещей. Ле Пуадевен предлагает закрепить за ними название «полусуществующих» (half-existent) объектов [Le Poidevin R., 2009, p. 87].

Наконец, в третьем толковании взгляды Чужеземца можно репрезентировать как приглашение обратиться к атрибутивной концепции существования, согласно которой существование есть не что иное, как свойство обладать другими свойствами. В середине 70-х гг. эту трактовку подверг анализу британский исследователь Кларк Батлер. «Современная точка зрения, похоже, принуждает (commit to) к утверждению, что существование является свойством иметь свойства (of having properties). В терминах теории типов можно сказать, что существование, подобно свойству иметь все качества достаточной общности, является свой-

ством второго уровня» [Butler С., 1976, p. 118]. Далее автор сопоставляет эту свою идею (очень эскизно) с позицией Канта и Гегеля.

Внешне результат Батлера противоречит воззрениям классиков. Знакомство, к примеру, с кантовской критикой онтологического аргумента показывает, что для Канта существование не является «реальным» свойством; оно не подразумевается понятием предмета, о котором идет речь. Оно обнаруживается в опыте и может быть названо синтетическим апостериори. Вместе с тем существование не является и «логическим» свойством, оно не содержится в понятии обсуждаемого предмета. С этой точки зрения оно есть аналитическое априори. Таким образом, одно и то же свойство может быть реальным (в случае своего воплощения (*exemplification*)) и (при отсутствии этого варианта) иметь лишь логический статус. Но тогда Кант, чтобы не скатиться к скептицизму Юма, вынужден допустить наличие синтетических свойств априори, т.е. таких, которые атрибутируются данному предмету в синтетическом суждении априори. Также и в гегелевском учении признается, что существование может не быть реальным или логическим свойством и оставаться свойством, ибо для Гегеля «быть» — это «быть чем-то». В этом случае утверждение «это существует» является аналитической истиной априори, а существование — логическим свойством. И в критическом идеализме, и в абсолютном так или иначе получается, что существовать в метафизическом смысле — это обладать способностью создавать свойства или, по-другому, атрибуты.

В картезианской версии субстанция имела два атрибута; в свете современных знаний о мире атрибутов может быть много. Последнее обстоятельство открывает перспективу разных классификаций и ведет к вопросу, какое именно существование привлекает онтологов? Онтолог не историк: единичные, сингулярные события онтологов интересуют не больше, чем, скажем, вопрос о том, кто купит замок Аллы Борисовны и Максима Галкина. Онтология ищет общее. Онтолога заботят типы.

Тип — это набор общих характеристик ряда сходных предметов, представленный в виде самостоятельной сущности. Коль скоро онтология озабочена поиском типов, необходимо пояснить, чем онтологическое обобщение отлича-

ется от эмпирического. Батлер усматривает одно из различий эмпирического и онтологического в культурной изменчивости эмпирических типов, в том, что они «зависят от специфических (*particular*) интересов и опыта данной культуры» [Butler С., 1976, p. 121]. Однако сегодня показано, что историческая изменчивость присуща и онтологическим учениям, и различие здесь не в принципе, а лишь в мере. Культурная база онтологии богаче, она много шире, поэтому изменения в учении о бытии идут медленнее, нежели в какой-то частной сфере.

Впрочем, аналитик, видимо, осознает недостаточность своего аргумента и в трактовке онтологического типа предлагает обратиться к «субстанции» как базовому концепту метафизики, понимая ее как некую «по природе (*essentially*) независимую, отдельную (*individual*) и неделимую сущность» [Butler С., 1976, p. 121]. Онтологические типы суть отображения всеобщих сторон и аспектов всех сущностей, и находят они свое выражение в связях категорий. Это положение Батлера представляется разумным и правильным, но оно не так уже сильно отличается от воззрений классиков.

Подводя первые итоги, отметим следующее. В метафизике издавна укоренилось убеждение, что обладать онтологическим статусом и существовать — это одно и то же. Оно позволяет включать в сущее все за исключением логических фикций вроде квадратных кругов или золотых гор. Для классики существовать в метафизически значимом смысле — это быть примером какого-то свойства; слово *exemplification*, которое используется в этом контексте, означает воплощение. Существование с этой точки зрения есть создание экземпляра.

Попытки прояснить смысл «существования» показали, что существование, различие, действие, изменение и взаимодействие представляют собой аспекты одной и той же реальности. Логически они предполагают друг друга: чтобы существовать, надо различаться; попытка приписать бытие одному-единственному объекту превращает феномен существования в фикцию. Единство без различий — это чистая абстракция. Она, правда, «работает» в качестве одного из миров Дэвида Льюиса, но у этого мира очень ограниченная онтология и проблемно существование субъекта. Далее очевидно, что сущие вза-

имодействуют, потому что иначе не было бы изменений. В онтологии есть понятие единичного, но оно обозначает класс означаемых и обнаруживает свою особенность только при сопоставлении с общим. Отсюда одной из кардинальных проблем высокой античности было отношение не души и тела, а, скорее, единого и многого.

Базовые характеристики сущего при всей их взаимоположенности не выводятся друг из друга аналитически; суждения о них можно назвать синтетическими априори. Из множественности форм бытия вытекают возможности разных онтологий, разных толкований субстанции. Во всех вариантах учений о бытии (натуралистических, идеалистических, холистских и атомистических и т.д.) результаты исследовательских штудий мыслятся их создателями как воспроизведение самой реальности. Для Платона, к примеру, существование бестелесных «форм» — это вопрос не вкуса и не точки зрения, но выражение глубинной сущности бытия. Последний вывод вкупе с замечанием Батлера в том, что во всех философских традициях обращение к субстанции обеспечивает понимаемость (*intelligibility*) окружающего нас мира [Butler С., 1976, р. 122], а также побуждает задуматься о причинах этого рецидива философской веры: имеем ли мы дело с психологическим феноменом или за столь редким единодушием стоит нечто такое, что поддерживает онтологию «на плаву» и обеспечивает ей особое место в культуре?

2. «Решение», «ловушки языка» и эволюция

Почему онтологи описывают свой предмет как сущий *in re*? Ответ следует искать за пределами философии, а именно в той роли, которую представления о сущем выполняют при принятии решений. В качестве рабочей модели примем, что, во-первых, самые общие характеристики таких ситуаций представлены в мировоззрении и, во-вторых, мировоззрение состоит из картины мира, ценностей и программ поведения [Шрейбер В.К., 2018]. Но прежде всего уточним, что значит *решить*.

Как поясняет С.И. Ожегов, *решить* — это «обдумав, прийти к необходимости каких-то действий» [Ожегов С.И., 1987, с. 554]. Моменты, подчеркиваемые лексикологом, связывают решение с действием и «обдумыванием». Ре-

шить — это *определить-ся*, определить что-то *самому* и *для себя*; базовое понятие «определить» выводит *решение* на более общий категориальный уровень, а именно на уровень каузальных связей. Возвратная частица «ся» указывает на самодетерминацию, на обратные связи и, в конечном счете, на агента (субъекта). Наличие обратных связей — специфическая особенность самоорганизующихся систем. Последние — это достаточно широкий класс объектов, частным случаем которого является живое. Объекты с самоорганизацией открыты, т.е. включены в вещественно-энергетические взаимодействия со средой. Понятно, что факторы среды, которые вовлечены в этот процесс, либо способствуют сохранению этих объектов, либо вредят им. Эти факторы надо различать. Система с самоорганизацией (в языке классики «субстанция») способна — и это еще одно обязательное ее свойство — обрабатывать, копить и соотносить информацию с материальными условиями своего существования. Такая система структурно двуслойна: наряду с вещественно-энергетической организацией, обеспечивающей органическую целостность своих компонентов, она содержит набор моделей, отображающих все значимые моменты этих взаимодействий в параметрах, которые необходимы для воспроизводства данной системы.

В этом пункте мы уходим на уровень организмов, и на авансцену нашего дискурса выйдут различия двух понятий естественного языка: отбора и выбора.

Эти термины часто используются как взаимозаменяемые. На самом деле они связаны с разными категориальными кластерами, и игнорирование этого обстоятельства может обернуться категориальными ошибками. Понятие отбора обрело популярность благодаря успехам биологических наук и философскому осмыслению роли селективных процессов в процессах эволюции. Отбор может в разных аспектах выступать как естественный, искусственный, необходимый или случайный. Но в любом случае в его реализации участвуют внешние факторы, причем отбор тесно связан с феноменом развития. По мысли одного из замечательных сторонников концепции единого закономерного мирового процесса О.А. Барга, отбор является стороной прогрессивно направленного взаимо-

действия высшего и низшего, обеспечивающей «избирательную реализацию возможностей в связи с изменением существующих <...> условий дальнейшего развития. Эти условия <...> ведут к закономерному появлению в мире более сложных вещей, что подразумевает “отождествление собственно высшего <...> с реально возможным”, подчинение <...> низшего высшему» [Барг О.А., 1993, с. 73]. «Отбор, — вторит ему А.Ю. Внутских, другой представитель пермской философской школы, — есть неотъемлемая сторона процесса возникновения высшего из низшего и их взаи-модействия» [Внутских А.Ю., 2011, с. 11]. Вместе с тем чуть дальше он отмечает необходимость различать, с одной стороны, «отбор-сито», действующий на объекты действительности, а с другой, — «“отбор-выбор” еще не воплощенных возможностей» [Внутских А.Ю., 2011, с. 12, 14]. В этой интерпретации отбор и выбор — различающиеся процессы. Но стоят ли за этими несходствами различия категориального плана, — это, похоже, нуждается в пояснении.

Отбор, даже если учесть потуги природы на самоорганизацию и те модификации, которые теория развития претерпела благодаря исследованиям в области неравновесных динамических систем с их странными аттракторами, точкой бифуркации, иерархией возможностей и пр., в целом остается процессом объективным. Потому концепция всеобщности отбора, думается, позволяет схватить эти новые модификации. Проблема видится в другом: новации оставляют за бортом радикальные сдвиги в онтологическом статусе информационных процессов.

Информационные процессы в самоорганизующихся системах играют сугубо подчиненную роль: они отражают соответствующие значимые факторы внешней, а равно и внутренней среды существования этих систем. Остановимся лишь на отношении таких систем к внешней среде и отметим, что для них отражение (если в данном случае об этом можно говорить) в принципе изоморфно. В процессах функционирования самоорганизующихся объектов систематические отклонения модели («образа») от оригиналов невозможны. Если отклонение возникает, руководствующийся им объект либо гибнет, либо преобразуется. Этот момент теорией селективных процессов прописан. При этом процесс отбора объективен не только в

плане независимости от отдельной особи, но и в том, что имеет своим объектом не особь, а популяцию. Другими словами, животные, обладающие психикой, могут только ошибаться. Заблуждение для них недоступно. Психическое здесь есть отражение физического. Оно в буквальном смысле вторично.

В связи с этим уместно вспомнить ожеговское «обдумав» и обратиться к выбору и принятию решения. Выбор и решение — проявления свободы. Именно свобода отличает индивида от самых совершенных его предшественников по эволюционному древу. В концептуальном плане «свобода» тянет за собой новый категориальный кластер, компоненты которого должны, среди прочего, учитывать замену популяции родом и социумом, сдвиг от приспособления к среде на деятельность по изменению последней и — что тоже немаловажно, — дополнение ориентаций индивида на витальные нужды с учетом потребностей его «неорганического тела». Все эти новшества были бы невозможны без коренных изменений в способах обработки и использовании информации в жизни людей.

Итак, что же может означать принятие решения с точки зрения «обдумывания»?

Если обратиться к повседневной практике словоупотребления, то тут возможны разные ответы. В русском языке, как отмечает тот же Ожегов, под «решением» могут подразумеваться: 1) постановление (ратификация); 2) вывод из рассуждения (заключение); 3) ответ к задаче. Примерно так же распределяются смысловые оттенки этого слова в английском языке: *decision* — это иногда оценочное суждение (*judgment*), а иногда выбор (*choice*), которые делаются после обдумывания или обсуждения того, что лучше всего сделать [Hornby A., 2000, p. 325]. В смысле оценочного суждения оно обычно означает формальное подтверждение, позитивную оценку (*approval*). В этом смысле «принять решение» эквивалентно «одобрить и действовать в плане одобренного». Что же касается отождествления решения с выбором, то его чаще придерживаются приверженцы волюнтаристских взглядов. Нам эта позиция известна по произведениям Сартра. С конца семидесятых популярным пропагандистом волюнтаристских идей был австралиец

Джон Маки, который доказывал, что моральная ценность действия или черт характера, а также принципы, помогающие установить эту ценность, — все они зависят от наших решений [Maski J.L., 1991].

В языковых интуициях эти смысловые нюансы обычно скрадываются. Естественный язык легко связывает «решение» и «оценку» в единую концептуальную структуру, где обращение к одному слову молчаливо подразумевает ссылку на другое; языковая конструкция высвечивает ту или иную компоненту ситуации решения в зависимости от контекста.

3. Схема принятия решения и онтология

Эти особенности языка означают, что полноценная экспликация онтологических аспектов феномена требует теоретического подхода. В публикациях по экономике, менеджменту и педагогике нет недостатка в рекомендациях относительно того, как действовать рационально. Однако теории рационального выбора концентрируются на *процессе* принятия решения (далее — ПР), а характеристики ситуации, где возникает нужда в такой процедуре, затрагиваются мимоходом. Видится необходимым дополнить процессуальный (динамический) подход пространственным, т.е. анализом отношений между компонентами ПР в аспекте их *существования*. Этот взгляд позволит вычленивать именно ситуацию ПР. Для обозначения единства пространственного и динамического измерений будем пользоваться понятием *схемы* принятия решения.

Когда Иван Иванович озаботился заменой летней резины на зимнюю, он попал в ситуацию принятия решения. Содержательно такие ситуации различаются в зависимости от образования, возраста, профессии, статуса и прочих особенностей того, кто принимает решение. Однако существование таких ситуаций является неперменной, если угодно, формальной принадлежностью рода *Ното*. Структурно они достаточно устойчивы и раскладываются на три компонента: 1) набор вариантов или опций, которые позволяют преодолеть возникшую трудность; 2) критерий определения оптимального варианта; 3) средство для реализации выбранной опции.

Строго говоря, в эту структуру надо включать и того, кто *решает*. Но в схеме ПР субъект

занимает особенную позицию в сравнении с компонентами, указанными ранее. Природа субъекта оказывает влияние на отношения между отбором и выбором, и мы коснемся этого вопроса в следующем разделе настоящей статьи. Пока же отметим, что наша модель ПР при всех своих упрощениях отображает то, что существует в реальной жизни. Компонент номер один — это прежде всего набор альтернатив. Решают там, где есть опции. Опции, по существу, суть возможности. Возможности — это тенденции, реализация которых сталкивается с недостаточностью условий. Мера дефицита, разумеется, различается, но его ликвидация ведет к уничтожению самой возможности. Она либо исчезает, либо превращается в действительность. Отсюда первый компонент ситуации ПР наряду с тенденциями включает *условия* (всегда в той или иной степени недостаточные), при которых они могут стать реальностью. Субъект деятельности стремится либо «достроить» их до уровня самореализации тенденции, либо в нежелательных случаях (скажем, эпидемия или ядерный конфликт) заблокировать.

Еще раз отметим, что тенденции и условия их реализации существуют не как улыбка Чеширского кота, но *in re*, т.е. на самом деле. Неполное описание наличных опций может обернуться серьезными упущениями при постановке цели, а неверный учет условий — катастрофой. Отсюда обязательными требованиями к первому компоненту ситуации ПР являются полнота, непротиворечивость и *истинность* предлагаемого им описания. Принятие решения нацелено на информационное обеспечение нашей деятельности. Оно является когнитивным феноменом, и по этой причине для обозначения составных частей *схемы* ПР обратимся к терминологии, применяемой при описании эпистемической структуры мировоззрения. Первый компонент нашей модели можно назвать картиной мира. Феноменолог в этом контексте предложил бы концепт жизненного мира и, возможно, здесь оно точнее, но нужны дополнительные изыскания.

Ситуация с автомобильными покрышками сравнительно простая. В реальной жизни опции и их структуры значительно сложнее и многообразнее. Нередко они включают информационную компоненту. В ряде случаев составной

частью опции является идея Бога (вспомним Машу и Бармалея). Бог вроде бы принадлежит к несуществующим сущностям. Однако во многих конфликтах идея бога была значимым политическим фактором. За ней стояла масса реальных структур и организационных форм. Она имела онтологическую значимость, коль скоро люди были готовы действовать от имени и во славу Божию. Таким образом, область апелляции к возможному расширяется. Ее результаты вследствие своего обобщения дают то, что называют мудростью, т.е. умением различать возможности, ставить реальные цели и выбирать оптимальные средства. Мудрость, пожалуй, сводится к способности ответа на вопрос «а тебе это нужно?», но об этом в следующем разделе.

Пока же отметим, что одна из путаниц, возникающих вокруг ситуации ПР, обусловлена ее саморефлексивностью, т.е. возможностью обращения на саму себе. Возможно, эта квалификация не самая прозрачная и пояснить ее возможно с помощью понятия рекурсии. В лингвистике под рекурсией понимается способность предложения порождать в себе языковые формы, которые синтаксически копируют базовое. Так устроена матрешка: первая — это самая большая, за ней идет такая же, но поменьше, и т.д. Отношения внутри матрешки рекурсивны. Наша модель тоже рекурсивна. Она допускает определение (структуриацию) любого компонента схемы ПР через саму себя. К примеру, для технолога его картина мира (поле возможностей) образуется множеством имеющихся технологий, позволяющих получить желаемые параметры продукции, условиями реализации которых будут средства труда и люди, обладающие необходимыми производственными навыками. Но люди — это все-таки не условия, а субъекты решений. Другой пример: при определении стратегии хозяйствующий субъект может столкнуться с проблемой множественности *критериев*: себестоимость, спрос, быстрота в перестройке ассортимента продукции, условия труда и уровень жизни работников и т.п. Кроме того, эти критерии могут сталкиваться. В этой недоопределенности критерия есть отличие выбора от отбора.

Для перехода к ценностям вспомним, что продукты философской рефлексии суть синтетические априори. Новые категориальные гра-

дации получают права гражданства путем включения в уже показанные категориальные зависимости. Отсюда вопрос о причинах устремлений онтологов к описаниям *in re*, поставленный во второй части исследования, меняет форму. Теперь он выглядит так: каким образом одним из базовых приоритетов учения о бытии стал интерес к возможности? Метафизика веками считалась «наукой о последних причинах», она была исследованием механизмов детерминации. Конечно, «причинность» и «возможность» — члены одного и того же кластера. Но почему произошло смещение фокуса от изучения первой ко второй? Однако и это — только одна сторона ситуации. Ценности существуют. Они, стало быть, представляют собой законный предмет онтологических интересов. Если существует внутренне необходимая связь между бытием и возможностью, то каковы ее особенности в сфере ценностей? Допущение особенного характера такого сцепления закономерно, поскольку ценности и картина мира выполняют специфическую функцию и в принятии решений, и в структуре мировоззрения.

Под ценностями обычно понимают свойства предметов и отношений, благодаря которым они способны удовлетворять наши нужды. В нашей модели ценности служат *критериями* оценки. Они косвенно определяют тезаурус возможностей, которые фиксируются принятой онтологией, задают правила выбора оптимального варианта и мотивируют цель. В технических системах с элементами самоорганизации эти критерии закладываются разработчиком. У живых существ критериями выступают потребности организма, и применительно к ним понятие ценности, по крайней мере, спорно. Животные, которые обладают психикой и эволюционно близки к нам, в принципе способны к формированию вторичных значимостей и условных программ поведения. Но, как отмечал еще Юм, эти «наработки» исчезают со смертью данной особи [Юм Д., 1996]. В человеческом мире жизненные ситуации складываются иначе.

4. Ценности, Лейбниц и принцип достаточного основания

В позднее средневековье и далее у Гоббса и Руссо появился образ человека как существа с двумя телами: природным (органическим) и политическим (неорганическим). Свою самую

методологически богатую форму эта метафора получила у Маркса в рукописях 1844 г. Тело — система органов, обеспечивающая биологическое существование человека. Неорганическое, то есть рукотворное тело, функционально дополняет и расширяет возможности естественных органов (рук, зубов, мозга и т.д.). Неорганическое тело социально по происхождению, является общей (по крайней мере, изначально) принадлежностью рода и воспроизводится усилиями поколений. В русле развития этой метафоры рано или поздно возникает вопрос: если организм человека имеет потребности, то не резон ли предположить, что нечто подобное имеет место и в плане его неорганического тела? Думается, ответ будет положительным; весь исторический материализм — это ничто иное как подстрочник к этой метафоре. Ограничимся лишь парой замечаний, которые из нее вытекают и помогут разобраться в отношениях ценностей с возможностями.

Понятно, что неорганическое тело требует внимания и заботы ничуть не меньше, чем тело природное. Машина, конечно, не будет переживать, если вы своевременно не замените летнюю резину на зимнюю. Но без этой замены у нее больше шансов превратиться в грудку искоженного металла и перестать быть частью (в данном случае, вашего) неорганического тела. Нужды или потребности (возможно между теми и другими есть разница, но здесь это не обсуждается) неорганического тела должны быть поняты и закреплены в особой знаковой форме. Люди их осознают вследствие своего места в воспроизводстве социальных связей и фиксируют в форме ценностных установок. В экономическом и иногда социально-философском контексте ценности мыслятся как полезности, в антропологии Хайдеггера — как характеристика «подручностей». Чаще же под ценностями понимаются оптимальные параметры отношений между людьми; в этом случае формой их выражения становится то, что называют *духовными ценностями*. Во всех вариантах, т.е. и как свойства вещей, и как свойства человеческих отношений, и как их образцы ценности онтологически двойственны.

В философской традиции эта двойственность нашла выражение в понятиях субстанции и субстрата. В субстратном плане ценности (даже духовные) принадлежат вещественному

миру, по форме существования они подчиняются законам природы и в предметном *описании* относятся к классу алетических. Однако они обретают свою значимость только внутри и посредством общества; обусловленные этим черты составляют субстанциональную характеристику ценности. Одной из таких черт является интенциональность. У Brentano и Husserl понятие интенциональности фиксирует обязательность объекта мысли: сознание не бывает пустым, оно всегда о чем-то. Сегодня интенциональность трактуют как всеобщий момент человеческого бытия [Johansson I., 2004, p. 15]. Интенциональность биполярна: один ее полюс — субъект, другой — это интенциональный коррелят (он может быть и вымышленным). Подобно причинности, интенциональность обладает направленностью. Разница между ними следующая. Если следствия и причины суть формы взаимодействия настоящего с прошлым, то интенциональность связывает настоящее с *будущим*. Стандартным примером этой связи являются цели, т.е. модели потребного будущего. Однако наши потребности по природе двойственны: удовлетворение субстратных (базовых) нужд является императивным условием выживания индивида, но реализация этого условия зависит от способности данного индивида отвечать запросам общества. Последнее означает, что формирование целей происходит под воздействием ценностей. Ценности, однако, очень разнородны.

Возможности, репрезентированные ценностями, отличаются от возможностей, представленных в картине мира по крайней мере двумя чертами. Первая состоит в способах их принятия индивидом. Вторая — ценности по природе своей являются феноменом культурно-историческим. Они различаются сферой применимости, мерой обязательности, а также социальным положением того, кто ими руководствуется. Отсюда очень вероятно, что царство ценностей содержит собственный набор возможностей, между которыми могут быть как синергия, так и конкуренция. В жизни эти различия нам более или менее известны; проблему же составило уточнение метафизического основания.

Одним из первых, кто сумел в какой-то мере прояснить ситуацию, стал Лейбниц. Определенную роль в успехе сыграло точное соответствие между логическими идеями и метафизи-

кой ученого. В плане нашей темы важно, во-первых, указать на разграничение им истин разума и факта. Необходимость истины первого рода, по Лейбницу, устанавливается логически; противоречить подобной истине бессмысленно, ибо такая процедура ведет к противоречию. Истины факта случайны. Они требуют эмпирической проверки и в терминах Канта могут быть названы синтетическими. Во-вторых, новацией, которая открыла перспективу осмысления мировоззренческих различий онтологических и ценностных представлений, явился закон достаточного основания.

В комментарии к книге архиепископа У. Кинга, по проблемам и целям сходной с «Теодицеей», Лейбниц подчеркивает значимость «двух великих начал»: «начала тождества или противоречия», согласно которому из двух противоположных предложений только одно является истинным, и «начала достаточного основания, утверждающего, что предложение не является истинным, когда при имеющихся сведениях, необходимых для его понимания, нельзя усмотреть его основания». Оба «начала» действуют в отношении как необходимых, так и случайных истин, и действуют так, чтобы истин, не имеющих достаточного основания, не существовало, «ибо <...> оба эти начала входят в определение истинного и ложного» [Лейбниц Г., 1989, с. 441].

Нынешние исследователи, соглашаясь с Лейбницем в том, что оба принципа (сегодня их чаще называют законами) как бы перекрывают друг друга, различают их по уровню формализации. Требование достаточности основания носит качественный характер, и потому выходит за границы чистого мышления. Вследствие многообразия своих практических приложений принцип достаточного основания не поддается формальной интерпретации. Возможно, будущие логики и разработают соответствующий инструментарий. Однако в таком случае им придется ответить на два вопроса: что означает достаточность в данном конкретном случае и кто является тем реальным субъектом, который принимает данное обоснование в качестве достаточного.

Спиноза, с которым Лейбниц состоял в переписке, был, как и его ученый коллега, рационалистом. Одновременно с этим он придерживался пантеизма, и потому для него последних двух вопросов просто не существовало. Спино-

за неизменно определяет возможность как понятие, обусловленное ограниченностью нашего интеллекта и не имеющее объективной значимости. Реальное разделение, по его убеждению, пролегает между необходимостью и невозможностью, и между ними нет середины. Согласно Спинозе, найти достаточное обоснование ложного утверждения невозможно.

Лейбниц разграничивает теоретическую и практическую сферы бытия и — в этом его новизна — подчеркивает значимость достаточности основания именно для повседневной жизни. Философ, как мы уже отмечали, проводил различие между необходимыми и случайными истинами: оспаривать первые невозможно, эмпирические истины, напротив, критике поддаются. Обоснование последних предполагает выявление всех условий истинности и, если принять принцип непрерывности, уходит в бесконечность. Здесь приходит на помощь принцип достаточного основания, ориентированный на ограниченную практику и определенного субъекта. Случайные истины фиксируют возможное; они «возникают из преобладающего основания, которое, — как поясняет Лейбниц, — склоняет нас [к признанию. — В.Ш.], не принуждая» [Лейбниц Г., 1989, с. 441].

Свойство случайной истины «склонять без принуждения» Лейбниц обращает в инструмент для критики локковского эмпиризма. «Опыт о человеческом разумении» Локка отличался продуманностью изложения, богатством психологического, этнографического и педагогического материала и произвел впечатление на современников. Лейбниц почувствовал себя обязанным разъяснить свою позицию. Эту задачу он выполняет в «Новых опытах», где наряду с гносеологическими вопросами затрагиваются практические «начала». Словом «ценности» автор не пользуется (оно вошло в философский лексикон лишь к концу XIX в.) и сводит свой дискурс к проблеме справедливости. Тем не менее «справедливость» показала себя достойным эквивалентом. Будучи мерой согласования человеческих интересов, она находится на средоточии ценностных представлений и охватывает все сферы нашей жизни. Не удивительно отсюда, что в центре дискуссии между героями «Новых опытов» — лейбницеанцем Теофилом и сторонником Локка Филалетом — оказалась идея справедливости.

Оба персонажа признают важность справедливости для сохранения целостности общества. В ответ на реплику Филалета о серьезных различиях в понимании того, что считать справедливым, Теофил вводит идею склонности. Однако склонность — это не врожденная истина. Теофил мог бы трактовать склонность к добру формально в духе Канта, но для создателя монадологии это закрытый путь, его интуиции содержательны [Нарский И.С., 1983]. Вслед за Филалетом Теофил вынужден признать значение воспитания, традиции и разума [Лейбниц Г., 1983, с. 95]. Теоретически эта уступка оправдывается принципом достаточного основания, ибо, как саркастически замечает Филалет, в отношениях между собой даже бандиты руководствуются правилом справедливости [Лейбниц Г., 1983, с. 91]. Полную же достоверность требованиям справедливости и морали в целом дает бог. Это допущение спасает рационалиста Лейбница от этического релятивизма.

Заключение

Возможности, репрезентированные ценностями, отличаются от возможностей, представленных в картине мира, двояким образом. Первое состоит в способах существования, второе носит гносеологическую (логическую) природу и проявляется как различие между принципом противоречия с одной стороны, и достаточного основания — с другой. Важным шагом в этом направлении явилось различие между теоретическим и практическим отношением человека к миру. Метафизическая новизна Лейбница в том, что он нашел эпистемическое основание разграничения двух типов возможностей в человеческой жизни: одно из них работает объективно, другое функционирует как объективированная форма человеческих убеждений. Отделение возможного от невозможного в рамках картины мира требует объяснения. Разграничение их в ценностной сфере опирается на принцип достаточного основания и как таковое зависит от субъекта, усвоенных традиций и способности внять тем или иным доводам, будь то ссылка на предков или на авторитет. Другими словами, ценностный выбор нуждается в обосновании. Цель обоснования — не истина, но принятие! Если слова командующего приняли к исполнению, то его авторитет достаточен для обоснования в лейбницианском смысле слова. Таким образом, по-

хоже, что основным «движителем» развития мировоззрения является отношение онтологии и ценностей. У них есть общее: они образуют поле возможностей. Но они по-разному обосновываются и по-разному влияют на ПР. Это противоречие, будучи базовым для мировоззрения, повлияло на эволюцию онтологии.

Выражение признательности

Автор благодарит доктора философских наук *В.А. Рыбина* (Челябинск) и доктора философии *Г.Ш. Ишмаева* (Делфтский технический университет) за доброжелательную критику, которая помогла довести драфт до публикации.

Acknowledgements

The author thanks Doctor of Philosophy *V.A. Rybin* (Chelyabinsk) and Doctor of Philosophy *G.Sh. Ishmaev* (Delft University of Technology) for kind criticism, which helped to bring the draft to publication.

Список литературы

- Барз О.А.* Живое в едином мировом процессе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. 227 с.
- Внутских А.Ю.* О двух аспектах философской концепции отбора // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. Вып. 4(8). С. 10–22.
- Лейбниц Г.* Замечания на книгу о начале зла, изданную недавно в Англии // Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. С. 427–466.
- Лейбниц Г.* Новые опыты о человеческой разумности автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 2. С. 47–545.
- Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 1–167.
- Нарский И.С.* Основное гносеологическое сочинение Лейбница и его полемика с Локком // Лейбниц Г.В. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 2. С. 3–46.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1987. 750 с.

Платон. Софист // Платон. Сочинения: в 3 т / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 319–399.

Шрейбер В.К. Как первые греческие философы стали «физиками» // Современная онтология – IV: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2010 г.) / отв. ред. П.М. Колычев. СПб.: Изд-во СПбГУИТМО, 2010. Т. II. С. 145–168.

Шрейбер В.К. О мировоззрении, его структуре и отношениях с философией // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 191–202. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-191-202>

Юм Д. О рассудке животных // Юм Д. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 89–92.

Butler C. On the Impossibility of Metaphysics without Ontology // *Metaphilosophy*. 1976. Vol. 7, iss. 2. P. 116–132. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9973.1976.tb00625.x>

Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, UK: Oxford University Press, 2000. 1540 p.

Johansson I. Ontological Investigations: An Inquiry into the Categories of Nature, Man and Society. Berlin, DE; Boston, MA: Walter De Gruyter, 2004. 432 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110329865>

Le Poidevin R. Existence // *Central Issues of Philosophy* / ed. by J. Shand. Malden, MA: Blackwell, 2009. P. 81–94. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781444315837.ch6>

Mackie J.L. Ethics: Inventing Right and Wrong. London; N.Y.: Penguin Books, 1991. 256 p.

References

Barg, O.A. (1993). *Zhivoe v edinom mirovom protsesse* [Living in a unified world process]. Perm: PSU Publ., 227 p.

Butler, C. (1976). On the impossibility of metaphysics without ontology. *Metaphilosophy*. Vol. 7, iss. 2, pp. 116–132. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9973.1976.tb00625.x>

Hornby, A.S. (2000). *Oxford advanced learner's dictionary of current English*. Oxford, UK: Oxford University Press, 1540 p.

Hume, D. (1996). [Of the Reason of Animals]. *Yum D. Sochineniya: v 2 t*. [Hume D. Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 89–92.

Johansson, I. (2004). *Ontological unvestigations: an inquiry into the categories of nature, man and society*. Berlin, DE, Boston, MA: Walter De Gruyter Publ., 432 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110329865>

Le Poidevin, R. (2009). Existence. *J. Shand (ed.). Central Issues of Philosophy*. Malden, MA: Blackwell Publ., p. 81–94. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781444315837.ch6>

Leibniz, G.W. (1983). [New essays on the understanding, by the author of the system of pre-established harmony]. *Leybnits G.V. Sochineniya: v 4 t*. [Leibniz G.W. Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 47–545.

Leibniz, G.W. (1989). [Observation on the book concerning «The origin of evil» published recently in London]. *Sochineniya v chetyrekh tomah. T.4* [Works in 4 vols.]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 4, pp. 427–466.

Mackie, J.L. (1991). *Ethics: Inventing right and wrong*. London, New York: Penguin Books Publ., 256 p.

Marx, K. (1959). [Critique of political economy]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t*. [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 13, pp. 1–167.

Narskiy, I.S. (1983). *Osnovnoe gnoseologicheskoe sochinenie Leybnitsa i ego polemika s Lokkom* [The main epistemological work of Leibniz and his polemic with Locke]. *Leybnits G.V. Sochineniya: v 4 t*. [Leibniz G.W. Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 3–46.

Ozhegov, S.I. (1987). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 750 p.

Plato (1970). [Sophist]. *Platon. Sochineniya: v 3 t*. [Plato. Works: in 3 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 319–399.

Shreiber, V.K. (2010). [How the first Greek philosophers became «physicists»]. *Sovremennaya ontologiya – IV: Problemy metoda: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 28–30 iyunya 2010 g.)* [Modern ontology – IV: Problems of the method: materials of the International scientific conference (St. Petersburg, June 28–30, 2010)]. St. Petersburg: ITMO University Publ., vol. 2, pp. 145–168.

Shreiber, V.K. (2018). [On worldview, its structure and relation to philosophy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 191–202. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-191-202>

Vnutskikh, A.Yu. (2011). [Two aspects of selection's philosophical conception]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4(8), pp. 10–22.

Об авторе

Шрейбер Виктор Константинович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Челябинский государственный университет,
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: shreiber@csu.ru
ResearcherID: ITU-9381-2023

About the author

Viktor K. Shreiber

Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Chelyabinsk State University,
129, Kashirin brothers st., Chelyabinsk, 454001, Russia;
e-mail: shreiber@csu.ru
ResearcherID: ITU-9381-2023

УДК 130.121:316.73

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-187-197>

Поступила: 01.02.2023

Принята: 15.03.2023

Опубликована: 07.07.2023

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ВИЗУАЛЬНОСТИ. ЧАСТЬ 2

Лумпова Мария Анатольевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Целью данной статьи является анализ постфеноменологического проекта, а также концептуального аппарата (нового с ракурса рассмотрения его в рамках визуальных исследований) философии в лице М. Анри (и в меньшей степени Ж.-Л. Мариона). Первоначальность присутствия в философии М. Анри связана с пафотической теорией жизни. В плане визуальности она раскрывается как невидимость, включенная в изначальное поле присутствия. Она выражается в теории философа как контр-интенциональная страстно-страдательная способность чувства видения, предшествующая акту «Я вижу». Тем не менее, теория Анри не лишена собственных противоречий. Особым моментом выступает тавтологическая формулировка субъективности, которая противоречит движению жизни как самовозрастания. В связи с этим показывается, что своеобразным выходом из противоречий теории Анри является разработка избыточности и асимметричных отношений Я и Другого в философии Ж.-Л. Мариона. В визуальности она раскрывается в концептуальном разворачивании насыщенных феноменов (икона, идол, картина и т.д.). Однако концепция философа также проблематична. На это указывают такие философы, как Ж. Деррида, М. Энафф и др. В заключении высказывается предположение, что рассмотрение постфеноменологического развития философии, несмотря на свою незавершенность, представляет задел как в разработке теории внутри «визуального поворота» так и выходя за его границы, ведя к расширению концептуализации субъекта видения.

Ключевые слова: феноменология, постфеноменология, визуальный поворот, субъект видения, аффектация, пафос, визуальность, Ж.-Л. Марион, М. Анри.

Для цитирования:

Лумпова М.А. Феноменология и проблема визуальности. Часть 2 // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 2. С. 187–197. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-187-197>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-187-197>

Received: 01.02.2023

Accepted: 15.03.2023

Published: 07.07.2023

PHENOMENOLOGY AND THE PROBLEM OF VISUALITY. PART 2

Maria A. Lumpova

Perm State University (Perm)

The article aims to analyze the postphenomenological project as well as the conceptual apparatus (new from the perspective of visual studies) of its philosophy in the person of M. Henry and, to a lesser extent, J.-L. Marion. In the philosophy of M. Henry, the originality of presence is connected with the pathotic theory of life. In terms of visuality, it is presented as an invisibility included in the original field of presence. It is expressed in the philosopher's theory as a counter-intentional pathetic-affective ability of the sense of vision preceding the act «I see». However, Henry's theory is not without contradictions. A special moment is the tautological formulation of subjectivity, which contradicts the movement of life as self-growth. The article shows that the development of redundancy and asymmetric relations between the

I and the Other in the philosophy of J.-L. Marion appears to be a way out of the contradictions of Henry's theory. In visibility, it is manifested in the conceptualization of saturated phenomena (icon, idol, picture, etc.). However, the philosopher's concept is also problematic. This is indicated by such philosophers as J. Derrida, M. Hénaff, and others. In conclusion, it is suggested that the consideration of the postphenomenological development of philosophy, despite its incompleteness, represents a reserve both in developing a theory within the «visual turn» and beyond its limits, leading to an expansion of the conceptualization of the subject of vision.

Keywords: phenomenology, postphenomenology, visual turn, subject of vision, affectation, pathos, visibility, J.-L. Marion, M. Henry.

To cite:

Lumpova M.A. [Phenomenology and the problem of visibility. Part 2]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 2, pp. 187–197 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-187-197>

«Этот мир стал, по сути, последней ареной, на которой философия стремилась реализовать двойной принцип своей жизни — “своя жизнь” философии (и феноменологии) заключалась только в том, чтобы описать, что же значит “жить своей жизнью”, предполагая, что такой жизнью: (1) не жить нельзя, (2) жить очень сложно»
[Кралечкин Д.Ю., 2011, с. 134].

«Жизнь есть все. Разум есть плод жизни, и разум этот отрицает саму жизнь. Я чувствовал, что что-то тут неладно»
[Толстой Л.Н., 2000, с. 172].

Введение

В первой части статьи проводился последовательный разбор проблематики феноменологического движения в рассмотрении конкретики теории видения. Кратко выделим ряд выявленных положений. 1) Изначальное построение феноменологии субъективности рассматривалось в качестве полюса аффектов с одной стороны, и актов — с другой. 2) Аффективная субъективность раскрывала так называемые глубинные феномены, которые невозможно увидеть в режиме актов субъективности. 3) Тем не менее, субъективность, изначально заданная в качестве напряжения полюса аффектов и актов (в субъективности), в дальнейшем движении феноменологии приобрела фигуру апории. Апория полюсов субъективности не может начинать рассмотрение с акторности или принципа первичности рамочности созерцания Взгляда. Однако субъективность также не может обходить изначальную точку аффектации и, более того, все время стре-

мится к ней. Каждый раз совершая попытку прорыва к глубинным феноменам, субъект натывается на данность собственных горизонтов видения. Как отмечает Деррида: «Событие, именуемое даром, полностью чужеродно теоретической идентификации, феноменологической идентификации» [О Даре..., 2011, с. 150]. Событие дара оказывается следом, т.е. тем, что является в качестве минувшего. Такой ответ или проблеск события в качестве изначальной точки не устраивает постфеноменологов, порождая их собственное иное направление развитие феноменологии. Помимо теории субъективности, проекты Анри (и в меньшей степени Мариона) раскрываются нами в статье в рамках развития визуальных исследований.

Постфеноменологический проект Мишеля Анри. Материальная феноменология видения или переход от основы «я вижу» к «чувству себя видящим»

Мысль М. Анри, также как и других постфеноменологов (Ж.-Л. Марион, М. Ришир, А. Мальдине и др.) строится исходя из посылки «показать то, что в самом показывании не показывается» [Ямпольская А.В., 2014, с. 40]¹. По мнению Анри, для того чтобы рассмотреть не-

¹ Стоит отметить, что М. Анри и Ж.-Л. Марион расходятся в своих проектах с философией М. Ришира. Данное развитие постфеноменологии предстает крайне интересным не только в их разграничениях (на что не единожды указывалось), но и в нахождении общих точек соприкосновения теоретиков и динамики развития различных регистров аффектированности.

зримое в качестве внутрисложенном присутствию, следует *радикально поменять фундамент феноменологического проекта.*

Философ выдвигает разработку аффективной феноменологии, берущей начало вне всякого дистанцирования опредмечивания (т.е. строящейся на условии «направленности на»). Его интересует непосредственность, основание которой он находит в проекте контринтенциональной философии. Без такой смены первичности феноменологической установки с ее основой на «принципе принципов», любая теоретизация, в том числе и видения, натывается, по мнению философа, на противоречия, подробно описанные нами в первой части статьи [Лумпова М.А., 2023].

По размышлениям Анри, некоторой «феноменологической субстанцией» или тем, что именовалось «чистой феноменальностью», является аффект или, если быть точнее, то, «что делает возможным аффект, в конечном счете — любое аффицирование, и, следовательно, любую вещь» [Анри М., 2016, с. 8]. Иными словами, вместо того, чтобы анализировать то, что дано в том, как оно дано в созерцании, мы переходим к *анализу возможности того, как нечто может быть явлено до его приведения к адекватности в аподиктичности явления*². Следо-

² Адекватная аподиктичность связана с направленностью сознания. В топике визуальности она предстает в качестве набившего всем феноменологам оскомину примера с деревом: «*видимое мною дерево, как одна из частей “cogito-cogitatum”*». Именно в данном своем качестве, в качестве визуально данного мне объекта, оно и являет собой пример тех аподиктически существующих предметов, которые мы ищем» [Слинин Я.А., 2004, с. 19]. Однако С. Микали обращает внимание, что уже у Гуссерля в движении его мысли *говорить о прямолинейной связи аподиктичности и адекватности неуместно*. Микали отмечает: «*аподиктическая очевидность имеет более высокое значение по сравнению с адекватной; так и в том, что аподиктичность может встречаться даже в неадекватной очевидности*» (курсив наш. — М.А.)» [Микали С., 2022, с. 99]. Иными словами, можно с точки зрения интенциональных актов уже регистрировать область видения феноменов, которые аподиктически не соотносятся, не приводимы к адекватности направленности «Я вижу». Однако в интенциональности они являются абсурдом, фактически надламывающим принцип горизонтов созерцания. Примечательным является соотношение «cogito-cogitatum». Как отмечает Слинин, «*всякое cogito по определению должно иметь свой cogitatum*» [Слинин Я.А., 2004, с. 18]. Однако cogitatum предстает пусть и необходимым, но лишь «*коррелятом cogito*» (курсив наш. — М.А.) [Слинин Я.А., 2004, с. 18]. Данная проблема соотношения «cogito-cogitatum» заслуживает отдельного внимания, которое не уместается в рамки статьи и тем более сноски к

вательно, речь идет о процессуальности феноменальности/феноменализации феномена.

Незримое, о котором говорит Анри, «*вовсе не означает измерения ирреальности или иллюзии, некоего призрачного по-ту-сторону мира (курсив наш. — М.А.)*» [Захави Д., 2016, с. 177]. Ирреализующей незримости, направленной на явленное, он противопоставляет *феноменологию жизни* или *материальную феноменологию* и связывает ее с разработкой теории, основанной на анализе аффицирования. Аффицирование по Анри есть «*непосредственность претерпевания, в которой жизнь испытывает сама себя*» (курсив наш. — М.А.) [Анри М., 2016, с. 9]. Некоторое «как» в изначальной феноменализации или способ существования, исходя из такого положения, выступает в качестве жизни заданной в качестве претерпеваемой (pathétique) страдательности [Анри М., 2016, с. 9]. Анри подчеркивает, что жизнь в его концепции дана «*в том радикальном смысле, что жизнь определяет сущность чистой феноменальности и, следовательно, бытия*» (курсив наш. — М.А.)» [Анри М., 2016, с. 9].

Философ уточняет, что он стоит за первичность жизни перед бытием. И опять же следует пояснить, что подразумевает под бытием Анри. Под ним философ понимает термин, который завязан на монадической эгологии в феноменологии. Анри выступает против такого бытия, которое основано на а) истоке в региональности познания и б) региональной онтологии экзистенции субъективности как просвета внутри фактичности жизни. Так, Анри, ссылаясь на седьмой параграф «*бытия и времени*» Хайдеггера, критически замечает следующее. В произведении немецкого философа данность феномена происходит от «*φαίνόμενον*», в котором *явление принимает значение выходящего из некоей тьмы на свет или ясность. Иными словами, явление только тогда может стать предметом анализа, когда оно уже стало зримым. Мир понимается при такой установке, как горизонт в экстатическом поле зримости эго. Заключением является то, что мир понимается в изначальной точке отсчета как оторванный внеположенный субъекту*. Анри уточняет,

ней. Мы можем лишь отослать любознательных читателей к части текста М. Анри, ей посвященной [Анри М., 2016, с. 57–126].

что следует подразумевать *эту изначальную несопричастность в зримости субъекта и мира*. У немецкого философа «мы говорим об экстериторности, о “вне-себя” как таковом. Мир отождествлен с временностью, а временность есть не что иное, как “*изначальное вне-себя в себе и для себя самого*”» (курсив наш. — М.А.) [Анри М., 2011, с. 174]. Согласно Анри, такое региональное бытие зримости явления мертво, если изначально приводимое к зримому оказывается вовне.

Уточним, почему просвет, ясность зримости изначально является не раскрытием субъекта, но его подлинным отчуждением, если брать данное рассуждение за исток самости. По Анри, жизнь обречена в самомонифестации в экстазе на движение самоотчуждения, т.к. изначально находится в виде находящегося вовне живого настоящего, замыкаясь внутри горизонта видения, образуя временность монады с ее основой на точке «Теперь». В связи с этим хотелось бы вспомнить труд Ж. Делеза «Лекции о Лейбнице». Несмотря на то, что он находится несколько в стороне от проекта развития феноменологии, по нашему мнению, философ в данной работе удачно схватил опыт просвета жизни через «малое восприятие» или региональность точки зрения, когда проблематичность мира раскрывается через аподиктичность принципа созерцания. «Существует небольшая часть мира, которую я выражаю ясно и отчетливо, у каждого субъекта, у каждого индивида есть своя малая часть мира. <...> То, что определяет мою точку зрения, *подобно своего рода прожектору, который во мраке смутного и запутанного мира сохраняет зону ясного и отчетливого выражения*. Сколь бы ничтожными мы не были, сколь бы незначительными ни были, у нас есть наша малая “ерунда” <...> Персонажи Беккета — это индивиды: все запутанно, какой-то шум, они ничего не понимают, они идиоты; а великий шум мира есть. Сколь бы жалкими они не были в своей клоаке, а малая зона существования у них есть. Это то, что великий Моллой называет “*мои пожитки*”. <...> А из чего создается точка зрения? Она зависит от пропорций региона, выражаемого индивидом ясно и отчетливо, по отношению к тотальности мира, выражаемой смутно и беспорядочно (курсив наш. — М.А.)» [Делез Ж., 2015, с. 34]. Таким образом, Я в точке «Я вижу» утрачивает всякую способность к подступам

видения в его изначальной полноте, удерживая подле себя «свои пожитки» просвета зримости.

По этому поводу региональности субъекта видения и отличности проекта постфеноменологов от философии прожектора аподически приведенной к ее адекватности в интуиции созерцания Ж.-Л. Марион довольно емко выскажет следующее суждение: «*Внешнее опыта — это не то же самое, что опыт внешнего*, потому что горизонт в первую очередь захватывает именно [и только лишь в качестве как] внешнее, неиспытанное [inexpérimenté], невысмотренное (курсив наш. — М.А.)» [Марион Ж.-Л., 2014, с. 68]. Таким образом, постфеноменологами утверждается, что первоначальная точка анализа находится и берет свой исток «за малой ерундой» «моих пожитков» видения. За аподиктичностью, приведенной к адекватности в созерцании, есть некое более глубокое основание, которое следует исследовать. Оказывается, что за регистрируемым шумом мира есть некий не темный и чужеродный, но избыточный, первоначальный и превосходящий любую региональность зрения аффект жизни субъективности видения.

Если вернуться к Анри, то он утверждает, что если радикально перевернуть начало философского учения и начать не с экстатического Взгляда, и рассматривать самодвижение жизни, которое приходит в себя и проходит через себя как патетическое, лишенное горизонта/дистанции/вовне самоаффицирования, то данное затруднение снимается. В первой части статьи мы отмечали, что в интенциональности Взгляда субъекта жизнь прячется и постоянно ускользает «от очевидности» (курсив наш. — М.А.)» [Анри М., 2016, с. 10]³ в данность ясности познания в «теперь», выдвигая вовне «темноту» первоначальность аффектации. По Анри же, первоначальность неэкстатического видения заменяет данность на (прежде выносимую за горизонт) анализ в «изначальность дарения» [Анри М., 2016, с. 10] или событие присутствия

³ Напомним, что ранее мы указали, что за истоком «чистого видения» у феноменологов прячется зона предела субъективности видения в виде «ужаса пустоты». Несмотря на зону, которую они так стремятся описывать как некоторый глубинный момент субъективности, он (предел) также оказывается всегда некоей невозможной инстанцией. Ибо любая попытка описания видения через предел «ужаса пустоты» натывается на неумолимый факт. Очевидца такого предела всех пределов, субъекта события собственной смерти еще не было и мы сомневаемся, что он появится.

субъекта «видения». Если предположить, что в глубине до регионов экстаза и явленности существует область предданности, то ее анализ позволит выявить изначальность или сопричастие, в котором раскрывается глубинность видения за пределами горизонтов Взгляда. Ей он считает непосредственность *πάθος* жизни [Анри М., 2016, с. 9]. Взамен дарения как извечно обреченного на перечеркнутость в данности, по Анри, следует положить дарение (дарение жизни) в его исток, в котором оно преобразуется в акт (само)откровения или первоначальность раскрытия его как *страстно-страдательного самовозрастания чувства* (или пафоса).

Философ справедливо замечает, что жизнь следует рассматривать в первую очередь как дарующуюся, а не схваченную в фактичности данности в виде некоего сугубо для-меня коррелята видения. Жизнь также и не является просветом, она не пребывает и убывает чисто из-за моего усилия или бессилия. Жизнь до субъекта всегда есть, и она приходит и проходит в нем и через него «непрестанно. Это пришествие жизни есть ее вечный приход в жизнь» [Анри М., 2011, с. 178]. Аффигирование самовозрастания, самораскрытия аффектированной самости тогда предстает как «процесс, в котором она [жизнь] дает себя самой себе, разбивается о саму себя, переживает сама себя и наслаждается собой, постоянно производя, таким образом, собственную сущность» [Анри М., 2011, с. 178].

Важным моментом становится, по Анри, пафос жизни — не просто нерасчленимая первоначальность единства, в котором жизнь является непосредственной первичностью позитивности ее самовозрастания. Страстно-страдательное пребывание в жизни отнюдь не исключает самости Я. Более того, философ утверждает, что только такое дарение и позволяет рассуждать о Я и об опыте встречи с таким глубоким феноменом как Другой без опосредования его следом. «Парадоксальным образом именно жизнь, которая сама по себе не соотносится не с чем кроме самой себя, *доставляет среду, где осуществляется возможная интесубъективность* (курсив наш. — М.А.)» [Анри М., 2016, с. 11].

Противопоставляя отчужденному миру принципа созерцания свою концепцию самовозрастающей пафотической жизни, Анри вскрывает скрытую гегельянскую топику в

движении интенциональности с ее основой на неинтинизации в качестве первичности движения, низведенной к нейтральности равнодушия в самости. Несмотря на то, что Анри зачастую пренебрегает прямыми ссылками, тем не менее его статья «Феноменологии жизни» критически метит в «Феноменологию духа», радикально переворачивая знак круговой дурной диалектики отрицания отрицания на развертывание самовозрастания утверждения. Напомним, что еще Гегель писал о том, что «*живая субстанция, далее, есть бытие, которое поистине есть субъект* или, что тоже самое, которое поистине есть действительное бытие лишь постольку, поскольку *она есть движение самоутверждения* или поскольку *она есть опосредование становления для себя иною* (курсив наш. — М.А.)» [Гегель Г.В.Ф., 2019, с. 25]. Данная сентенция будто бы не разнится с мыслью Анри. Однако далее Гегель пишет то, что философию М. Анри никак не может принять. «Субстанция как субъект есть *чистая простая негативность*, а именно поэтому она есть раздвоение простого, или противопологающее удвоение, которое опять таки есть *негация* этого *равнодушного различия* и его противоположности; *только это восстанавливающееся равенство или рефлексия в себя самое в инобытии, а не некоторое первоначальное единство как таковое, или непосредственное единство как таковое - есть то, что истинно* (курсив наш. — М.А.)» [Гегель Г.В.Ф., 2019, с. 25]. Данные формулировки, а именно «негация», «равнодушное различие» (будто мне все равно к порождающему меня миру, Другому, самому себе в прошлом), и, что самое удивительное, отождествление апатичного ко всему формообразования в процесс закономерного сухого единства в качестве первоначальной истины, становятся истоком критики Анри.

На гегельянский посыл в феноменологической мысли также указывает Левинас в критике горизонта: «Начиная с Гуссерля, феноменология как таковая выдвигает идею горизонта, который здесь играет ту же роль, какую в классическом идеализме играло понятие; сущий возникает на основе, которая, опираясь на понятие, превосходит его как индивида. Но то, что управляет несовпадением сущего и мышления, т.е. бытие сущего, гарантирующее независимость и чуждость сущего, это общая фосфоресценция, свечение, щедрое цветение. <...> С по-

мощью излучающих свет бытия и горизонта сущий обретает силуэт, теряя при этом свое лицо, и вызывает к разумению» [Левинас Э., 2000, с. 83].

В связи с этим отметим, что Анри не опровергает, например, различное, и даже то, на что сделает упор Захави, а именно различие в проекте Деррида [Захави Д., 2016, с. 181]. Анри не устаивает именно отсутствие пафоса, страсти, страдания к тому, с чем разотождествляешься (кстати, как и в обратном процессе отождествления с Другим)⁴ внутри жизни. Как пишет Анри, «явленность, раскрывающаяся в Различении мира, не просто делает различным все, что таким образом раскрывается; она в принципе абсолютно безразлична по отношению ко всему этому: она всего этого не любит, не желает, никоим образом не оберегает, не имея с ним никакого сродства (курсив наш. — М.А.)» [Анри М., 2011, с. 174–175]. Про данный свет жизни в равнодушной бесчувственности субъекта и мира, которая проявляется в романтико-гегельянской нейтрализации дающегося, написал еще Поль де Ман: «Внешнее явление наделяется красотой от внутреннего свечения (или *lue sacre*), которому оно настолько созвучно, что, не скрывая от взгляда, наделяет его необходимым равновесием непроницаемости и прозрачности, позволяя светить, но не жечь (курсив наш. — М.А.)» [Ман П. де, 2002, с. 25].

О чем же говорит нам Анри? Манифестируемая им основа провозглашает об истоке самости как некоем изначально абсолютно лишенным дистантности способе присутствия, в котором «она расширяется и возрастает в самой себе» [Анри М., 2016, с. 11]. Это акосмическое, незримое отношение непосредственности наличествованию жизни *внутри абсолютной гилетической имманентности*⁵ предполагает

⁴ Можно с некоторой долей осторожности сказать, что данный процесс отождествления как раз и был глубинно прочувствован и воспринят не- и постнеклассической философией вообще, и феноменологией в частности. Здесь важно помнить, что аффектированность данного процесса отождествления, если следовать мысли Анри, строилась на крайне аморфном к чувствам гегельянском фундаменте.

⁵ Здесь следует отметить радикальное различие, на которое указывает Анри в работах Гуссерля, а именно на «гиле» и «морфе». Тем не менее, показав, что это абсолютное размежевание Анри будто бы не пытается достичь его единства. Взамен косвенной манифестации интенциональной материальности морфе как исходной для субъекта у Гуссерля философ ставит вариант гилетической фе-

сострадательное единство, в основе которого изначально лежит *Ego* и *Alter ego*. Только признавая изначальность общей жизни, можно говорить о том, что между мной и Другим, человеком и миром, человеком с самим собой может осуществляться *со-общение*. Именно аффектированная пронизанная жизнью самость в качестве живущей по-настоящему чувствует самое себя. Она первоначально не-видит, но находится в первооснове или *способности чувства видеть*. В том, чтобы суметь увидеть нечто большее, чем я сам, опознать нечто, в чувственности прошедшего или будущего как живого видимого, в интуитивном, превосходящем созерцание телесном будущем опыте чувствовать захваченность тем, что «грядет», «надвигается», «подступает».

Именно такая способность заложена в пафосе жизни. Поскольку пафотическое присутствие — это не Эго, а, прежде всего, *непосредственность внутри со-присутствия с Другим или Иным-как-Частью, соположенностью с иным, которое превышает его*, то жизнь не является абстрактным, умозримым, или застывшим *временением состояния бесконечного круговращения*, внутренним свечением, которое светит, но не греет. Видение, в первую очередь, есть материальный процесс беспрестанного проявления в действительном, *проблематичном* и конкретном совместном и открытом в своем брожении живом мире. *Взгляд никогда не равнодушен к инаковости Другого*. Взгляд не есть великий неантисатор; Взгляд одновременно не только фонирующее и отрицающее Иное внимание, он также и ревность, любопытство, возможно и пошлость, которые никак не выхолащиваются. *Страсть, интерес, любопытство, пошлость и т.д. и т.п. двигают меня* (зачастую супротив меня, вопреки мне) и мой Взгляд, который образуется в направлении к Другому или от него.

Отношения Я с Другим, которое «осуществляется в форме аффекта» [Анри М., 2016, с. 144], зиждется на патетической пра-стадательности, т.е. изначальности движения

номенологии, даже не усомнившись в факте самого антиномического различия материальности (оживляющей интенциональности оформляющего Взгляда и темноты гилетического захваченного им субъекта) в последующих гуссерлианских штудиях [см. подробнее: Анри М., 2016, с. 14–57].

жизни в модусах со-общения, со-причастности, со-стадательности, неравнодушия и т.д. Именно такое патетическое зрение в своей страстно-страдательной не-интенциональной изначально-сти открытости «в жизни» является «непрозрачным» непосредственным опытом незримого, областью чувственной сопричастности с Другим, «миром», собственной самостью и т.д.

Напомним, что раскрытая Анри гилетическая феноменология страстно-страдательной жизни самости радикально контр-интенциональна по своей природе, т.е. лишена дистантных отношений, дана себе непрозрачно для созерцания в акте чувствования в его претерпевании. «Я в первую очередь — живое существо, и только потом субъект познания. <...> я являюсь себе непосредственным образом, который не предполагает противопоставления между тем, что является, и тем, кому является» [Стенина М.В., 2020]. Поэтому оказывается, что увидеть себя можно только «как если бы я был всего лишь внутримировой вещью — будь то в обычном зеркале, в котором отражается мое тело, или же в зеркале рефлексии, отражающем мои мыслительные процессы» [Ямпольская А.В., 2016, с. 109]. Иначе говоря, Анри постулирует радикальную непосредственность чувства видения как брожение невидимого.

В связи с этим методическая практика раскрытия субъективности, осуществляемая Анри, может быть поименована также и радикальной редукцией сущего к имманентности невидимого, находя в своей глубине некий сухой «нередуцируемый» остаток. Негативность незримости для познания переворачивается в позитивность концепта в чувстве «ослепительной ясности эйдетического взгляда» (курсив наш. — М.А.)» [Анри М., 2011, с. 174–175]. Иными словами, это взгляд, который ничего не видит интенционально, ибо акт созерцания отсылал бы к направленности, зиянию, расколу. Но, что парадоксально, незримость открывает нутро самого субъекта как ненаправленность чувства видения само по себе и из себя. Иначе говоря, удивительное присутствие дара видеть. На это указывает Ямпольская: «само понятие самоданности должно быть переосмыслено по сравнению с гуссерлевским, потому что подлинная самоданность достижима только в ходе радикальной редукции к имманентности, которую Анри называет также “контр-редукцией”» [Ямпольская А.В., 2014, с. 41]. В плане визуально-

сти оно характеризуется тем, что у самости «есть исходное ощущение, в котором видение ощущает себя» (курсив наш. — М.А.)» [Стенина М.В., 2020]. «Созерцание, которое было бы только созерцанием, феноменологически было бы ничем, ни созерцало бы ничего» [Хардинг Б., 2016, с. 193]. Пустота, дырка от бублика. Но мысль Анри же раскрывает глубину за созерцанием, которая не сводится к ничто, а подразумевает за видением в поле актов в аффективности субъекта «нечто большее, чем созерцание» (курсив наш. — М.А.)» [Хардинг Б., 2016, с. 193]. «В нем всегда действует некая сила, отличная от его собственной, сила, в которой оно само-аффицируется так, что мы должны сказать не “мы видим” — *videmus*, а подобно Декарту, “мы чувствуем себя видящими” — *sentimus nos videre*. Это самоаффицирование есть изначально феноменальность (курсив наш. — М.А.)» [Хардинг Б., 2016, с. 193].

Абсолютное чувство при боли, радости, чувстве (цвета, звука, вкуса, ритма и т.п.) не показывает (как было бы в интенциональном акте) предмет в качестве представшего репрезентанта. Точно так же, как и цвета на полотне работы художника являют глазу не нечто определенное («этот собор, это яблоко»). Пафос чувства ни в коем разе не являет субъекту сугубо коррелят чувства («это полотно показывает мне грусть»). По мнению Анри, если рассматривать эстетическую составляющую в рамках изобразительного искусства, то «живопись может дать нам доступ именно к многообразию, пестроте, несогласованности, неуловимости чувственных данных — цветов, полутонов, света и тени» [Ямпольская А.В., 2016, с. 110–111]. Выведение субъективности как чувствующей из игры в выражение «это есть» в картине уже разыгрывает отрицание переживания в объективации, становится своего рода защитной стеной для открытости самому себе «Я вижу это», «мы видим это» или *videmus*⁶. Исконное пережива-

⁶ Как отмечает Брайан Хардинг, «мое чувствование себя видящим этот *pathos* Жизни, есть не-видение, отличное от видения, и от видимого. Анри не отождествляет самоафффективность с чувством (1) напряжения в моих глазных яблоках, когда я пытаюсь сфокусировать взгляд на чем-либо, хотя здесь присутствует некая разновидность самоаффекта, как на это указывает Сартр: Анри имеет в виду не это. Точно так же он не отождествляет самоафффективность с (2) осознанием видимого содержания моего усмотрения — например, с осознанием того, что я вижу

ние видимого «требуется от нас, чтобы мы от этой защиты отказались, чтобы мы признали свою ранимость, опознали свои чувства <...> меня пугает и радует, от него у меня щемит сердце. Вот он, *пáθος* аффективной жизни!» [Ямпольская А.В., 2016, с. 112].

Однако следует указать на значительно проблематичный момент, который выявляется в концепции Анри: отмечается, что страстно-страдательная формулировка проекта Анри образует «*тавтологическую*» структуру субъекта (курсив наш. — М.А.) [Ямпольская А.В., 2016, с. 111]. «Именно *пáθος* или, точнее, страстно-страдательная само-впечатлительность (*auto-impressionnabilité pathétique*) образует самотождественность самости» [Ямпольская А.В., 2016, с. 110]. Как пишет сам Анри: «Нужно уметь сказать: “Ich bin Ich” [“Я — это я”]. Но в этом “Ich bin Ich” нет ничего порождающего» [Анри М., 2011, с. 179]. В связи с этим возникает закономерный вопрос: зачем субъекту в полноте пребывания в чувстве с миром, самим собой и Другим, что-либо делать? На это указывает Д. Захави: «Анри настаивает на том, что изначальная автоманифестация субъективности исключает любого рода раскол, разделение, инаковость, различие, внешность и противостояние» [Захави Д., 2016, с. 174]. Его пафотическое пребывание абсолютной пассивности, отказывая субъекту в позитивности конструктивистского Взгляда, «*исключает какую бы то ни было недостаточность* (курсив наш. — М.А.)» [Захави Д., 2016, с. 173]. Таким образом, гилетическая феноменология автоманифестации субъективности предстает как «непосредственное, необъективируемое и пассивное событие» [Захави Д., 2016, с. 174] или абсолют ясности присутствия в самоаффицировании. Самоаффицирование есть состояние, которое дано, от которого нельзя избавиться, им буквально захвачен. «Все есть» без «уже не...», без «еще не...». Кон-

статация непреложности «жизни», заданная через первичный момент аффектированности чувством видения, субъективности, которая разрастается, двигаясь в своей чувственности боли и радости. Но выходит, что разрастание при радикальной имманентности жизненности образует материю *жизни без ее возрастания, в которой ничего не остается, кроме как непрестанно жить*. Иными словами, это становится проблемой, как изначальная точка развития со-присутствия [Захави Д., 2016, с. 174] во времени как полноты присутствия. По мнению Захави, Анри «не дает никакого убедительного объяснения тому, как субъективность, сущностно характеризуемая столь полным самоприсутствием, может *обладать внутренней темпоральной артикуляцией недостаточности* (курсив наш. — М.А.)» [Захави Д., 2016, с. 184]. Например, утверждаемая им способность жизни к самовозрастанию *без объединения ее с направленностью как сущностной и позитивной характеристики, субъективности невидимого и созерцанием в качестве поля актов*. В частности, Захави настаивает, что, несмотря на важность развернутой системы мысли Анри по поводу самоприсутствия, если *не отменяют себя и темпоральность, интенциональность, рефлексивность, телесность и конструктивность интерсубъективности, то его система неполна*. Субъект не просто переживает поток жизни, но и также не устает беспрестанно вопрошать: «*как жить эту жизнь?*», в то время как анализ постфеноменологического проекта философа в его радикальной трактовке, кажется, не оставляет данной вопросительной конструкции места сущностной для разыгрывания субъекта.

Вместо заключения. Попытка позитивного выхода в постфеноменологических исследованиях субъективности видения

Тем не менее, как показывает критический анализ предыдущего развития феноменологии, возврат к истоку, основанному на «принципе всех принципов», мало кого устроит, как в теоретическом, так и в практическом отношении. Тезис Анри о том, что за созерцанием находится глубокий пласт (пафотическая аффицированность самости внутри жизни), представляется сильным. Также следует указать, что критическое рассмотрение концепции М. Анри, Д. Захави и Б. Хартингом не дает такой же сильной альтер-

лошадь, — или даже (3) с осознанием того, что я вижу видимые вещи. Все три пункта иллюстрируют “отношение-к” чему-то трансцендентному (соответственно, к моим глазным яблокам, к определенному видимому объекту, к видимым объектам как таковым), а в конечном счете иллюстрируют интенциональность. Все три пункта тем или иным образом связаны с трансцендентными объектами и не могут предлагаться в качестве чистого самоаффицирования, но только в качестве гетеро-аффицирования, к которому я чувствую себя видящим потому, что вижу *нечто* (курсив наш. — М.А.)» [Хардинг Б. 2016, с. 193].

нативной теории присутствия, которая могла бы быть противопоставлена проекту Анри.

В связи с этим хотелось бы отметить уже упоминаемого нами лишь погодя Жана-Люка Мариона. Не разворачивая его собственный проект субъекта видения, отметим, что философ задает попытку дальнейшего движения аффектированного присутствия, исходя из материальной феноменологии раскрытой Анри.

Вслед за Анри, философ утверждает, что не Я редуцирует мир до данности феномена, но, наоборот, за точку отсчета предлагается взять инвертированную версию интенциональности, в которой *мир предстает как «редуцирующий Я к себе»* (курсив наш. — М.А.) [Марион Ж.-Л., 2014, с. 70]. Более того, Марион развивает важный посыл в виде пафотической структуры аффицированности жизнью присутствия, в котором у философа наблюдается интересное продолжение мысли Анри. Так, Марион цитирует Анри, который пишет: «дар Жизни — поразительный дар, в результате которого, тот, кто сам по себе не существовал бы и не был бы, в частности, каким бы то ни было “собой”, *приходит, наоборот, в этой жизни к себе <...> как живущий и как “свое я”*» [Марион Ж.-Л., 2019, с. 52].

Марион, в отличие Захава, солидаризируется с данным высказыванием. Но это не мешает ему прийти к интересному развитию концепции. Анализируя пассаж Анри, Марион замечает, что жизнь первостепенно «не обладает собой, а получает себя как дар» [Марион Ж.-Л., 2019, с. 52–53]. Однако будучи даром, который *парадоксально* присутствует и одновременно и скрывает меня от самого себя, не позволяя говорить «я есмь моя жизнь» или, если высказываться более радикально, я есмь вся жизнь разыгрываемого присутствия. Таким образом, «если жизнь достоверно является моей сущностью, то существование мое определено достоверностью для меня не является» (курсив наш. — М.А.) [Марион Ж.-Л., 2019, с. 52]. Субъект в качестве живущего является Я, принадлежащим жизни, которая в качестве источника присутствия всегда «более, чем я сам» (курсив наш. — М.А.) [Марион Ж.-Л., 2019, с. 53]. Иными словами, *жизнь во временности проявляется как избыточная по отношению к живущему.*

Такое продолжение мысли Анри у Мариона: последний 1) показывает, как может идти само-

развитие в качестве разрастания жизни; 2) вносит важное авторское дополнение в виде *избыточности жизни, которая проявляется в исследовательском проекте визуальности в виде насыщенного феномена*^{7,8}. Это позволяет Мариону одновременно утверждать, что «никто не может *жить иначе, чем жизнью*» (курсив наш. — М.А.) [Марион Ж.-Л., 2019, с. 51], вместе с тем отмечать парадоксальность или даже диалектичность понятия жизни, показывая, что «высшей достоверностью обладает жизнь, у которой я заимствую свое бытие, с которой сам я отнюдь не тождественен, хотя и существую лишь благодаря ей» (курсив наш. — М.А.) [Марион Ж.-Л., 2019, с. 53].

Данная избыточность жизни разрабатывается Марионом как в визуальном эквиваленте (например, при разработке насыщенных феноменов идола, картины, лица, лика, иконы и т.д.), так и в философии аффектированного присутствия, и имеет огромный эвристический потенциал. Однако она также не лишена и полемических моментов, которые следует упомянуть⁹.

На проблемы в теории философа указывает Марсель Энафф. «Ничто не возникает, если не даруется. И даже само ничто» [Энафф М., 2015, с. 159] — говорит Марион. Энафф же отмечает: «Если все происходящее, какова бы ни была его модальность (сущее, опыт, мысль, возможность, гипотеза) называется “данным”, то, действительно, ничто не ускользает от дарения, даже его отрицание (ибо отрицать его все еще означает его утверждать), даже смерть (как

⁷ Важно отметить, что существует некая терминологическая разногласия. Помимо наименования насыщенный феномен, нам встречались также названия обогащенный феномен и избыточный феномен.

⁸ Марсель Энафф справедливо отмечает, что концепция насыщенного феномена по сути является некоторым закономерным итогом всех последующих рассуждений Мариона, четвертым этапом, который «остается, однако, все еще в перспективе, в удержании, потому что, возможно это этап, к которому автор хотел бы нас подвести, а для него, возможно, он послужил отправным пунктом» [Энафф М., 2015, с. 151].

⁹ Одной из наиболее каноничных с точки зрения критики для концепции Мариона можно назвать его дискуссию с Деррида. В ее рамках как сам Деррида, так и модератор дискуссии, Ричард Керни, отметили ряд затруднительных положений, не разъясненных в философии Мариона. Несмотря на то, что данная дискуссия проходила в конце 90-х, ее запал актуален и по сей день [О Даре..., 2011]. Многие критики Мариона, во том числе и Марсель Энафф, воспроизводят некоторые из положений данной дискуссии.

возможность невозможности принять), даже бессмыслица или абсурд» [Энафф М., 2015, с. 159]. Если все есть лишь дарение, жизнь в качестве наделенности собой, то получается, что «в феноменологической перспективе нет ничего, что не принималось бы в качестве феномена; но все, что принимается, принимается как данное; однако ничто не могло быть данным вне процесса дарения» [Энафф М., 2015, с. 159]. Иными словами, тот момент, когда поле аффектов могло бы совершить переход в субъективность в качестве поля актов, опять-таки становится проблематичным.

Тем не менее, данные трудности не отменяют концептуальных наработок и в своей основе выведения проекта онтологии визуального присутствия. Дальнейшее развитие направления, как нам представляется, может сулить чередой важных открытий, концептуального обновления и расширением понимания конкретики в рамках субъекта видения.

Список литературы

- Анри М. Материальная феноменология / пер. с фр. Г.В. Вдовиной. М.: СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2016. 208 с.
- Анри М. Феноменология жизни // Логос. 2011. № 3(82). С. 172–185.
- Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб.: Азбука, 2019. 704 с.
- Делез Ж. Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 376 с.
- Захави Д. Мишель Анри субъективность и имманентность // Анри М. Материальная феноменология. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2016. С. 169–187.
- Кралечкин Д.Ю. Мысль вничью // Сартр Ж.-П. Трансценденция Эго. набросок феноменологического описания. М.: Модерн, 2011. С. 130–158.
- Левинас Э. Тотальность и Бесконечное // Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 66–291.
- Лумпова М.А. Феноменология и проблема визуальности. Часть 1 // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 15–27. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-1-15-27>
- Марион Ж.-Л. Насыщенный феномен // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академ. проект, 2014. С. 63–99.

Марион Ж.-Л. Эго, или Наделенный собой / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: РИПОЛ-классик: Панглосс, 2019. 159 с.

Микали С. Избыточность опыта. Пограничные измерения Я по Гуссерлю. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2022. 284 с.

Ман П. де. Слепота и прозрение / пер. с англ. Е.В. Малышкина. СПб.: Гуманит. академия, 2002. 256 с.

О Даре: Дискуссия между Жаком Деррида и Жан-Люком Марионом // Логос. 2011. № 3(82). С. 144–171.

Слинин Я.А. Феноменология интерсубъективности. СПб.: Наука, 2004. 360 с.

Стенина М.В. «Феноменология и психоанализ» Мишеля Анри (семинар 20 декабря 2020 г.). URL: <https://phc.hse.ru/richir/news/440884388.html> (дата обращения: 05.12.2022).

Толстой Л.Н. Исповедь // Книга Екклесиаста. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 384 с.

Хардинг Б. Самоаффективность и материальная феноменология Мишеля Анри // Анри М. Материальная феноменология. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2016. С. 188–199.

Энафф М. Дар философов. Переосмысление взаимности М.: Изд-во гуманитар. лит., 2015. 320 с.

Ямпольская А.В. Предисловие к переводу статьи Мишеля Анри: Неинтенциональная феноменология: задача феноменологии будущего // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академ. проект, 2014. С. 39–42.

Ямпольская А.В. Революция в искусстве: эстетическая теория Кандинского в интерпретациях Мишеля Анри и Анри Мальдине // EINA1: Философия. Религия. Культура. 2016. Т. 5, № 1/2(9/10). С. 107–118.

References

- Deleuze, G. (1980). *Leksii o Leybnitse. 1980, 1986/87* [Lectures on Leibniz. 1980, 1986/87]. Moscow: Ad Marginem Publ., 376 p.
- Harding, B. (2016). [Self-affectivity and material phenomenology of Michel Henri]. *Anri M. Material'naya fenomenologiya* [Henry M. Material phenomenology]. Moscow, St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., pp. 188–199.
- Hegel, G.W.F. (2019). *Fenomenologiya dukha* [The phenomenology of spirit]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 704 p.

Henaff, M. (2015). *Dar filosofov. Pereosmyslenie vzaimnosti* [The philosophers' gift: Reexamining reciprocity]. Moscow: Gumanitarnaya Literatura Publ., 320 p.

Henry, M. (2011). [Phenomenology of life]. *Logos*. No. 3(82), pp. 172–185.

Henry, M. (2016). *Material'naya fenomenologiya* [Material phenomenology]. Moscow, St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., 208 p.

Kralechkin D.Yu. (2011). [Thought in a draw]. *Sartr Zh.-P. Transtsendentsiya Ego. Nabrosok fenomenologicheskogo opisaniya* [Sartre J.-P. The transcendence of the Ego. A sketch for a phenomenological description]. Moscow: Modern Publ., pp. 130–158.

Levinas, E. (2000). [Totality and Infinity]. *Levinas E. Izbrannoye. Total'nost' i Beskonechnoye* [Levinas E. Selected works. Totality and Infinity]. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya Kniga Publ., pp. 66–291.

Lumpova, M.A. (2023). [Phenomenology and the problem of visibility. Part 1]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 1, pp. 15–27. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-1-15-27>

Man, P. de (2002). *Slepota i prozrenie* [Blindness and insight]. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya Publ., 256 p.

Marion, J.-L. (2014). [Saturated phenomenon]. *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [Phenomenology: a new phenomenology in France and beyond]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., pp. 63–99.

Marion, J.-L. (2019). *Ego, ili Nadelemnyy soboy* [Ego, or Self-emposed]. Moscow: RIPOL-klassik Publ., Pangloss Publ., 159 p.

Mikali, S. (2022). *Izbytochnost' opyta. Pogranichnye izmereniya YA po Gusserlyu* [Redundancy of experience. Border measurements I according to Husserl]. Moscow, St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., 284 p.

[On the gift: a discussion between Jacques Derrida and Jean-Luc Marion]. (2011). *Logos*. No. 3(82), pp. 144–171.

Slinin, Ya.A. (2004). *Fenomenologiya intersub'ektivnosti* [Phenomenology of intersubjectivity]. St. Petersburg: Nauka Publ., 360 p.

Stenina, M.V. (2020). «*Fenomenologiya i psikhologii*» *Mishelya Anri (seminar 20 dekabrya 2020)* [«Phenomenology and psychoanalysis» by Michel Henri (seminar, December 20, 2020)]. Available at: <https://phc.hse.ru/richir/news/440884388.html> (accessed 05.12.2022).

Tolstoy, L.N. (2000). [A confession]. *Kniga Ekklesiasta* [The book of Ecclesiastes]. Moscow: Eksmo-Press Publ., 384 p.

Yampol'skaya, A.V. (2014). [Preface to the translation of the article by Michel Henry: Non-intentional phenomenology: the task of the phenomenology of the future]. *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [Phenomenology: a new phenomenology in France and beyond]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., pp. 39–42.

Yampol'skaya, A.V. (2016). [Revolution in art: Kandinsky's aesthetic theory as interpreted by Michel Henry and Henri Maldinet]. *EINAI: Filosofiya. Religiya. Kul'tura* [EINAI: Philosophy. Religion. Culture]. Vol. 5, no. 1/2(9/10), pp. 107–118.

Zahavi, D. (2016). [Michel Henri subjectivity and immanence]. *Anri M. Material'naya fenomenologiya* [Henry M. Material phenomenology]. Moscow, St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., pp. 169–187.

Об авторе

Лумпова Мария Анатольевна
аспирант кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: ma.lumpova@yandex.ru
ResearcherID: AAS-4601-2021

About the author

Maria A. Lumpova
Postgraduate Student of the Department
of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: ma.lumpova@yandex.ru
ResearcherID: AAS-4601-2021

УДК 111.1

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-198-206>

Поступила: 12.04.2023

Принята: 25.05.2023

Опубликована: 07.07.2023

О ВОЗМОЖНОСТИ РАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ АБСОЛЮТНОГО НЕБЫТИЯ

Свергузов Анвер Тяфикович

Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань)

Предметом исследования является проблема небытия, точнее — абсолютного небытия. Эта проблема является одной из центральных онтологических проблем, так как это, по сути, одна из формулировок проблемы первоначала. В данной работе рассматривается непосредственно решение проблемы небытия, предлагаемое в рамках подхода, который определяется как “философия небытия”. В этом подходе утверждается, что субстанцией является абсолютное небытие, которое порождает бытие. В настоящее время внутри “философии небытия” можно выделить три разновидности: рационалистический (диалектический), иррационалистический (метафизический) и радикальный (абсолютный, тотальный) варианты. Целью данного исследования является анализ возможности выявления абсолютного небытия рациональными средствами. Эта возможность декларируется рационалистическим вариантом “философии небытия”. Проблема рациональной концепции абсолютного небытия в данной работе рассматривается с точки зрения диалектической методологии, которая также используется в рационалистической “философии небытия”. В результате исследования показывается проблематичность субстанциализации небытия. Обосновывается мысль о принципиальной невозможности непротиворечивой рациональной концепции абсолютного небытия. Делается вывод о том, что проблему взаимосвязи бытия и небытия решить рационально возможно только в рамках последовательной диалектической методологии. Такая методология отрицает субстанциальность небытия и предполагает субстанциальность диалектической взаимосвязи бытия и небытия как сущностных характеристик первоначала. Положительное значение “философии небытия” заключается в том, что она актуализирует онтологические исследования проблемы первоначала, позволяет взглянуть со стороны на традиционное понимание этой проблемы. Областью применения результатов исследования может стать поиск общепринятого онтологического определения материи.

Ключевые слова: онтология, диалектика, субстанция, материя, бытие, небытие, абсолютное небытие.

Для цитирования:

Свергузов А.Т. О возможности рациональной концепции абсолютного небытия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 2. С. 198–206. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-198-206>

ON THE POSSIBILITY OF A RATIONAL CONCEPT OF ABSOLUTE NON-BEING

Anver T. Sverguзов

Kazan National Research Technological University (Kazan)

The subject of research is the problem of non-existence, or rather absolute nothingness. This is one of the central ontological problems as it is, in essence, one of the formulations of the first principle problem. This paper directly addresses the problem of nothingness from the perspective of the approach that identifies itself as a «philosophy of nothingness». According to this approach, substance is claimed to be absolute nothingness, which gives rise to existence. Currently, there can be distinguished three varieties in the «philosophy of nothingness»: rationalistic (dialectical), irrational (metaphysical), and radical (absolute, total). The immediate objective of this study is to analyze the possibility of identifying absolute nothingness by rational means. This possibility is declared by a rationalist version of the «philosophy of nothingness». The problem is considered in the paper from the point of view of dialectical methodology, which is also used in rationalist «philosophy of nothingness». The study shows the difficulty of substantialization of nothingness. The author provides arguments for the impossibility of a consistent rational concept of absolute nothingness. It is concluded that the problem of the relationship between existence and non-existence can be rationally solved only through consistent dialectical methodology. This methodology denies substantialist obscurity and implies a substantialist dialectical relationship between being and nothingness as the essential characteristics of the first principle. A positive value of the «philosophy of nothingness» is that draws attention to the ontological study of the first principle, makes it possible to look beyond the traditional understanding of this problem. The study results can be helpful in the search for a universally accepted ontological definition of matter.

Keywords: ontology, dialectics, substance, matter, being, non-being, absolute non-being.

To cite:

Sverguзов A.T. [On the possibility of a rational concept of absolute non-being]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 2, pp. 198–206 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-198-206>

Постановка проблемы

В отечественной литературе существует недооцененность фундаментальности проблемы происхождения бытия из небытия. С одной стороны, проблема отрицается. Такая позиция была характерна для традиционного диалектического материализма [подробнее см.: Свергузов А.Т., 2021b]. Но и в настоящее время есть утверждения, что принцип материального единства мира оставляет вне сферы познания категорию «ничто» [Поросенков С.В., 2022, с. 70–71].

С другой стороны, проблема признается, но не в фундаментальном смысле. Это наблюдается, например, в позиции А.Л. Сафонова и

К.А. Шпека. А.Л. Сафонов пишет следующее. «В качестве антитезы Бытия появляется категория Небытие, которая также является ментальной конструкцией, возникшей в результате размышления о том, что не существует в настоящее время». [Сафонов А.Л., 2021, с. 18]. Отношение К.А. Шпека к проблеме в целом характеризуется в названии его статьи: «Актуализация проблемы соотношения бытия и небытия как показатель мировоззренческого кризиса эпохи» [Шпека К.А., 2016].

Постановка проблемы происхождения бытия из небытия — это не вопрос каких-то второстепенных обстоятельств, он имеет принципиальное значение в онтологии. Это сущностная он-

тологическая проблема, а не эпизодическая дискуссия, навязанная абстрактными «ментальными конструкциями» или «кризисами эпохи».

Результаты исследования

На происхождении бытия из небытия в настоящее время настаивает так называемая «философия небытия». Этот подход получил существенное развитие в современной отечественной философии и оформился в нескольких вариантах, которые можно оценивать как диалектические или метафизические, рационалистические или иррационалистические. Общим для них в качестве первоначала выступает «абсолютное небытие».

Предлагаемая работа в некотором смысле завершает авторскую «трилогию». Дело в том, что «философию небытия», с нашей точки зрения, можно разделить на три варианта: рационалистическую (диалектическую), метафизическую (по сути, иррационалистическую) [подробнее см.: Свергузов А.Т., 2020] и абсолютную (тотальную) [подробнее см.: Свергузов А.Т., 2021а] «философию небытия». В данной статье рассматривается рационалистический вариант.

В центре внимания работы находится проблема возможности рационального описания абсолютного небытия. Такая постановка проблемы означает поиск обоснованного ответа на вопрос о возможности происхождения бытия из небытия. Положительное решение вопроса подразумевает в качестве субстанции небытие.

Нами анализируется возможность рационального осмысления и выявления абсолютного небытия в концепции Н.М. Солодухо. Концепция исключает какие-либо иррациональные основания и опирается только на логическую аргументацию. Н.М. Солодухо убежден в такой возможности и пытается осуществить ее на основе диалектической методологии. По нашему мнению, предлагаемые решения применимы для любого рационального варианта «философии небытия». Выводы относительно его концепции применимы и к «философии небытия» в целом.

Н.М. Солодухо справедливо указывает на игнорирование категории небытия как фундаментальной онтологической категории в истории философии и конкретно в традиционном диалектическом материализме. Поэтому его теорию мы рассматриваем как специфическую

альтернативу диалектическому материализму, в том числе потому, что Н.М. Солодухо использует диалектическую методологию.

С общей точки зрения проблема бытия требует прежде всего объяснить его происхождение. Проблема, вроде бы, должна сняться, если в качестве первоначала считать небытие. Поэтому исходные основания «философии небытия» понятны. Но при решении проблемы абсолютного небытия как первоначала неизбежно встает логический парадокс: абсолютное небытие не может породить бытие, иначе не будет являться абсолютным, т.к. содержит в себе причину бытия. Н.М. Солодухо считает, что парадокс устраним в другой логике. Для него сущность абсолютного небытия доступна не «логике существования», а «логике отсутствия». Заметим, что многие философы говорят о необходимости создания специфического понятийного языка для описания небытия. Идея Н.М. Солодухо такова: небытие отсутствует с точки зрения бытия. Существует не только то, что бытийно существует, но и то, что бытийно не существует (отсутствует в рамках бытия). При этом логика небытия мощнее логики бытия. Содержанием абсолютного небытия является все несуществующее, потенциальным подмножеством которого является все существующее, т.е. бытие.

Примером «логики существования» служат суждения древнегреческого философа Парменида. Он считал, что бытие существует, а небытие не существует. С нашей точки зрения, такой подход радикален, т.к. исключает категорию небытия. Категория небытия все же имеет смысл и должна иметь рациональное применение для характеристики первоначала.

Общей точкой для «логики существования» и «логики отсутствия» для Н.М. Солодухо является категория неопределенности (материи или сознания). Эту идею можно усмотреть в философии Ф. Шеллинга: «Бог же имеет основу своего существования в себе самом. Следовательно, в Боге есть нечто не являющееся Богом, некое хаотическое первоначало, с которым ему еще нужно справиться (Шеллинг заимствует эту мысль у Беме). Разум, начиная действовать, производит разделение сил, свет отделяется от тьмы» [Гулыга А.В., 2001, с. 213]. «Бог Шеллинга изначально содержит в себе материю и бессознателен, сознание существует в нем

лишь как потенция» [Гулыга А.В., 2001, с. 218]. Но у Ф. Шеллинга это «хаотическое первоначало» является частью абсолюта (Бога), а Н.М. Солодухо делает его самодостаточным.

У Ф. Шеллинга «хаотическое первоначало» есть «возможность всех вообще определений». «...Будучи тождеством субъективного и объективного, абсолют, по Шеллингу, не есть ни дух, ни природа, а безразличие обоих (подобно точке безразличия полюсов в центре магнита), ничто, содержащее в себе возможность всех вообще определений. Полная развернутость, осуществленность этих потенций — это, по Шеллингу, Вселенная...» [Гайденко П.П., 1989, с. 747]. Но это «определения бытия», а Н.М. Солодухо приписывает это содержание небытию, понятиям «языка небытия».

Ф. Шеллинг, в отличие от Н.М. Солодухо, трактует неопределенность иррационалистически. «...Шеллинг ставит вопрос, выводящий его за пределы философии тождества: как и в силу чего происходит рождение мира из абсолюта, почему нарушается то равновесие идеального и реального, которое существует в точке безразличия, и в результате возникает мир? ...Шеллинг утверждает, что происхождение мира из абсолюта не может быть объяснено рационально...» [Гайденко П.П., 1989, с. 747]. Н.М. Солодухо, наоборот, считает это объяснимым. Он дополнительно к традиционному «Основному вопросу философии» вводит понятие «Исходной философской проблемы». Этим понятием Н.М. Солодухо фиксирует проблему происхождения бытия из небытия как рациональную. До решения этой проблемы, по его мнению, говорить об «Основном вопросе философии», о материализме или идеализме нельзя. С такой постановкой вопроса мы частично согласны в том смысле, что «Основной вопрос философии», по сути, не является полноценным вопросом о «первоначале». Это всего лишь вопрос выбора между материей и сознанием в качестве первоначала [подробнее см.: Свергузов А.Т., 2022]. Н.М. Солодухо также по-новому трактует онтологию и метафизику. Бытие — предмет изучения онтологии (учения о бытии), небытие — метафизики (науки о первоначале): «небытие метафизично, а бытие онтологично» [Солодухо Н.М., 2011, с. 49].

Н.М. Солодухо, как и Ф. Шеллинг, характеризует содержание первоначала как «неопреде-

ленность» — неопределенность существования. Но здесь возникает еще один парадокс для «философии небытия», своего рода гносеологическая ловушка. На наш взгляд, категория «неопределенности» означает неопределенность содержания, а не отсутствие содержания. Поэтому «неопределенность», строго говоря, является характеристикой не абсолютного небытия, а относительного небытия. На это принципиально неразрешимое противоречие обречены все попытки построить рациональную теорию абсолютного небытия с опорой на эту категорию.

Применительно к первоначалу категория неопределенности должна обозначать не неопределенность материи и сознания, а неопределенность в гегелевском смысле — бытия и небытия.

Н.М. Солодухо делает «неопределенность» категорией «логики небытия». Он, с одной стороны, пытается уйти от указанного «бытийного» понимания неопределенности как выбора между материей и сознанием. «На вопрос: каково метафизическое (исходное) небытие, мы можем ответить лишь то, что оно онтологически никак не определено — оно не есть материя, не есть сознание, не есть дух» [Солодухо Н.М., 2011, с. 49]. С другой стороны, он наделяет «неопределенность» другим так называемым «небытийным» содержанием: небытие определено в себе — его содержанием являются «ничтоформы» (терминология Н.М. Солодухо). Небытие не определено по отношению к бытию, но определено внутри себя, т.е. обладает конкретными характеристиками: оно оформлено, структурировано, взаимодействует внутри себя, характеризуется специфическими закономерностями. В его концепции абсолютное небытие должно быть образовано из принципиально другого вида «существования» — «ничто-форм», природа которых определяется не категорией существования, а противоположной по смыслу категорией отсутствия (несуществования). При этом традиционные формы материального и идеального относятся к «ничто-формам», т.е. формам бытия.

Но здесь возникает закономерный вопрос: чем «небытие» отличается от «относительного небытия»? В отличие от Н.М. Солодухо Р.А. Нуруллин (также сторонник «философии небытия») утверждает противоположным, т.е. традиционным образом, что абсолютное небытие («ничто» в его терминологии) абсолютно не

определено, т.е. о нем ничего утверждать нельзя как в отношении логики бытия, так и в отношении логики небытия: «...ничто как бы вне любой определенности как бытия, так и небытия» («небытие» в его терминологии означает «относительное небытие». — А.С.) [Нуруллин Р.А., 2009, с. 197]. Абсолютное небытие, «...ничто, по нашему определению, не может обладать никаким качеством...» [Нуруллин Р.А., 2009, с. 202]. В данном случае логичнее, на наш взгляд, концепция Р.А. Нуруллина, согласно которой неопределенность не может быть характеристикой абсолютного небытия. Онтологической неопределенности без содержания не бывает. Всякая неопределенность есть характеристика «бытия» или «относительного небытия», но никак не «абсолютного небытия».

Подход Н.М. Солодухо, по сути, дублирует, удваивает бытие. На это обращают внимание как критики, так и сторонники «философии небытия». Уточним, что он различает категории «абсолютное небытие» (или «небытийное небытие» в его терминологии) и «относительное небытие» («бытийное небытие», «небытие-прибытии» в его терминологии). В случаях, когда он утверждает о диалектическом «тождестве бытия и небытия», то стороной этого тождества является «относительное небытие», противостоящее «бытию». Не будем останавливаться на содержании «относительного небытия» [см.: Солодухо Н.М., 2002, с. 46]. Стороной другого тождества является «абсолютное небытие», противостоящее «всебытию».

В концепции Н.М. Солодухо бытие является «флуктуацией» абсолютного небытия. Это еще одно важное понятие концепции. Но и оно, по нашему мнению, не рационализирует концепцию и не спасает ее от парадокса, даже если «абсолютное небытие» не имеет содержания.

Небытие Н.М. Солодухо содержательнее бытия. Существующая реальность представляет собой диалектическое единство бытия и относительного небытия. Небытие образовано из конкретных форм «отсутствия» — «ничтоформ». Это не конечная логика существования, а бесконечная логика отсутствия (предмет бытия не является другим из бесконечного множества возможных предметов). Небытие и его формы трансцендентны в логике бытия, т.е. непознаваемы с точки зрения категорий бытия, адекватно невыразимы в понятиях обычной,

«бытийной» логики (логики существования). «...Человек бытиен по своей природе, бытийно его мышление, бытийны его логика (которая следует бытию) и язык, и как следствие этого бытиен категориальный аппарат как средство познания. Задача заключается в том, чтобы постараться выразить небытие (ничто), невыразимое адекватно в этих формах. В этом, вероятно, заключен и ответ на вопрос, почему начиная с Парменида, европейская рационалистическая философия так или иначе обходила небытие, ставила его “вне закона” (философы, подобные Демокриту и Платону, лишь исключение из правила)» [Солодухо Н.М., 2011, с. 46–47]. По нашему мнению, наоборот: причиной была неразвитость рационального мышления, а не отсутствие понятийного аппарата. Поэтому проблема первоначала не была сформулирована в целостном виде.

«Аргументы» в пользу существования «другой логики» присутствует в научной литературе. Например, в трактовке физической реальности существует подход, согласно которому логика квантовой механики описывает не сам по себе микромир, а систему «микромир+субъект». Так, А.И. Панченко значение «квантовой революции» усматривает в обязательности способа представления физической реальности, при котором «квантовая логика появляется вовсе не как логика квантовых объектов, не зависящих от субъекта» [Панченко А.И., 1988, с. 147]. Подобным образом утверждает и Р.А. Нуруллин: «Свойства объекта теперь приходится рассматривать как функцию, которая зависит от способа исследования субъектом. В зависимости от способа измерения одного и того же класса объектов будем констатировать разное поведение микрочастицы: в одних случаях она будет вести себя более как частица, а в другом — более как волна. Это противоречие, вызванное неустранимостью субъекта при исследовании объекта, носит объективный характер» [Нуруллин Р.А., 2009, с. 335]. Мы же согласны с подходом, согласно которому законы квантовой механики объективны, т.е. описывают микромир сам по себе.

В основе концепции Н.М. Солодухо лежат следующие идеи. «Основными принципами нашей теории философии небытия служат следующие положения:

– наличный мир представляет собой единство бытия и небытия;

– исходным в мире следует признать небытие (ничто) в силу его субстанциональности;

– небытие спонтанно порождает бытие как свою противоположность...» [Солодухо Н.М., 2011, с. 47].

Н.М. Солодухо опирается на диалектическую методологию. Отметим принципиально важную диалектическую идею единства бытия и небытия. На эту мысль, например, обращает внимание также Я.Я. Разногорский, хотя и с оговорками. «Если вернуться к пониманию материи в субстанциальной онтологии, то она, возможно, в нашей области мира ведет себя по первому сценарию, представленному в онтологии небытия Н. М. Солодухо, поэтому в предельной абстракции в качестве гипотезы материя есть единство метафизического и диалектического, бытия и небытия» [Разногорский Я.Я., 2012, с. 331]. По нашему мнению, диалектика бытия и небытия у Н.М. Солодухо не реализована, т.к. абсолютное небытие предполагается в качестве субстанции. Здесь имеется противоречие, поскольку соединяется диалектическая идея единства бытия и небытия с недиалектической идеей субстанциональности абсолютного небытия.

Идея субстанции — еще один элемент, который можно критиковать в теории Н.М. Солодухо. Он использует понятие субстанции применительно к абсолютному небытию. Но субстанция — это принципиально диалектическая категория. Категория субстанции неприменима к понятию абсолютного небытия. Н.М. Солодухо, вроде бы, справедливо указывает: «...субстанция, по определению, для своего существования не требует ничего другого — именно таким и является небытие, ничто: для того, чтобы ничего не было, ничего и не требуется» [Солодухо Н.М., 2011, с. 49]. Однако это лишь один аспект содержания субстанции. Другой аспект определения, противоречащий понятию «абсолютное небытие», таков: субстанция должна включать в себя причину своего существования. Небытие, содержащее в себе причину собственного существования, не является абсолютным. В этом смысле последовательнее позиция Р.А. Нуруллина, для которого абсолютное небытие не обладает характеристиками субстанции в полной мере: абсолютное небытие у него

обладает «тривиальным содержанием», т.е. представляет собой просто пустое существование. Для Р.А. Нуруллина содержание абсолютного небытия характеризуется как абсолютная, безусловная неопределенность, т.е. ничего не выражающая и не порождающая. Такое понимание не объясняет проблему происхождения бытия. Р.А. Нуруллин этого и не отрицает.

Таким образом, противоречивость позиции Н.М. Солодухо в том, что он пытается соединить несовместимое — антидиалектическую исходную идею абсолютного небытия с диалектическим методом его описания.

Центральная для диалектического метода категория «противоречия» также несовместима с понятием абсолютного небытия. Наделение абсолютного небытия противоречивым содержанием (как внутренним источником развития) отрицает абсолютность небытия. Вот как Н.М. Солодухо описывает исходное противоречие: «Иначе говоря, исходное небытие имеет две стороны — сущность, заключающуюся в ничто, и существование, проявляющееся в реальности отсутствия, что и составляет исходное противоречие, создающее напряженность» [Солодухо Н.М., 2009, с. 42].

Наконец, Н.М. Солодухо наделяет абсолютное небытие содержанием, которое трактует абсолютное небытие как «абсолютное бытие» («всебытие»). «Онтологическая неопределенность исходного небытия заключается также в его принципиальной противоречивости: оно есть единство и тождество крайних противоположностей — абсолютной однородности и абсолютной неоднородности, вечности и безвременья, бесконечности и нуля-пространства, максимального спокойствия и крайней неустойчивости и пр. Оно есть Ничто и Все одновременно. А поэтому исходное небытие есть всебытие» [Солодухо Н.М., 2002, с. 18]. Имеем исходное небытие, которое ничем не ограничено в своем содержании. «По отношению к самому себе множество небытия является непустым, более того, оно содержит в себе бесконечное количество ничто-форм, соответствующих возможному, невозможному и бывшему в бытии» [Солодухо Н.М., 2002, с. 19].

Такое «первоначало» логичнее трактовать не как абсолютное небытие или абсолютное бытие, а как их тождество. В итоге понятие «абсолютного небытия» утрачивает первоначальный

смысл. Фактически Н.М. Солодухо доказывает субстанциональность не абсолютного небытия, а тождества абсолютного бытия и абсолютного небытия.

По нашему мнению, применение диалектической методологии закрывает для Н.М. Солодухо реализацию идеи абсолютного небытия как субстанции. От абсолютного небытия к бытию средствами диалектики нельзя перекинуть рациональный «мостик», т.к. диалектика принципиально отрицает абсолютное небытие. Любая конкретизация разрушает абсолютное небытие, отрицает его, приводит к его содержательной подмене на специфическую форму бытия (непринципиально как называть: относительное небытие, виртуальное бытие и т.д.). Такого варианта развития избегает, например, теория небытия Р.А. Нуруллина. Он использует до некоторого предела рациональную методологию, но непосредственно переход абсолютного небытия в бытие признает нерациональным.

Как аргумент в пользу идеи субстанциональности абсолютного небытия Н.М. Солодухо использует идею, что если «философия небытия» иррациональна, то не более чем «философия бытия». «Когда выбираешь в качестве первоначала нечто существующее, будь то материя, или идея, или Бог, всегда напрашивается вопрос — откуда взялось само это начало» [Солодухо Н.М., Волкова М.Н., 2013, с. 169]. «Такое бытие само по себе (то есть бытие как онтологическое начало) также не познано, не является доказанным и обоснованным. Оно, как и Небытие, ускользает от понимания, рационального осмысления» [Солодухо Н.М., Волкова М.Н., 2013, с. 169]. По нашему мнению, это косвенное признание в невозможности рационально обосновать «философию небытия».

Выводы

Как говорится, «отрицательный результат есть также результат». Логическая операция рационализации абсолютного небытия отрицает его. В целом теория Н.М. Солодухо подтверждает правомерность применения к «первоначалу» диалектического принципа тождества бытия и небытия. Н.М. Солодухо, по сути, его использует. «Небытие в качестве ничто ничтожит самое себя, отторгая тем самым из себя бытие — совокупное нечто обращенных ничто-форм. Здесь нельзя не вспомнить диалектику Георга

Гегеля, который в рамках своей мировой схематики начинал развертывание мира с тождества противоположностей — бытия и ничто» [Солодухо Н.М., 2009, с. 42]. Но у Гегеля бытие исходно, поэтому говорить об исходности бытия или небытия в диалектике невозможно.

Таким образом, рациональная концепция теории абсолютного небытия невозможна. Концепции абсолютного небытия возможны только в иррациональных или ограниченно рациональных формах. Диалектическая методология отрицает субстанциональность небытия. Последовательная диалектическая методология, наоборот, подтверждает субстанциональность взаимосвязи бытия и небытия.

Список литературы

- Гайденок П.П.* Шеллинг // Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 747–748.
- Гулыга А.В.* Немецкая классическая философия. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рольф, 2001. 416 с.
- Нуруллин Р.А.* Метафизика виртуальности. Казань: Изд-во КГТУ, 2009. 544 с.
- Панченко А.И.* Философия, физика, микромир. М.: Наука, 1988. 192 с.
- Поросенков С.В.* Принцип материального единства мира в мире плюрализма // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 66–73. DOI: <https://doi.org/10.37482/2687-1505-v210>
- Разногорский Я.Я.* Проблема материи в онтологии и картинах общей теории относительности // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. 2012. № 4, вып. 2. С. 328–331.
- Сафонов А.Л.* Реальность универсума и его отображение в сознании человека (философский анализ сущности категорий теории познания) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 3. С. 6–22.
- Свергузов А.Т.* О возможности концепции тотального абсолютного небытия // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2021. Т. 7, № 4. С. 62–70.
- Свергузов А.Т.* О возможности недиалектической концепции абсолютного небытия // Ученые записки Крымского федерального университета

им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2020. Т. 6, № 3. С. 42–49.

Свергузов А.Т. Проблема небытия в диалектическом материализме // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2021. № 1. С. 160–165.

Свергузов А.Т. Проблема первоначала в структуре «основного вопроса философии» // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2022. Т. 8, № 3. С. 4–13.

Солодухо Н.М. Взаимодействие бытия и небытия как основа наличного мира // Современная онтология – III: категория взаимодействия: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 25–27 июня 2008 г.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. унта, 2009. С. 39–48.

Солодухо Н.М. Философия небытия. Казань: Изд-во КГТУ, 2002. 146 с.

Солодухо Н.М. Философия небытия в очень кратком изложении // Философия. Язык. Познание: сб. материалов, посвящ. 10-летию кафедры теоретических основ коммуникации и юбилею д-ра филос. наук, проф. Э. А. Тайсиной / под ред. Н.М. Мухарямова и др. Казань: Изд-во КГЭУ, 2011. С. 45–51.

Солодухо Н.М., Волкова М.Н. Концепт небытия в дискурсе современных российских философов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 1. С. 163–172.

Шпека К.А. Актуализация проблемы соотношения бытия и небытия как показатель мировоззренческого кризиса эпохи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 1. С. 33–41.

References

Gaydenko, P.P. (1989). [Schelling]. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar', pod red.*

S.S. Averintseva, E.A. Arab-Ogly, L.F. Il'icheva i dr. [S.S. Averintsev, E.A. Arab-Ogly, L.F. Ilichev et al. (eds.). Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., pp. 747–748.

Gulyga, A.V. (2001). *Nemetskaya klassicheskaya filozofiya* [German classical philosophy]. Moscow: Rol'f Publ., 416 p.

Nurullin, R.A. (2009). *Metafizika virtual'nosti* [Metaphysics of virtuality]. Kazan: KSTU Publ., 544 p.

Panchenko, A.I. (1988). *Filosofiya, fizika, mikro-mir* [Philosophy, physics, microcosm]. Moscow: Nauka Publ., 192 p.

Porosenkov, S.V. (2022). [The principle of the material unity of the world in the world of pluralism]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. Vol. 22, no. 6, pp. 66–73. DOI: <https://doi.org/10.37482/2687-1505-v210>

Raznogorsky, Ya.Ya. (2012). [The problem of matter in the ontology and pictures of the general theory of relativity]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. A.N. Tupoleva* [Bulletin of Kazan State Technical University named after A.N. Tupolev]. No. 4, iss. 2, pp. 328–331.

Safonov, A.L. (2021). [The reality of the universe and its reflection in the human mind (philosophical analysis of the essence of the categories of the theory of knowledge)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy]. No. 3, pp. 6–22.

Shpeka, K.A. (2016). [Actualization of the problem of correlation between being and non-being as an indicator of ideological crisis of the epoch]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy]. No. 1, pp. 33–41.

Solodukho, N.M. (2002). *Filosofija nebytiya* [Philosophy of non-being]. Kazan, KSTU Publ., 146 p.

Solodukho, N.M. (2009). [The interaction of being and non-being as the basis of the present world]. *Sovremennaya ontologiya – III: kategoriya vzaimodeystviya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 25–27 iyunya 2008 g.)* [Proceedings of the International Scientific Conference: «Modern Ontology – III: Category of Interaction» (St. Petersburg, June 25–27, 2008)]. St. Petersburg: SPbU Publ., pp. 39–48.

Solodukho, N.M. (2011). [The philosophy of non-existence in a very brief summary]. *Filosofiya. Yazyk. Poznanie: Sbornik materialov, posvyaschennykh 10-letiyu kafedry teoreticheskikh osnov kommunikatsiy i yubileyu doktora filosofskikh nauk, professora E.A. Taysinoy* [Philosophy. Language. Cognition: a collection of materials dedicated to the 10th anniversary of the department of theoretical foundations of communication and the anniversary of doctor of philosophy, Professor E.A. Taisina]. Kazan: KSEU Publ., pp. 45–51.

Solodukho, N.M. and Volkova, M.N. (2013). [The concept of non-being in the discourse of modern

Russian philosophers]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]. Vol. 155, book 1, pp. 163–172.

Svergzov, A.T. (2020). [About the possibility of the nondialectic concept of absolute non-being].

Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies]. Vol. 6, no. 3, pp. 42–49.

Svergzov, A.T. (2021). [About the possibility of the concept of total absolute non-existence].

Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of V.I. Vernadsky

Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies]. Vol. 7, no. 4, pp. 62–70.

Svergzov, A.T. (2021). [The problem of non-existence in dialectical materialism]. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov* [Economic and humanitarian studies of the regions]. No. 1, pp. 160–165.

Svergzov, A.T. (2022). [The problem of origin in the structure of the «basic question of philosophy»]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies]. Vol. 8, no. 3, pp. 4–13.

Об авторе

Свергузов Анвер Тяфикович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории науки

Казанский национальный исследовательский
технологический университет,
420015, Республика Татарстан, Казань,
ул. К. Маркса, 68;
e-mail: atsvergzov@mail.ru
ResearcherID: HTL-6036-2023

About the author

Anver T. Svergzov

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and History of Science

Kazan National Research Technological University,
68, K. Marx st., Kazan, Republic of Tatarstan,
420015, Russia;
e-mail: atsvergzov@mail.ru
ResearcherID: HTL-6036-2023

УДК 101.1

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-207-218>

Поступила: 10.11.2022

Принята: 20.01.2023

Опубликована: 07.07.2023

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНОГО МЫШЛЕНИЯ: ОТ ТЕЛЕСНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ОСОЗНАННОСТИ К НРАВСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ

Лебедев Никита Сергеевич

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Гуманистическая образовательная парадигма предполагает акцентирование на развитии личности и социальности, в связи с чем в образование активно внедряются практики и методы развития мышления, направленные в том числе на формирование личностной и социальной осознанности, ответственности и участия. В работе предлагается исследование гносеологических оснований педагогических практик развития личностного мышления как целенаправленного исследования собственной телесности, познавательных способностей, установок и ценностей в контексте нравственной проблематики, задач развития саморегуляции и самоактуализации личности в современном образовании. В качестве фундаментальной теоретической основы используются классические философские источники (Декарт, Спиноза, Кант, Фихте, Гегель), а также современные работы в области психологии, социальных и когнитивных наук, эпистемологии. Используя предложенный Гегелем подход к анализу необходимых стадий образования (Bildung) самосознания в «науке опыта сознания», предлагается соотнести этапы становления самосознания в истории мировой культуры со стадиями развития рефлексии сознания в индивидуальном опыте, в том числе опираясь на дифференционно-интеграционную теорию развития (Н.И. Чуприкова, Ю.И. Александров и др.). На основе историко-философского материала и его соотнесения с данными психологии развития (Л.С. Выготский, Е.А. Сергиенко и др.) рассматриваются гносеологические основания практик развития саморегуляции. Благодаря анализу проблематики нравственного (всеобщего) самосознания с позиций классической философии делается вывод о необходимости дальнейшей теоретической и методологической проработки используемых в образовании философских и психолого-педагогических практик самопознания и самосознания с учетом актуальных данных современной науки и эпистемологии. В результате исследования обосновывается вывод о продуктивности и целесообразности дальнейшего философского осмысления методологии и теоретического фундамента применяемых в современном образовательном процессе педагогических практик рефлексии своего телесного и ментального опыта в контексте растущего интереса к развитию личностной, телесной и социальной осознанности в образовании..

Ключевые слова: гуманистическое образование, педагогические практики, самопознание, самосознание, личностное мышление, рефлексия, развитие мышления, социальность, личность, нравственное развитие, феноменология духа, Гегель.

Для цитирования:

Лебедев Н.С. Гносеологические основания развития личностного мышления: от телесной и социальной осознанности к нравственной проблематике // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 2. С. 207–218. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-207-218>

EPISTEMOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF PERSONAL THINKING: FROM BODILY AND SOCIAL AWARENESS TO MORAL ISSUES

Nikita S. Lebedev

Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg)

The humanistic educational paradigm assumes an emphasis on the development of personality and sociality, in connection with which practices and methods of thinking development are actively introduced into education, those being aimed, inter alia, at the formation of personal and social awareness, responsibility, and participation. The paper presents a study of the epistemological foundations of pedagogical practices aimed at the development of personal thinking as a purposeful exploration of one's own physicality, cognitive abilities, attitudes, and values in the context of moral issues, the tasks of developing self-regulation and self-actualization of personality in modern education. A fundamental theoretical basis of the research includes classical philosophical sources (Descartes, Spinoza, Kant, Fichte, Hegel) as well as modern works in the field of psychology, social and cognitive sciences, epistemology. Using Hegel's approach to the analysis of the necessary stages of the formation (Bildung) of self-consciousness in the «science of consciousness experience», it is proposed to match the stages of the formation of self-consciousness in the history of world culture with the stages of the development of reflection of consciousness in individual experience, including relying on the differentiation-integration theory of development (N.I. Chuprikova, Yu.I. Alexandrov, et al.) Basing on the material of history of philosophy and looking at it through the prism of developmental psychology, the study considers the epistemological foundations of self-regulation development practices. Through the analysis of the problems of ethic self-consciousness (allgemein Selbstbewusstsein) from the standpoint of classical philosophy, a conclusion is made about the need for further theoretical and methodological study of the philosophical and psychological-pedagogical practices of self-cognition and self-consciousness used in education taking into account the relevant data of modern science and epistemology. The paper substantiates the conclusion about the productivity and expediency of further philosophical conceptualization of the methodology and theoretical foundations of pedagogical practices used in the modern educational process to teach students how to reflect on their bodily and mental experience in the context of growing interest in the development of personal, bodily, and social awareness in education.

Keywords: humanistic education, pedagogical practices, self-cognition, self-awareness, personal thinking, reflection, development of thinking, sociality, personality, moral development, phenomenology of spirit, Hegel.

To cite:

Lebedev N.S. [Epistemological foundations of the development of personal thinking: from bodily and social awareness to moral issues]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 2, pp. 207–218 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-207-218>

Самопознание как специфическая деятельность человека имеет сопоставимую с возрастом культуры историю и представляет собой существенную составляющую всех возникших и вновь возникающих культурных практик; без предпосылки в виде исследования собственной природ-

ды, осознания собственного деятельного начала и анализа возможностей мышления человека сложно представить саму вероятность революционного по отношению к биологическому существованию развития человеческой культуры. В современном мире практики самопознания и

саморазвития, связанные с исследованием собственного тела, эмоций, потребностей, способностей и мышления в рамках гуманистической парадигмы обретают значение ключевых задач образования, связанных с развитием телесной и социальной осознанности, саморегуляции и самоактуализации личности, в том числе, активно обсуждаемых в концепции непрерывного образования [Вербицкий А.А., Рыбакина Н.А., 2016]. Если для «знаниевой парадигмы» образования подобные задачи кажутся вторичными, то в рамках альтернативных подходов они выходят на первый план в ответ на вызовы неопределенности и избыточного разнообразия в качестве средств преадаптации к стихии нарастающей сложности современности [Асмолов А.Г. и др., 2018, с. 13–18]. Так, в современном образовании возникают акценты, что не знания как таковые, а именно сущностные качества личности — осознанность, самостоятельность мышления и ответственность — являются основанием развития личности и социальности [Кожевникова М.Н., 2015, с. 16–18].

Познание человеком самого себя проявляется в индивидуальном опыте в различных формах и развивается через осмысление и рефлексию форм чувственного познания, представления и мышления о самом себе и собственном опыте. Самопознание как намеренное исследование собственной телесности, познавательных способностей, установок и ценностей может быть определено в понятии **личностного мышления**. Понимая под личностным мышлением рефлексивное осмысление Я как чувствующей, действующей и мыслящей личности в контексте социальной и этической проблематики, данный педагогически значимый концепт подчеркивает не только единство самостоятельных форм познавательной деятельности, но и обусловленность развития самосознания и мышления индивида в целом процессом образования личности как субъекта познавательных, социальных, гражданских и культурных процессов. При этом важно отметить, что развитие «индивидуальной культуры» личностного мышления в опыте отдельного человека зависит от становления культуры в ее истории и не может анализироваться без учета исторического развития и системного подхода. Предпосылки для интерпретации такой взаимной зависимости и, более, поисков единых принципов развития самосознания личности в

индивидуальном опыте и развития формообразований сознания в истории культуры содержатся во множестве трудов классиков философской мысли — от Фалеса и Парменида до Ф.В.Й. Шеллинга и Г.В.Ф. Гегеля, а также в ряде работ авторов естественнонаучных и когнитивных исследований — Ч. Дарвина, И.М. Сеченова, Л.С. Выготского, А.Р. Лурия, П.К. Анохина, Т. Куна, С.Э. Тулмина, К. Майнцера, У. Матурана и др. С позиции современной дифференциально-интеграционной теории развития рассмотрение индивидуального и общественно-го развития как дифференциации позволяет обнаружить существенные аналогии в организации системных структур субъективного опыта и культуры. Сознание, эмоции, закон и мораль рассматриваются как характеристики разных уровней дифференциации указанных структур [Александров Ю.И., 2013, с. 23].

Продуктивность поисков единых оснований становления формообразований мышления в истории культуры и индивидуальном опыте самосознания демонстрирует фундаментальный труд «Феноменологии духа» Гегеля, где «были выработаны первые эскизные представления об особенностях развивающихся систем, которые коррелируют со многими установками и теоретическими поисками современной науки» [Степин В.С., 2010, с. 607]. Значение для образовательной практики предлагаемого Гегелем феноменологического понятия опыта как становления формообразований сознания, самосознания и разума было подчеркнуто уже автором: «отдельный индивид должен и по содержанию пройти ступени образования всеобщего духа, но как формы, уже оставленные, как этапы пути, уже разработанного и выравненного; <...> мы видим, как то, что в более ранние эпохи занимало зрелый дух мужей, низведено до познаний, упражнений и даже игр мальчишеского возраста, и в педагогических успехах мы узнаем набросанную как бы в сжатом очерке историю образования всего мира» [Гегель Г.В.Ф., 2006, с. 15].

В целях обнаружить философские основания существующих подходов к развитию личностного мышления в образовании как практик рефлексии о самом себе, собственном телесном и ментальном опыте, гносеологических основаниях субъективных установок и нравственных ценностей, предлагается рассмотреть процессы

становления самосознания в истории и индивидуальном опыте, опираясь на предложенный Гегелем феноменологический подход.

Осмысление Я в истории как процесс становления самосознания

Обращая внимание на понятие Я в европейской культуре, представляется, что история этого понятия включает развитие представлений о самом себе и своей телесности, собственной идентичности, субъектности, волевых и познавательных способностях, биологической и социальной, антропологической и культурно-исторической природе Я. Способы самопознания и формы самосознания выступают постепенно (в диахроническом рассмотрении), и в различные периоды истории Я понимается в различных своих аспектах. Выделяя в исторических периодах различные способы самопознания, можно увидеть как по мере увеличения рефлексивности формообразований самосознания объем понятия Я расширяется и специфицируется в зависимости от контекста. Согласно активно обсуждаемой сегодня идее, что история культуры и эволюция в целом представляют собой «целесообразное развитие случайно» [Асмолов А.Г. и др., 2018, с. 111–117], можно говорить, что как развитие культуры, так и индивидуального опыта, в том числе самосознания, характеризуются вовсе не абстрактной стихией исторического процесса, а нарастающей дифференциацией и сложностью в отношении индивида к феноменам внутренней и внешней среды [Александров Ю.И., Александрова Н.Л., 2007, с. 17–18]. Согласно Г.В.Ф. Гегелю, развившему идеи предшественников [Круглов А.Н., 2010, с. 47–65], стадии становления самосознания в истории представляют собой усложняющиеся за счет наслоения друг на друга и необходимые с точки зрения феноменологического рассмотрения развития познавательных способностей формации (Gestalten) развития индивидуального опыта человека [Гегель Г.В.Ф., 2006, с. 48–50]. Опираясь на предложенную Гегелем логику исследования стадий образования (Bildung) индивидуального опыта как пути восходящего из необразованной точки зрения знания [Гегель Г.В.Ф., 2006, с. 20], мыслится возможным определить принципиальные исторические вехи становления форм самопознания для последующего

анализа форм становления личностного мышления как рефлексивного самопознания в индивидуальном опыте. Такое понимание логики развития личностного мышления способно послужить методологическим основанием для организации соответствующих практик развития личности и социальности в образовании.

Доисторический период может быть охарактеризован спецификой чувственной достоверности *восприятия*. Для стадии восприятия свойственно отождествление Я и собственной чувствительности, еще отсутствует осознаваемое различие отношения к мыслящему и мыслимому, внешнему и внутреннему. Архаический период зарождения мифологических и религиозных верований есть этап становления определенности отношения восприятия к явлениям [Мотрошилова Н.В., 2010, с. 91–94] внутреннего и внешнего опыта и выступает в качестве образов и *представлений* о потустороннем мире, божественных силах и, главное, о душе как истоке живого. Осознание, что представления о явлениях принадлежат мыслящему субъекту, формирует отношение *сознания* к предметности как исследования первопричин и сущности явлений. В период расцвета античной и эллинистической культур оформляется понятие мышления и закрепляется различие чувственности, рассудка и разума (Сократ, Платон, Аристотель). Понимание мышления как деятельной причины послужило в периоды эллинизма и христианской патристики развитию идей совести и мученичества в образе пути Христа, а главное, понятий «заботы о себе», «внутреннем делании», дисциплины и воли как средствах духовного совершенствования.

Развитие экспериментальных наук и медицины в период становления новоевропейской культуры создало почву для опытного познания и его рефлексии. Осознание противоречия в познании отношения тела и души, явления и сущности, выступило в истории мысли в качестве противоположных направлений эмпиризма и метафизики. В этот период в философии оформляются и исследуются понятия рефлексии, метода познания, *самосознания* и идентичности. Понятие conscientia из представлений о совместном знании и совести как посреднике между человеком и Богом обретает у Декарта смысл самосознания [Соболев И.А., 2017], а Локк приходит к идее личной идентичности

[Нуркова В.В., 2004] в осознании себя как мыслящего разумного существа, «которое имеет разум и рефлексию и может рассматривать себя как себя, как то же самое мыслящее существо, в разное время и в различных местах» [Локк Дж., 1985, с. 387].

Благодаря выходу на первый план проблемы человеческого знания, его границ и его метода, в период Просвещения зарождаются эмпирическая антропология и психология, занятые исследованием телесного и психического в их проявлениях и взаимовлиянии преимущественно с точки зрения редукционизма, а в метафизике — рациональная психология, этика и логика, исследующие мыслящее и волящее Я. Появляются учения о познании и логике, праве и государстве, этике и морали, в том числе с учетом исторической перспективы их развития (Ф. Бэкон, Дж. Локк, Г.В. Лейбниц, Х. Вольф). Распространение идей Просвещения, социально-экономические преобразования и религиозная реформация формируют осознание специфики *новой* культуры и науки, закрепляя понятия Нового времени как существенно отличного от предшествующей истории прежде всего своим рефлексивным самосознанием (Дж. Вико). Наряду с географическими открытиями, развитием техники и производства, созревает понимание, что исторический процесс представляет собой прогресс (А. Сен-Симон, Вольтер). Осмысление предшествующей истории приводит мыслителей (Г.В. Гердер, И. Кант, И.Г. Фихте, Ф. Шлейермахер, В. фон Гумбольдт, Г.В.Ф. Гегель) к обнаружению закономерностей прогресса культуры, тем самым обогащая античное понятие *разума* историческим и нравственным самосознанием, необходимостью самосознания метода научного познания и идей образования как *Bildung* [Сапрыкин Д.Л., 2008].

Если попытаться продолжить осмысление ключевых этапов становления самосознания в опыте культуры в русле предложенного Гегелем подхода, необходимо учесть, что период Новейшей истории также представляет для нас большое значение. Этот период ознаменовался чередой существенных социально-экономических преобразований и потрясений, вызванных революциями в производстве и бурным ростом открытий опытных наук и технологий, отчасти пошатнувших оптимистичные взгляды на исторический прогресс, однако не отменивших

притязаний разума в осмыслении собственной истории и метода познания. Возникло понимание необходимости критического анализа установок познания и поведения человека. Критика методов отвлеченной метафизики и эмпиризма, а затем бихевиоризма и позитивизма (О. Конт, К. Поппер, Т. Кун, Э. Мах, С.Э. Тулмин, И. Лакатос, П. Фейрабенд) и последующая революция в когнитивных и социальных науках (Дж. Миллер, Н. Хомский, А. Ньюэлл, Г. Саймон, У. Найсер, Дж. Брунер, Г. Бейтсон, И. Гофман) послужили стимулом для оформления системного подхода (А.А. Богданов, Л. фон Берталанфи, Т. Парсонс), признающего и использующего достижения классической философской мысли. В результате становления эволюционной эпистемологии, когнитивных наук и системного подхода формируются самосознание современной науки [Алексеев А.П., Алексеева И.Ю., 2020] и подходы методологии научного знания, основанные на системно-интегративных принципах, обосновывающие, что исследование природы Я как самопознание невозможно без учета биологических, социальных и когнитивных аспектов [Касавин И.Т., Порус В.Н., 2018].

В наше время необходимость критического исследования гносеологических оснований и анализ влияния субъективных, в том числе неосознаваемых факторов в теоретической и практической деятельности человека подчеркивается исследованиями на стыке наук о поведении, экономики и когнитивистики [Метцингер Т., 2017, с. 37–64]. Проблема тождества личности и многообразия гносеологических гипотез о том, как можно говорить о свободе воли и моральной ответственности [Логинов Е.В. и др., 2018], приводят ученых к потребности вовлекать в современные научные исследования достижения классической философии прежде всего в части проблематики мышления и самосознания [Величковский Б.М., 2006, с. 71].

В соответствии с предложенной Гегелем логике рассмотрения истории образования знания в «науке опыта сознания», имеющей в системе автора собственную задачу [Зандукален Б., 2010, с. 397–409], следует подчеркнуть, что описанный выше путь становления самосознания в культуре есть процесс, совершенный только в опыте культуры, а потому требующий от кон-

кретного индивида его освоения в собственном опыте [Гегель Г.В.Ф., 2006, с. 48–50]. Задачей феноменологического (в гегелевском смысле) подхода становится выражение закономерной опосредованности развитых формообразований самосознания более примитивными, предшествующими им, что образует эффект условных «слоев» являющегося для нас знания, в том числе знания собственной природы. Требующий дальнейшего исследовательского осмысления феноменологический метод понятия самосознания может быть использован в качестве философского основания научного и педагогического изучения познавательных способностей в индивидуальном опыте человека. Формирование на основе классической, в частности, гегелевской философии и предложенного им феноменологического подхода [Иваненко А.А., 2020, с. 147–149] методологического фундамента для соответствующего направления когнитивных исследований, а также обоснования педагогических практик развития личностного мышления, представляется не только осуществимой, но и весьма продуктивной задачей.

**Личностное мышление
в контексте современных концепций
субъектности и саморегуляции**

Один из первых феноменов, которые мы обнаруживаем в опыте самопознания, произвольно направляя внимание на самих себя, — собственная живая природа, выражаемая в ощущении потребностей, проявлении реакций в качестве оценочного отношения к происходящему, и устремлениях, направленных на снятие обнаруженных недостатков и утверждению желаемого в некоторой внешней нашему телу среде [Гегель Г.В.Ф., 1977, с. 174–188]. Иначе этот феномен может быть осмыслен как подвижность опыта, выявляющая нашу субъектность [Кожевникова М.Н., 2022, с. 114–120]. Собственная природная определенность, наша телесность с физическими потребностями и желаниями оказывается данной нам в качестве факта сознания в непосредственном опыте самоощущения и восприятия, а акт простейшего самонаблюдения выступает вторичным, опосредованной произвольным вниманием исследовательской процедурой рефлексирующего мышления. В самоощущении собственной телесности мы наблюдаем различие лишь внут-

ренних и внешних телу ощущений, потенциально определяющих границы нашего чувственного Я [Кожевникова М.Н., 2022, с. 82–102]. Однако, что есть Я — именно размышление, далеко выходящее за рамки чувственного познания, поскольку предполагает также и ответ на вопрос о том, что во мне воспринимает феномены сознания и мыслит как сознающее то, что я ощущаю и что чувствую, как живой, некоторый Я [Гегель Г.В.Ф., 1977, с. 218–236].

Так, еще Р. Декарт усомнился в том, что наше Я и в целом наше существование может быть раскрыто и понято через непосредственное восприятие собственной телесности. Ведь сны, равно как и эмоциональные, аффективные, кризисные или болезненные состояния, могут восприниматься как достаточно реалистичные и достоверные, однако существующие лишь как психические состояния. «Если мы станем отвергать всё то, в чём каким бы то ни было образом можем сомневаться, и даже будем считать всё это ложным, то хотя мы легко предположим, что нет никакого Бога, никакого неба, никаких тел и что у нас самих нет ни рук, ни ног, ни вообще тела, однако же не предположим также и того, что мы сами, как *думающие об этом*, не существуем. Ибо нелепо признавать то, что мыслит, в то самое время, когда оно мыслит, не существующим. Вследствие чего это познание: я мыслю, следовательно существую, — есть первое и вернейшее из всех познаний, встречающееся каждому, кто философствует в порядке» [Декарт Р., 1989, с. 347].

Если Декартом под *cogitatio* понимается всё, что происходит в нас, сознающих самих себя, насколько мы об этом сознаем, поскольку «не только познание, воление, воображение, но также ощущение здесь то же самое, что мы именуем *cogitare*» [Декарт Р., 1995, с. 49–50], то Спиноза, опиравшийся на идеи Декарта при разработке проблематики метода познания, обратил внимание на то, что кроме метафизических и онтологических следствий из понятия самосознания, лежащего в основании всякого знания, могут быть выведены также и принципы рациональной этики. Целью своего этического учения, основанного на идее рациональной достоверности, Б. Спиноза видел аргументацию того, что процесс самосовершенствования человека, воспитание чувств и страстей — в логике разумного эгоизма, поскольку «воля и

разум — одно», и представляет собой единый процесс достижения «счастья совершенного человека» [Спиноза Б., 1999, с. 5–7]. По мнению Спинозы, в познании нам открывается следующее: все страсти происходят из мнения (недопонимания), и «если мы имеем основательное познание о добре и зле, истине и лжи, то тогда невозможно быть подверженным тому, из чего возникают страсти; ибо когда мы знаем и наслаждаемся лучшим, то худшее не имеет власти над нами» [Спиноза Б., 1999, с. 68].

Развивая идеи античных и средневековых предшественников, Спиноза полагал исследование и рефлексию над аффектами (включая различные страсти, эмоции, желания) необходимыми, поскольку именно понимание природы возникновения аффектов и знание их причин — первое, что позволяет возыметь над ними власть, преодолевая инстинктивные порывы [Спиноза Б., 1999, с. 83]. Подобный подход согласуется с современной концепцией развития когнитивного контроля при совладающем поведении и саморегуляции за счет повышения эмоциональной осознанности, развития произвольного внимания, самонаблюдения [Сергиенко Е.А. и др., 2010, с. 77–79]. Также можно говорить о созвучии идеи Спинозы о становлении волевого развития как когнитивно-обусловленного процесса с современными концепциями развития субъектности в системно-субъектном подходе психологии развития [Сергиенко Е.А., 2011] и социального интеллекта [Ясюкова Л.А., Белавина О.В., 2017, с. 28–29]. Вероятно, Спиноза впервые поставил и решал ту проблему, которую стали называть «аффективно-когнитивными взаимодействиями» [Первичко Е.И., 2020, с. 19], и Л.С. Выготский, формулируя данную проблематику, считал себя продолжателем именно Спинозы [Выготский Л.С., 1984].

Гносеологические основания нравственного самосознания

И. Кант, а позднее И.Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегель дали наиболее масштабное развитие темы самопознания в различных аспектах ее соотношения именно с практической деятельностью человека в вопросах философии права, морали и нравственности. Так, для Канта обнаружение «ядра» самосознания в принципе трансцендентального единства апперцепции позволило вы-

строить целую «метафизику нравственности», транслирующую идею, что именно в практической способности разума к автономной регуляции поведения единственно и состоит положительный принцип свободы — способности разума направлять поведение, действуя согласно собственным моральным принципам [Кант И., 1995, с. 104–106]. Автономия практического разума, свобода воли как способность для самого себя устанавливать принципы поведения и есть (по Канту) высший этический принцип всех разумных существ [Кант И., 1995, с. 94–95]. Здесь кроется то принципиальное различие, которое впоследствии будет доведено Гегелем до понятия нравственности в ее отличии от моральности.

Для Канта и Фихте высшая точка развития моральности сознания состоит в сознании долга как источника произвольного (свободного) действия согласно такому принципу, который мог бы служить в качестве всеобщего закона — «поступай так, как если бы твоя максима в то же время должна была служить всеобщим законом (всех разумных существ)» [Кант И., 1995, с. 98]. Однако для Гегеля точка зрения нравственности, в отличие от безразличной к социальной среде и историческому контексту моральности, требует от человека признания не только формально всеобщего принципа, но и содержательной личной ответственности в особом историческом, культурном и социальном пространстве его реализации.

Подлинно нравственное отношение человека предполагает снятие отношения долженствования и обосновывается чувством «общности, интеллигентной и человеческой взаимности» [Сочилин А.А., 2014, с. 171–172], укорененных в доверии и уважении, возможных только в условиях отдельных особенных культур, поскольку предполагают осознание взаимной со-зависимости, взаимной обусловленности людей в едином пространстве практической деятельности. Такое осознание, в свою очередь, оказывается возможным только в процессе становления самосознания, определяемого Гегелем как всеобщее, поскольку оно означает преодоление отдельных частных интересов и потребностей человека, его субъективных склонностей и мотивов в качестве своеобразного самопреодоления, шага «над» собственной индивидуальностью с ее субъективными представ-

лениями о формальности долженствования [Гегель Г.В.Ф., 2006, с. 121–123]. Гражданская позиция и нравственное самосознание личности формируется в признании, что в установленных правовых и моральных социальных отношениях содержится исторически и культурно обусловленное разумное основание, выступающее адекватным по отношению к системе в целом и эффектам обратной связи, говоря языком современного системного подхода [Парсонс Т., 2002, с. 48–79]. Такой подход предполагает, что развивающиеся в истории представления о самом себе, действующем в социокультурных обстоятельствах, и социальные установления норм права и морали являются взаимно обусловленными. Подобный взгляд согласуется с разрабатываемой и сегодня культурно-исторической концепцией развития личности Выготского [Коул М., 1997], из которой также следует, что сознание и самосознание личности развивается в процессе освоения человеком особенных культурных и познавательных форм деятельности в особенной социальной среде.

Оставляя в стороне детальный анализ гносеологических проблем в современной философии сознания, можно отметить, что идущая дискуссия о возможности свободы воли и моральной ответственности также не может обойти стороной проблематику взаимной интегрированности социокультурных и правовых процессов с коллективной социальной деятельностью человека в ее истории [Логинов Е.В. и др., 2018]. Даже доминирующая в современной аналитической философии и эмпирической науке традиция редукционизма (Д. Деннет, Р. Докинз) в целом не только оставляет возможность говорить о нравственном самосознании, но и усиливает акцент на необходимости осознания человеком опосредованного влияния как природных, так и социальных факторов на его решения, а также ценности и убеждения, лежащие в основании его личности и самоидентичности [Васильев В.В., 2017].

Подходы к развитию личностного мышления и нравственного самосознания в современном образовании

Практики развития личностного мышления обретают значимое положение в современном образовании, в том числе в групповых форматах [Кожевникова М.Н., Лебедев Н.С., 2020], и эти

практики должны быть признаны как имеющие очевидное значение для всей сферы воспитания.

Одним из примеров применения педагогических практик развития самосознания в качестве телесной и социальной осознанности, эмоциональной и психической саморегуляции, включающих формы самопознания и вовлеченного взаимодействия, является направление социально-эмоционально-этического образования (СЭЭО). В международном сообществе данный подход был предложен к апробации и развитию в 2019 г. В России это направление развивается с опорой на классические философские источники и отечественную педагогическую традицию [Кожевникова М.Н. 2021, с. 119–120]. Вовлекаемые в образовательный процесс в данном подходе практики философской рефлексии направлены на развитие личностного мышления и нравственного самосознания [Лебедев Н.С., 2021, с. 157–159]. При этом опыт апробации указанного подхода в процессе реализации курсов повышения квалификации для педагогов в течение 2021–2022 гг. позволяет говорить о растущем интересе к современным философско-педагогическим практикам развития мышления и наличия эффектов трансформации отношения педагогических кадров к целям и методам образовательного процесса.

Заключение

В то время как предметом критики в истории философии со стороны современников нередко становилась интерпретация нравственного развития личности в духе самопреодоления и пафоса духовного подвига, Лейбниц, Кант, Фихте, Гегель и другие мыслители вырабатывали философский язык для описания проблематики нравственного самосознания, свободный от эзотеризма и метафизики [Гегель Г.В.Ф., 2006, с. 421–422]. Вовлекая в современную проблематику философии образования и методологии обучения классические философские источники [Муравьев А.Н., 2020, с. 120], оказывается возможным проследить не только исторические предпосылки формирования практик развития личностного мышления, но и фундаментальные гносеологические основания понятий самосознания и личностного мышления.

Опираясь на классические философские исследования, кажется логичным вывод о состоятельности и перспективности использования

в рамках образования практик развития личностного мышления как рефлексии собственного телесного и познавательного опыта в контексте нравственного самосознания, в логической последовательности, ведущей от телесной и социальной осознанности к нравственной проблематике.

Список литературы

Александров Ю.И. Индивидуальное и общественное развитие как дифференциация // Дифференционно-интеграционная теория развития: Философское осмысление и применение в психологии, языкознании и педагогике: тез. докл. Второй науч.-практ. конф. (Москва, 4 марта 2013 г.) / под ред. Н.И. Чуприковой, Е.В. Волковой. М.: Ин-т психологии РАН, 2013. С. 23.

Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт и культура. Структура и динамика // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 1. С. 3–46.

Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Сложность самосознания науки // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 104–114. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-12-104-114>

Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018. 212 с.

Васильев В.В. В защиту классического компатибилизма: Эссе о свободе воли. М.: URSS, 2017. 198 с.

Величковский Б.М. Романтизм как антитезис позитивизму // Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Академия, 2006. Т. 1. С. 69–76.

Вербицкий А.А., Рыбакина Н.А. О системе, процессе и результате непрерывного образования // Высшее образование в России. 2016. № 6. С. 47–54.

Выготский Л.С. Учение об эмоциях: Историко-психологическое исследование // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6: Научное наследство. М.: Педагогика, 1984. С. 91–318.

Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 2006. 446 с.

Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа / отв. ред. Е.П. Ситковский. М.: Мысль, 1977. 471 с.

Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 297–422.

Декарт Р. Размышления о первоначальной философии. СПб.: Абрис-книга, 1995. 191 с.

Зандукален Б. Гегелевская концепция Bildung в «Феноменологии духа» // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 389–410.

Иваненко А.А. Предмет и метод науки после Г.В.Ф. Гегеля // Наследие Гегеля в истории философии и культуры: к 250-летию со дня рождения философа: сб. науч. статей / отв. ред. А.Н. Муравьев, А.А. Иваненко. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 142–151.

Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб.: Наука, 1995. С. 53–119.

Касавин И.Т., Порус В.Н. Современная эпистемология и ее критики: о кризисах и перспективах // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 4. С. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201855461>

Кожевникова М.Н. Образование социума и социум образования // Горизонты новой социальности в образовании / сост. М.Н. Кожевникова. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. С. 12–192.

Кожевникова М.Н. Опыт человека (К осмыслению образования человека). СПб.: Изд-во РХГА, 2022. 228 с.

Кожевникова М.Н. Социально-эмоционально-этическое образование и концепции российской педагогической традиции (идеи Н.И. Новикова и К.Д. Ушинского) // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 4(52). С. 114–121. DOI: <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2021-52-4-114-121>

Кожевникова М.Н., Лебедев Н.С. Новая дидактика «социально-эмоционально-этического образования»: роль педагогического модерирования // Человек и образование. 2020. № 4(65). С. 86–92. DOI: <https://doi.org/10.54884/s181570410020472-4>

Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: Когито-Центр, 1997. 431 с.

Круглов А.Н. К предыстории понятия феноменологии у Гегеля // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 47–72.

Лебедев Н.С. Практики самосознания в социально-эмоционально-этическом образовании: развитие мышления и социальности // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 153–160. DOI: <https://doi.org/10.46726/h.2021.4.17>

Логинов Е.В., Мерцалов А.В., Салин А.С., Чугайнова Ю.И., Юнусов А.Т. Прологомены к проблеме тождества личности // Финиковый компот. 2018. № 13. С. 6–40. DOI: <https://doi.org/10.24411/2587-9308-2018-00001>

Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 622 с.

Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго. М.: АСТ, 2017. 415 с.

Мотрошилова Н.В. «Феномен», «явление», «гештальт»: терминологические и содержательные проблемы «Феноменологии духа» Гегеля в соотнесении с философией Канта // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 73–101.

Муравьев А.Н. О научно-образовательном потенциале истории философии как академической дисциплины // Философия истории философии: сб. науч. статей / отв. ред. С.И. Дудник, А.А. Кротов, В.В. Миронов, И.Д. Осипов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 103–122.

Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. 2004. № 2(38). С. 77–86.

Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Блановского. М.: Академ. проект, 2002. 832 с.

Первичко Е.И. Регуляция эмоций: Клинико-психологический аспект. М.: Когито-Центр, 2020. 363 с.

Сапрыкин Д.Л. Значение и смысл понятия «образование» (на примере немецкой философии конца XVIII – начала XIX в.) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2008. № 1. С. 19–42.

Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 1. С. 120–132.

Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. 352 с.

Соболев И.А. Отношение сознания и самосознания в европейской философии 17–18 вв.: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2017. 166 с.

Сочилин А.А. Этический смысл различения Гегелем «морали» и «нравственности» // Этическая мысль. 2014. № 14. С. 160–173.

Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье // Спиноза Б. Соч.: в 2 т. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. С. 1–91.

Степин В.С. Гегель и современная наука // «Феноменология духа» Гегеля в контексте совре-

менного гегелеведения / отв. ред.

Н.В. Мотрошилова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 606–635.

Ясюкова Л.А., Белавина О.В. Социальный интеллект детей и подростков. М.: Ин-т психологии РАН, 2017. 181 с.

References

Aleksandrov, Yu.I. (2013). [Individual and social development as differentiation]. *Differentsionno-integratsionnaya teoriya razvitiya: Filosofskoe osmyslenie i primeneniye v psikhologii, yazykoznanii i pedagogike: Tezisy dokladov Vtoroy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. (Moscow, 4 marta 2013 g.) [Differentiation-integration theory of development: Philosophical understanding and application in psychology, linguistics and pedagogy. Abstracts of the 2nd Scientific and Practical Conference. (Moscow March 4, 2013)]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 23.

Aleksandrov, Yu.I. and Aleksandrova, N.L. (2007). [Subjective experience and culture. Structure and dynamics]. *Psihologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 4, no. 1, pp. 3–46.

Alekseev, A.P. and Alekseeva, I.Yu. (2020). [Complexity of the self-consciousness of science]. *Voprosy Filosofii*. No. 12, pp. 104–114. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-12-104-114>

Asmolov, A.G., Shekhter, E.D. and Chernorizov, A.M. (2018). *Preadaptatsiya k neopredelennosti: nepredskazuemye marshruty evolyutsii* [Preadaptation to uncertainty: unpredictable routes of evolution]. Moscow: Akropol' Publ., 212 p.

Cole, M. (1997). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya: nauka buduschego* [Cultural and historical psychology: the science of the future]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 431 p.

Descartes, R. (1989). [The origin of philosophy]. *Dekart R. Sochineniya: v 2 t.* [Descartes R. Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, pp. 297–422.

Descartes, R. (1995). *Razmyshleniya o pervonachal'noy filosofii* [Reflections on the original philosophy]. St. Petersburg: Abris-Kniga Publ., 191 p.

Hegel, G.V.F. (1977). *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 3: Filosofiya dukha* [Encyclopedia of philosophical sciences. T. 3: Philosophy of the spirit]. Moscow: Mysl' Publ., 471 p.

Hegel, G.V.F. (2006). *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of the spirit]. St. Petersburg: Nauka Publ., 446 p.

Ivanenko, A.A. (2020). [The subject and method of science after G.V.F. Hegel]. *Nasledie Gegelya v istorii*

filosofii i kul'tury: k 250-letiyu so dnya rozhdeniya filosofa, otv. red. A.N. Murav'yov, A.A. Ivanenko [A.N. Muravyov, A.A. Ivanenko (eds.) Hegel's legacy in the history of philosophy and culture: to the 250th anniversary of the birth of the philosopher]. St. Petersburg: SPbU Publ., pp. 142–151.

Kant, I. (1995). [Fundamentals of metaphysics of morality]. Kant I. Osnovy metafiziki npravstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika npravov [Kant I. Fundamentals of metaphysics of morality. Criticism of practical reason. Metaphysics of morals]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 53–119.

Kasavin, I.T. and Porus, V.N. (2018). [Contemporary epistemology and its critics: on crisis and perspective]. Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 55, no. 4, pp. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201855461>

Kozhevnikova, M.N. (2015). [Education of society and society of education]. Gorizonty novoy sotsial'nosti v obrazovanii, sost. M.N. Kozhevnikova [M.N. Kozhevnikova (ed.) Horizons of new sociality in education]. St. Petersburg: RCAH Publ., pp. 12–192.

Kozhevnikova, M.N. (2021). [Socio-emotional-ethical education and concepts of the Russian pedagogical tradition (ideas of N.I. Novikov and K.D. Ushinsky)]. Vestnik Kalmytskogo universiteta [Bulletin of the Kalmyk University]. No. 4(52), pp. 114–121. DOI: <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2021-52-4-114-121>

Kozhevnikova, M.N. (2022). Opyt cheloveka (K osmysleniyu obrazovaniya cheloveka) [Human experience (towards understanding human education)]. St. Petersburg: RCAH Publ., 228 p.

Kozhevnikova, M.N. and Lebedev, N.S. (2020). [New didactics of «social, emotional and ethical education»: the role of pedagogical moderation]. Chelovek i obrazovanie [Man and Education]. No. 4(65), pp. 86–92. DOI: <https://doi.org/10.54884/s181570410020472-4>

Kruglov, A.N. (2010). [On the prehistory of the concept of phenomenology in Hegel]. «Fenomenologiya dukha» Gegelya v kontekste sovremennogo gegelevedeniya, otv. red. N.V. Motroshilova [N.V. Motroshilova (ed.) Hegel's «Phenomenology of the Spirit» in the context of modern Hegelian studies]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 47–72.

Lebedev, N.S. (2021). [Self-consciousness practices in socio-emotion-ethical education: the development of thinking and sociality]. Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki [Ivanovo State University Bul-

letin. Series «The Humanities»]. No. 4, pp. 153–160. DOI: <https://doi.org/10.46726/h.2021.4.17>

Locke, J. (1985). Sochineniya: v 3 t. T. 1 [Works: in 3 vols. Vol. 1]. Moscow: Mysl' Publ., 622 p.

Loginov, E.V., Mertsalov, A.V. Salin, A.S., Chugaynova, Yu.I., and Yunusov, A.T. (2018). [Prolegomena to the problem of identity of personality]. Finikovyy kompot [Date Compote]. No. 13, pp. 6–40. DOI: <https://doi.org/10.24411/2587-9308-2018-00001>

Metzinger, T. (2017). Nauka o mozge i mif o svoem Ya. Tonnel' ego [The science of the brain and the myth of the Self]. Moscow: AST Publ., 415 p.

Motroshilova, N.V. (2010). [«Phenomenon», «gestalt»: terminological and substantive problems of Hegel's «Phenomenology of Spirit» in relation to Kant's philosophy]. «Fenomenologiya dukha» Gegelya v kontekste sovremennogo gegelevedeniya, otv. red. N.V. Motroshilova [N.V. Motroshilova (ed.) Hegel's «Phenomenology of the Spirit» in the context of modern Hegelian studies]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 73–101.

Murav'ev, A.N. (2020). [On the scientific and educational potential of the history of philosophy as an academic discipline]. Filosofiya istorii filosofii: sbornik nauchnykh statey [Philosophy of the history of philosophy: collection of scientific articles]. St. Petersburg: SPbU Publ., pp. 103–122.

Nurkova, V.V. (2004). [The role of autobiographical memory in the structure of personality identity]. Mir psikhologii [The World of Psychology]. No. 2(38), pp. 77–86.

Parsons, T. (2002). O sotsial'nykh sistemakh [On social systems]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 832 p.

Pervichko, E.I. (2020). Regulyatsiya emotsiy: Kliniko-psikhologicheskii aspekt [Regulation of emotions: Clinical and psychological aspect]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 363 p.

Saprykin, D.L. (2008). [The meaning and meaning of the concept of «education» (on the example of German philosophy of the late XVIII – early XIX centuries)]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]. No. 1, pp. 19–42.

Sergienko, E.A. (2011). [System-subjective approach: justification and perspective]. Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]. Vol. 32, no. 1, pp. 120–132.

Sergienko, E.A., Vilenskaya, G.A. and Kovaleva, Yu.V. (2010). Kontrol' povedeniya kak sub'ektnaya regulyatsiya [Behavior control as subject regulation]. Moscow: IP RAS Publ., 352 p.

Sobolev, I.A. (2017). Otnoshenie soznaniya i samosoznaniya v evropeyskoy filosofii 17–18 vv.:

dis. ... kand. filos. nauk [The relation of consciousness and self-consciousness in European philosophy of the 17th-18th centuries: dissertation].

St. Petersburg, 166 p.

Sochilin, A.A. (2014). [The ethical meaning of Hegel's distinction between «morality» and «ethical»]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought]. No. 14, pp. 160–173.

Spinoza, B. (1999). [A brief treatise on God, man and his happiness]. *Spinoza B. Sochineniya: v 2 t.* [Spinoza B. Works: in 2 vols]. St. Petersburg: Nauka Publ., vol. 1, pp. 1–91.

Stepin, V.S. (2010). [Hegel and modern science]. «Fenomenologiya dukha» Gegelya v kontekste sovremennoogo gegelevedeniya, *otv. red.*

N.V. Motroshilova [N.V. Motroshilova (ed.) Hegel's «Phenomenology of the Spirit» in the context of modern Hegelian studies]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 606–635.

Vasil'ev, V.V. (2017). *V zaschitu klassicheskogo kompatibilizma: Esse o svobode voli* [In defense of classical compatibilism: Essays on freedom of will]. Moscow: URSS Publ., 198 p.

Velichkovskiy, B.M. (2006). [Romanticism as an antithesis to positivism]. *Velichkovskiy B.M. Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya: v 2 t.*

[Velichkovskiy B.M. Cognitive science: Fundamentals of the psychology of cognition: in 2 vols]. Moscow: Smysl Publ., Akademiya Publ., vol. 1, pp. 69–76.

Verbitskiy, A.A. and Rybakina, N.A. (2016). [Invariable result of lifelong education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 6, pp. 47–54.

Vygotskiy, L.S. (1984). [The doctrine of emotions: A historical and psychological study]. *Vygotskiy L.S. Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 6: Nauchnoye nasledstvo* [Vygotskiy L.S. Collected works: in 6 vols. Vol. 6: Scientific legacy]. Moscow: Pedagogika Publ., pp. 91–318.

Yasyukova, L.A. and Belavina, O.V. (2017). *Sotsial'nyy intellekt detey i podrostkov* [Social intelligence of children and adolescents]. Moscow: IP RAS Publ., 181 p.

Zandukalen, B. (2010). [The Hegelian concept of Bildung in the «Phenomenology of the Spirit»]. «Fenomenologiya dukha» Gegelya v kontekste sovremennoogo gegelevedeniya, *otv. red.* N.V. Motroshilova [N.V. Motroshilova (ed.) Hegel's «Phenomenology of the Spirit» in the context of modern Hegelian studies]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 389–410.

Об авторе

Лебедев Никита Сергеевич

научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории проблем социальной поддержки личности

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48;
e-mail: niklebed@icloud.com
ResearcherID: GZM-0679-2022

About the author

Nikita S. Lebedev

Researcher at the Research Laboratory for Problems of Social Support of the Personality

Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, Moika river emb., Saint Petersburg,
191186, Russia;
e-mail: niklebed@icloud.com
ResearcherID: GZM-0679-2022

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:37

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-219-228>

Поступила: 28.04.2023

Принята: 05.06.2023

Опубликована: 07.07.2023

**СИСТЕМНО-ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД
К ЦЕЛОСТНОМУ ПОЗНАНИЮ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ
РАСТУЩЕГО ЧЕЛОВЕКА КАК СУБЪЕКТА ОБРАЗОВАНИЯ*****Вяткин Бронислав Александрович, Калугин Алексей Юрьевич,
Каракулова Ольга Юрьевна****Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)*

В статье представлен и разрабатывается системно-интегративный подход к целостному познанию индивидуальности школьника как субъекта образования. Он развивает, с одной стороны, теорию интегральной индивидуальности В.С. Мерлина в направлении ее дальнейшего обогащения, а с другой, — системный подход в плане применения его в педагогической практике. Предлагается рассматривать взаимодействие систем субъекта, интегральной индивидуальности и познания как полисистему. В этой модели субъект понимается как активный деятель, проявления которого внешне наблюдаемы и могут познаваться другими людьми. Интегральная индивидуальность представляет собой саморазвивающуюся и саморегулирующуюся систему, состоящую из относительно замкнутых подсистем (уровней) целостной большой системы «человек–общество». Познание изучается в аспекте педагогического познания ученика, которое интегрирует в себе структуры самопознания ученика и рефлексивные знания педагога или родителя во взаимодействии с этим учеником. Говорить о целостном познании индивидуальности школьника возможно, когда его интегральная индивидуальность становится объектом познания со стороны учителя, родителя и самого учащегося. Новизна и теоретическое значение работы определяется тем, что она вписывается в актуальное развивающееся направление психологической науки — разработку инструментов психодиагностических исследований, востребованных в педагогической и социальной практике. Практическое значение заключается в том, что она открывает дорогу разработке новых программ и технологий познания человека.

Ключевые слова: система, взаимодействие систем, интегральная индивидуальность, целостное познание, учитель, ученик, родитель.

Для цитирования:

Вяткин Б.А., Калугин А.Ю., Каракулова О.Ю. Системно-интегративный подход к целостному познанию индивидуальности растущего человека как субъекта образования // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 2. С. 219–228. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-219-228>

A SYSTEM-INTEGRATIVE APPROACH TO HOLISTIC COGNITION OF THE INDIVIDUALITY OF A GROWING PERSON AS A SUBJECT OF EDUCATION

Bronislav A. Vyatkin, Alexey Yu. Kalugin, Olga Yu. Karakulova

Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm)

The article presents and develops a system-integrative approach in relation to the holistic cognition of the individuality of a student as a subject of education. It develops, on the one hand, Merlin's theory of integral individuality and, on the other hand, the system approach in terms of its application in pedagogical practice. It is proposed to consider the interaction of the systems of a subject, integral individuality, and cognition as a polysystem. In this model, a subject is understood as an active entity whose manifestations are externally observable and can be recognized by others. Integral individuality is a self-developing and self-regulating system consisting of relatively closed subsystems (levels) of the integral large system «man – society». Cognition is studied in the aspect of pedagogical cognition of a student, which integrates the structures of the student's self-cognition and the teacher's or parent's reflective knowledge in the interaction with this student. It is possible to talk about holistic cognition of a student's individuality when his integral individuality becomes an object of cognition on the part of a teacher, parent, and the student himself. The novelty and theoretical significance of the work are determined by the fact that it fits into the currently developing area of psychological science: the development of tools for psychodiagnostic research that are in demand in pedagogical and social practice. The practical significance lies in the fact that it opens up the way for the development of new programs and technologies of human cognition.

Keywords: system, interaction of systems, integral individuality, holistic cognition, teacher, student, parent.

To cite:

Vyatkin B.A., Kalugin A.Yu., Karakulova O.Yu. [A system-integrative approach to holistic cognition of the individuality of a growing person as a subject of education]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 2, pp. 219–228 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-219-228>

Введение

Современный подход к познанию индивидуальности человека предполагает его целостное интегральное междисциплинарное исследование. Предмет его сложен и многогранен, но остро востребован сегодня практической педагогической необходимостью и требует научной разработки модели целостного познания педагогом индивидуальности школьника. Почвой для этого может быть интеграция ряда пересекающихся в деле изучения человека психологических теорий и подходов. В статье углубляется существующее представление педагогического познания индивидуальности школьника учителем.

Предмет и задачи исследования

В отечественной психологии отчетливо выделяется несколько пересекающихся теорий: познания [Жданова С.Ю., 2016; Панферов В.Н., 2016; Реан А.А., 1990], субъекта [Абульханова К.А., 2005; Брушлинский А.В., 2003; Рябикова В.И., 2009], интегральной индивидуальности [Вяткин Б.А., 2011, 2022; Мерлин В.С., 1986]. Каждая из них весьма значима, но недостаточна для обоснования целостного подхода к процессу научно-практического познания интегральной индивидуальности учащихся общеобразовательной школы. В духе времени, когда в психологической науке всё более отчетливо прослеживаются интегральные тенденции

[Юревич А.В., 2005; Мазилев В.А., 2007; Вяткин Б.А., Щукин М.Р., 2016; Вяткин Б.А. и др., 2021], целесообразна интеграция вышечисленных теорий в единое научное обоснование процесса изучения индивидуальности человека, которое позволит привести к целостному пониманию объекта исследования — неповторимой человеческой индивидуальности [Вяткин Б.А. и др., 2021]. Это определяет постановку задач исследования:

- теоретически интегрировать пересекающиеся теории индивидуальности, познания и субъекта в единый подход к целостному познанию интегральной индивидуальности школьника;
- разработать и представить интегративную модель целостного познания индивидуальности человека;
- обозначить программы дальнейшего исследования по данной проблеме.

Результаты интеграции теорий и подходов

В русле системного движения сегодня активно изучается взаимодействие таких систем, как «индивидуальность», «субъект», «познание». Более изученным становится их взаимодействие в полисистеме «индивидуальность – объект – познание». Менее изученным оно остается в полисистеме «индивидуальность – субъект – познание». Сегодня имеются все предпосылки их интеграции в единую полисистему, намечающую новый подход к познанию человека. Возникает задача систематизировать информацию, имеющую отношение к этому подходу, т.е. раскрыть суть взаимодействия триады теорий: субъекта, интегральной индивидуальности, педагогического познания.

1. Теория субъекта

Субъектный подход к изучению человека в отечественной психологии был сформулирован С.Л. Рубинштейном [Рубинштейн С.Л., 1973], его учениками и последователями. Суть этого подхода — выделение психической активности в качестве определяющей характеристики субъекта, выступающей как основное условие существования и развития человека [Абульханова К.А., 2005; Брушлинский А.В., 2003; Рябикина В.И., 2009]. Особенно связь субъекта и активности нашла отражение в обобщенной психологической характеристике субъекта, со-

державшейся в монографии А.В. Брушлинского, отмечающего, что в системе бесконечно многообразных противоречивых качеств, характеризующих человека, важнейшим является качество «быть субъектом, т.е. творцом своей истории, вершителем собственного жизненного пути, дела делателем» [Брушлинский А.В., 2003, с. 49]. Как видим, представления о субъекте базируются на характеристике феномена активности человека в предельно широком смысле слова. Более развернуто эта связь была представлена в работах В.С. Мерлина по психологии личности, а именно при характеристике человека как субъекта, выступающего в качестве активного деятеля [Мерлин В.С., 1968]. Ученый выделял особенности субъекта деятельности прежде всего в связи с отличительными признаками личности: психическими свойствами личности являются такие свойства, которые характеризуют человека как субъекта общественно-трудовой деятельности. Основопологающим признаком он выделил отношение человека к объекту деятельности и сформулировал положения о том, что отношения личности характеризуют, с одной стороны, активное побуждение, а с другой, — они выступают как фактор, который реализуется в деятельности через определенные способы действий, операции и навыки. Таким образом, при характеристике личности как субъекта деятельности В.С. Мерлин наряду с отношениями личности выделяет способы действия. Автор указывает, что отношения личности не созерцательные, пассивные, а действенные. Они определяют цели, задачи, которые ставит перед собой человек. Чтобы отношения личности реализовались в осуществлении целей и задач деятельности, необходимо применить какие-то определенные способы и приемы действий, при помощи которых разрешаются задачи деятельности. Одна и та же цель, определяемая каким-либо отношениями личности, может быть осуществлена разными способами и приемами действий. Следовательно, активность субъекта связывается с отношениями личности как активными побудителями и со способами и приемами действий. Так, уже на уровне анализа свойств личности В.С. Мерлин в характеристике субъекта как активного деятеля достаточно отчетливо выделяет аспект, имеющий непосредственное отношение к способам

действия, которые проявляются внешне и доступны для наблюдения (связь с познанием).

При субъектном подходе рассматривается такой аспект активности личности, который проявляется в развитии индивидуальности. Например, К.А. Абульханова, отмечая связь процесса развития субъекта жизни с потребностями в самореализации, самоактуализации, утверждает: «Субъект — это направленность личности на самосовершенствование; в высшем смысле — на достижение идеала, в жизненном смысле — стремление к лучшему» [Абульханова К.А., 2005, с. 15]. Эти положения дополняют и конкретизируют положения В.С. Мерлина о связи субъекта с его личностными характеристиками, возможностями и стремлением сохранять, отстаивать и реализовывать свою индивидуальность. Таким образом, отчетливо прослеживается мысль о связи между субъектом и индивидуальностью человека. Необходимо подчеркнуть, что в характеристике человека как субъекта деятельности при таком подходе авторами выделяются действия субъекта, определяющие специфические особенности активности и обеспечивающие реализацию его потенциальных возможностей, саморегуляцию, самоорганизацию активности и ее самосовершенствование, а также адаптацию к внешним условиям, проявляя и сохраняя свою индивидуальность. Эти действия могут быть обозначены как проявления субъектной активности, которые внешне проявляется и, следовательно, наблюдаемы, т.е. познаются другими людьми.

2. Теория интегральной индивидуальности

В основе понимания индивидуальности человека в Пермской научной психологической школе лежит теория интегральной индивидуальности, разработанная основателем школы В.С. Мерлиным [Мерлин В.С., 1986] и его учениками в русле общей теории систем [Вяткин Б.А., 2011, 2022; Вяткин Б.А. и др., 2021]. В свете этой теории индивидуальность рассматривается как саморазвивающаяся и саморегулирующаяся система, состоящая из относительно замкнутых подсистем или уровней целостной большой системы «человек–общество», начиная от биохимических особенностей и заканчивая социальным статусом личности в обществе.

Подход к познанию индивидуальности как динамической системы с индивидуальными

взаимосвязями между свойствами отвечает тенденции целостного познания человека. В таком случае индивидуальность проявляется на всех уровнях системы и изучается как объект целостного познания. Свойства интегральной индивидуальности организованы в системы и подсистемы индивидуальных свойств и структурированы по иерархическому принципу: подсистема индивидуальных свойств организма (биохимическая, общесоматическая, нейродинамическая); подсистема психических свойств (психодинамические свойства (темперамент)); психические процессы и свойства личности; подсистема социально-психологических свойств (социальные роли в группе, коллективе и социально-исторических общностях). В контексте нашего исследования данные подсистемы рассматриваются как пять уровней диагностики интегральной индивидуальности.

Основная задача интегрального исследования индивидуальности человека состоит в установлении связей (опосредующих звеньев) между разноуровневыми свойствами. Через опосредуемое звено в практической деятельности появляется возможность целенаправленно влиять на развитие индивидуальности человека. Как отмечает академик И.В. Дубровина, «при одних и тех же целях, образовательных стандартах и программах, методах обучения и воспитания в школе мы видим у всех детей индивидуальные особенности, индивидуальное своеобразие. С возрастом, чем образованнее и воспитаннее становится человек, тем ярче, интереснее, значительнее проявляются его индивидуальные особенности» [Дубровина И.В., 2014, с. 93].

При исследовании интегральной индивидуальности человека В.С. Мерлин исходил из того, что она не только своеобразна, но и многообразна. Многообразие ее определяется изменением характера связи между ее разноуровневыми свойствами. Например, между свойствами общего типа нервной системы и личности связь может изменяться в зависимости от возраста и особенностей деятельности. Опосредующим звеном в этом случае может выступать индивидуальный стиль учебной деятельности школьника. Стиль локализуется как бы между разноуровневыми свойствами. Свойства вступают в отношения между собой не прямо, а через стиль деятельности: свойства нервной си-

стемы связываются со стилем, а стиль, в свою очередь, — со свойствами личности. В результате этого связи разноуровневых свойств у подростков будут иного характера, чем у младших школьников. Для обозначения этого процесса В.С. Мерлин выходит на понятие полиморфизации [Мерлин В.С., 1986, с. 42]. В общей теории систем полиморфизм проявляется в том, что одна и та же система (в нашем случае — интегральная индивидуальность школьника) в ходе развития принимает несколько различных форм. Иллюстрация данного явления представлена на рис. 1, где схематически показаны результаты лонгитюдного ис-

следования проявления полиморфизма у третьеклассников и тех же школьников, ставших восьмиклассниками. Как видим, опосредующее звено (индивидуальный стиль учебной деятельности растущего школьника) приводит к изменению структуры системы индивидуальных свойств (полиморфные изменения), а изменившаяся структура интегральной индивидуальности говорит о возникновении новой системы (от интегральной индивидуальности младшего школьника к интегральной индивидуальности подростка) [Самбикина О.С., 2014].

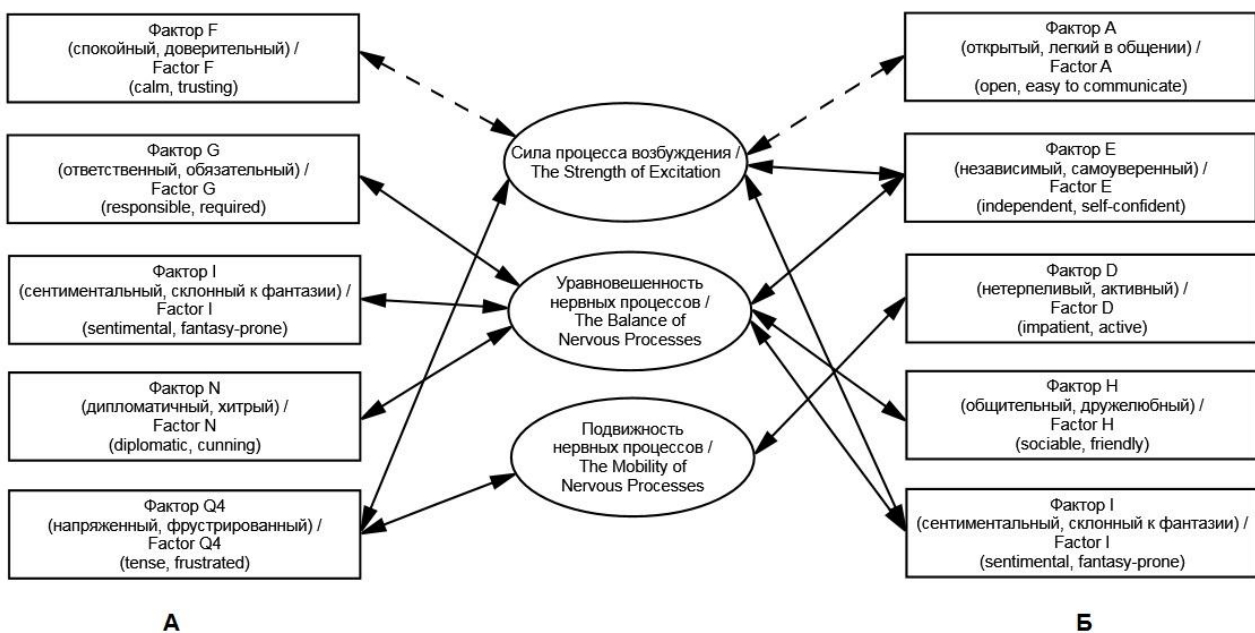

Рис. 1. Графическое отображение значимых корреляционных связей показателей свойств нервной системы и личности у младших школьников (А) и подростков (Б) в лонгитуде

Fig. 1. Graphical representation of significant correlations between the nervous system and personality traits in primary school children (A) and adolescents (B) in a longitudinal study.

Примечание: пунктирная линия — отрицательная корреляция; сплошная линия — положительная корреляция.
 Note: dotted line — negative correlation; solid line — positive correlation.

3. Теория познания

Анализ литературы показывает, что проблема педагогического познания является дискуссионной, нет однозначного описания этого феномена. Основное внимание уделяется механизмам и закономерностям познания другого человека как социально описываемого объекта, а индивидуальность рассматривается скорее как

уникальность личности. Как правило, в исследованиях познания личности учащегося предметом научного исследования является взаимодействие в диаде «учитель – ученик»: влияние педагогической деятельности на восприятие учеников, особенности понимания учителями учеников, система оценочных представлений педагогов и т.д.

А.А. Реан раскрывает категорию познания педагогом личности ученика через социальное взаимодействие, социальную перцепцию и общение. Познание педагогом ученика входит в социально-перцептивный компонент четырехэлементной модели процесса общения. Социально-перцептивный компонент связан с процессами взаимного восприятия, понимания и познания субъектов в процессе общения. А.А. Реан выделяет педагогическую социальную апперцепцию, а именно: стереотипизацию, проецирование, механизмы децентрации и идентификации, называя последние важнейшими в процессе познания педагогом личности ученика [Реан А.А., 1990].

С.В. Кондратьева описывает результат познания педагогом личности ученика через категорию понимания и выделяет уровни педагогического понимания. Верхнему уровню понимания соответствует научное психологическое знание педагога, которое позволяет выявить устойчивые интегральные свойства личности, ведущие цели, мотивы поведения, установить связи между поведением и его причинами, спрогнозировать возможный вектор развития личности ученика. Средний уровень понимания характеризуется отражением лишь отдельных наглядно-воспринимаемых качеств и факторов их жизни учащегося, субъективным оцениванием его личности, зависимым во многом от успеваемости. Нижнему уровню понимания педагогом ученика соответствует восприятие только внешнего рисунка поступка без проникновения в скрытые цели и мотивы, что порождает субъективное оценивание личностных качеств ученика, в том числе в зависимости от успеваемости. На таком уровне понимания отсутствует положительное отношение к педагогической деятельности и интерес к внутреннему миру ребенка [Кондратьева С.В., 1980].

В.Н. Панферов [Панферов В.Н., 2016], описывая методологию интегрального системного синтеза, обращает внимание на необходимость интеграции двух процессов педагогического познания: необходимость определения внутренней структуры предмета познания — другого человека, качественное своеобразие его психических свойств и психологических явлений, возникающее в процессе предметно-педагогического и социального взаимодействия в диаде «учитель – ученик». В таком случае

процесс педагогического познания ученика может уточняться объективными характеристиками индивидуальных свойств и превращаться из функции в самостоятельную исследовательскую деятельность педагога, направленную как на изучение ребенка в образовательном процессе, так и на анализ собственных инструментов регулирования отношений, выбор средств и технологий по проникновению в субъективный мир ученика.

Е.Н. Волкова считает, что сущность диалогического взаимодействия учащимися основана на субъектной педагогической позиции, которая актуализирует субъектность в учащихся. Содержание субъектности находит свое отражение в особенностях взаимодействия педагога и учащихся: в установках на партнера и в особенностях речевого поведения [Волкова Е.Н., 1998]. В таком случае в педагогической практике научные объективные знания о психологических закономерностях развития индивидуальных свойств ученика могут дополняться субъективными знаниями, основанными на жизненных наблюдениях и анализе педагогического опыта, рефлексивными знаниями о себе во взаимодействии с учеником, полученными в процессе межличностного познания.

С.Ю. Жданова, возглавившая исследования познания индивидуальности в Пермской научной психологической школе, отмечает, что тенденция целостного познания человека обуславливает необходимость изучения интегральной индивидуальности не только как объекта, но и как субъекта познания [Жданова С.Ю., 2005, 2016].

Следуя данной тенденции в изучении познания педагогом индивидуальности ученика, предполагаем, что, с одной стороны, педагогическое научно-теоретическое познание формирует научное системное знание об индивидуальности, объективное и логически обоснованное, а с другой стороны, межличностное познание обусловлено необходимостью осуществления совместной образовательно-воспитательной деятельности и коммуникации с конкретным ребенком, имеет личную значимость и связано с субъективными переживаниями.

Педагогическое познание ученика интегрирует в себе структуры самопознания ученика и рефлексивные знания педагога или родителя во взаимодействии с этим учеником. Индивиду-

альность ученика изучается и как объект наблюдения, и как субъект деятельности. Познание, с одной стороны, обуславливается научными знаниями, методами и программами исследования, и в этом смысле педагогическое исследование может рассматриваться как научно-обоснованный практико-ориентированный способ познания индивидуальности ребенка на основе психологических знаний. С другой стороны, педагогическое познание включает анализ профессионального опыта и эмоционального отношения, на которых может основываться анализ мотивов, поступков, индивидуальных особенностей ученика. В этом случае субъективной детерминантой познания ученика как деятельности может являться рефлексивность педагога. С третьей стороны, на процесс педагогического познания влияют особенности индивидуальности педагога или родителя как познающего субъекта. Исследование познания человека с позиции познающего показывают, что на этот процесс влияют индивидуальные различия, индивидуальная среда, характеристики профессиональной деятельности, особенности коммуникации познающего субъекта, механизмы педагогического познания. Интеграция объ-

ективных научных знаний об ученике, рефлексивных педагогических знаний о себе, анализ структуры познания ученика отражают целостность познания как категории.

Таким образом, познание интегральной индивидуальности ученика может быть определено как мультипроцесс исследования индивидуальности ученика как объекта и как субъекта познания, основанный на научно-теоретических знаниях свойств интегральной индивидуальности ученика в диалектическом единстве с практическими знаниями об ученике и рефлексивными знаниями педагога и родителя о себе, формирующимися в процессе межличностного взаимодействия в триаде «учитель – ученик – родитель».

Исследование познания индивидуальности ученика включается в процесс целостной взаимообусловленной системы отношений познающего и познаваемого субъектов образовательного процесса и включает взаимосвязанные между собой направления познания.

Схематично это процесс можно представить как слияние отдельных информационных кейсов в едином процессе целостного познания индивидуальности школьника (см. рис. 2).

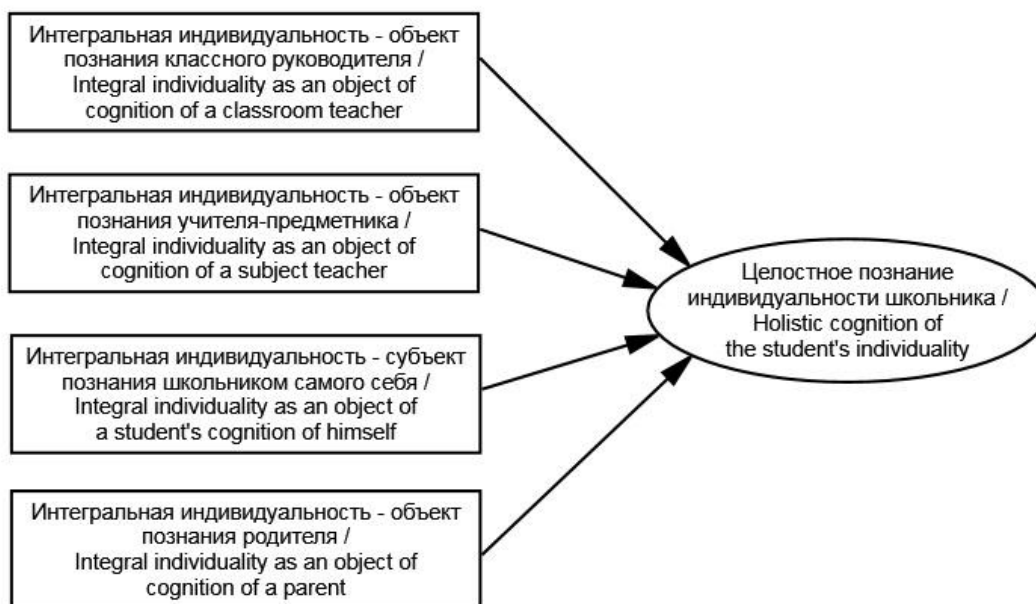

Рис. 2. Интегративная модель целостного познания индивидуальности школьника

Fig. 2. An integrative model of holistic cognition of student's individuality

Знания об индивидуальности ученика, полученные в результате такого познания, позволяют обеспечить оптимальный выбор средств и технологий, направленных на повышение эффективных процессов обучения и воспитания. В таком случае процесс педагогического познания ученика становится самостоятельной исследовательской деятельностью учителя, теоретико-методическим основанием которой является системно-интегративный подход.

Выводы

1. Рассмотрение познания человека на основе интеграции идей теорий субъекта, интегральной индивидуальности и педагогического познания свидетельствует о взаимном обогащении содержания названных феноменов.

2. Разработана и представлена интегративная модель целостного познания индивидуальности школьника.

3. Положения, сформулированные на основе проведенного исследования, позволяют говорить о новом системно-интегральном подходе к целостному познанию человека в отечественной психологии.

В настоящее время идет эмпирическое подтверждение теоретической модели целостного познания индивидуальности школьника в одной из МОУ СОШ г. Перми с помощью учащихся, их учителей и родителей.

Авторы отдают себе отчет в том, что представленный подход к познанию индивидуальности растущего человека как субъекта образования требует дальнейшей проработки, а именно: необходимо разработать и апробировать пятиуровневый опросник интегральной индивидуальности школьника, адекватный пяти уровням индивидуальных свойств: нейродинамических, психодинамических, психологических, личностных, социально-психологических; разработать программу наблюдения за «жизненными проявлениями» этих свойств у школьников различного возраста с учетом особенностей позиции педагога как классного руководителя, учителя-предметника, учителя начальных классов и родителя.

Список литературы

Абульханова К.А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, № 4. С. 3–21.

Брушлинский А.В. Психология субъекта. СПб.: Алетей, 2003. 272 с.

Волкова Е.Н. Субъектность педагога: теория и практика: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1998. 42 с.

Вяткин Б.А. Пермская психологическая школа в научно-образовательном пространстве России: историческая хроника / Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2022. 16 с.

Вяткин Б.А. Понятие интегральной индивидуальности // Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа / сост. Б.А. Вяткин, Л.Я. Дорфман, М.Р. Щукин; Перм. гос. пед. ун-т. М.: Смысл, 2011. С. 49–70.

Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Системная интеграция как вектор развития психологии интегральной индивидуальности // Психология интегральной индивидуальности в информационном обществе: сб. ст. II междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 23 апреля 2021 г.) / под ред. Т.В. Белых, Г.В. Грачева. Саратов: Наука, 2021. С. 70–74.

Вяткин Б.А., Щукин М.Р. О триединстве теории и подходов к целостному познанию человека в современной психологии // Педагогика, психология, общество – 2016: сб. ст. 1-й сессии междунар. науч. конф. (Москва, 29–30 марта 2016 г.). М.: РусАльянс Сова, 2016. С. 102–115.

Дубровина И.В. Практическая психология в лабиринте современного образования. М.: Изд-во МПСУ, 2014. 455 с.

Жданова С.Ю. Психология познания индивидуальности человека: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Пермь, 2005. 37 с.

Жданова С.Ю. Психология познания индивидуальности человека: основные направления исследования // XXXI Мерлинские чтения: теория, методология и практика интегрального исследования индивидуальности в современном человекознании: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / ред. кол. А.А. Волочков, А.А. Вихман, Б.А. Вяткин, О.С. Самбикина; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2016. С. 27–33.

Кондратьева С.В. Понимание учителем личности учащегося // Вопросы психологии. 1980. № 5. С. 143–148.

Мазилев В.А. Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2007. 344 с.

Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.

Мерлин В.С. Проблемы экспериментальной психологии личности (главы из монографии) //

Проблемы экспериментальной психологии личности / под ред. А.И. Плешкова. Пермь, 1968. С. 3–160.

Панферов В.Н. Интегральный синтез в психологическом познании // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.: в 8 ч. / под ред. В.С. Белгородского, О.В. Кашеева, В.В. Зотова, И.В. Антоненко. М.: МГУДТ, 2016. Ч. 1. С. 215–221.

Реан А.А. Психология познания педагогом личности учащегося. М.: Высш. шк., 1990. 80 с.

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 424 с.

Рябикина В.И. Теоретико-эмпирическая интерпретация личности с позиции психологии субъекта А.В. Брушлинского // Субъектный подход в психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. С. 525–538.

Самбикина О.С. Сравнительный анализ индивидуального стиля учебной деятельности третьеклассников и восьмиклассников // Вопросы психологии. 2014. № 3. С. 68–73.

Юревич А.В. Психология и методология. М.: Ин-т психологии РАН, 2005. 312 с.

References

Abul'khanova, K.A. (2005). [The principle of subject in Russian psychology]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 2, № 4, pp. 3–21.

Brushlinskiy, A.V. (2003). *Psikhologiya sub'ekta* [Psychology of the subject]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 272 p.

Dubrovina, I.V. (2014). *Prakticheskaya psikhologiya v labirinte sovremennogo obrazovaniya* [Practical psychology in the labyrinth of modern education]. Moscow: MPSU Publ., 455 p.

Kondrat'eva, S.V. (1980). [The teacher's understanding of the student's personality]. *Voprosy psikhologii*. No. 5, pp. 143–148.

Mazilov, V.A. (2007). *Metodologiya psikhologii* [Methodology of psychology]. Yaroslavl: IAPS Publ., 344 p.

Merlin, V.S. (1986). *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Essay on integral research of individuality]. Moscow: Pedagogika Publ., 256 p.

Merlin, V.S. (1968). [Problems of experimental psychology of personality (chapters from the monograph)]. *Problemy eksperimental'noy psikhologii lichnosti, pod red. A.I. Pleshkova* [A.I. Pleshkov (ed.)

Problems of experimental personality psychology]. Perm, pp. 3–160.

Panferov, V.N. (2016). [Integral synthesis in psychological cognition]. *Gumanitarnye osnovaniya sotsial'nogo progressa: Rossiya i sovremennost'*: *sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 8 ch.* [Humanitarian foundations of social progress: russia and modernity: proceedings of the International scientific and practical conference: in 8 parts]. Moscow: MSUDT Publ., part 1, pp. 215–221.

Rean, A.A. (1990). *Psikhologiya poznaniya pedagogom lichnosti uchashchegosya* [Psychology of cognition by a teacher of a student's personality]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 80 p.

Rubinstein, S.L. (1973). *Problemy obshchey psikhologii* [Problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika Publ., 424 p.

Ryabikina, V.I. (2009). [Theoretical and empirical interpretation of personality from the standpoint of the psychology of the subject by A.V. Brushlinsky]. *Sub'ektnyy podkhod v psikhologii*, отв. red. A.L. Zhuravlev i dr. [A.L. Zhuravlev et al. (eds.) The subject approach in psychology]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 525–538.

Sambikina, O.S. (2014). [Comparative analysis of the individual style of learning activity of third-graders and eighth-graders]. *Voprosy psikhologii*. No. 3, pp. 68–73.

Volkova, E.N. (1998). *Sub'ektnost' pedagoga: Teoriya i praktika: avtoreferat dis. ... d-ra psikholog. nauk* [Subjectivity of the teacher: theory and practice: Abstract of D.Sc. dissertation]. Moscow, 42 p.

Vyatkin, B.A. (2011). [The concept of integral individuality]. *Psikhologiya integral'noy individual'nosti: Permskaya shkola, sost. B.A. Vyatkin, L.Ya. Dorfman, M.R. Shchukin* [B.A. Vyatkin, L.Ya. Dorfman, M.R. Shchukin (eds.) Psychology of integral individuality: Perm school]. Moscow: Smysl Publ., pp. 49–70.

Vyatkin, B.A. (2022). *Permskaya psikhologicheskaya shkola v nauchno-obrazovatel'nom prostranstve Rossii: istoricheskaya khronika* [Perm school of psychology in the scientific and educational space of Russia: a historical chronicle]. Perm: PSPU Publ., 16 p.

Vyatkin, B.A., Dorfman, L.Ya. and Kalugin, A.Yu. (2021). [System integration as a vector of development of the psychology of integral individuality]. *Psikhologiya integral'noy individual'nosti v informatsionnom obschestve: sbornik statey II mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Saratov, 23 aprelya 2021 g.)* [Psychology of integral

individuality in the information society: proceedings of the 2nd international scientific-practical conference (Saratov, April 23, 2021)]. Saratov: Nauka Publ., pp. 70–74.

Vyatkin, B.A. and Schukin, M.R. (2016). [On the trinity of theory and approaches to the holistic knowledge of a person in modern psychology]. *Pedagogika, psikhologiya, obshchestvo – 2016: sbornik statey 1-oy sessii i mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, 29–30 marta 2016 g.)* [Pedagogy, Psychology, Society – 2016: Proceeding of the 1st session of the International scientific conference (Moscow, March 29–30, 2016)]. Moscow: RusAl-yans Sova Publ., pp. 102–115.

Yurevich, A.V. (2005). *Psikhologiya i metodologiya* [Psychology and methodology]. Moscow: IP RAS Publ., 312 p.

Zhdanova, S.Yu. (2005). *Psikhologiya poznaniya individual'nosti cheloveka: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Psychology of cognition of human individuality: Abstract of D.Sc. dissertation]. Perm, 37 p.

Zhdanova, S.Yu. (2016). [Psychology of Cognition of Human Individuality: Main Areas of Research]. *XXXI Merlinskie chteniya: teoriya, metodologiya i praktika integral'nogo issledovaniya individual'nosti v sovremennom chelovekoznanii: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [31st Merlin Readings: theory, methodology and practice of integral research of individuality in modern human knowledge: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference]. Perm: PSPU Publ., pp. 27–33.

Об авторах

Вяткин Бронислав Александрович

член-корреспондент РАО,
доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры теоретической
и прикладной психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: bronislav.vyatkin@gmail.com
ResearcherID: ABD-4205-2021

Калугин Алексей Юрьевич

кандидат психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой практической психологии
и прикладной психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ResearcherID: X-7824-2018

Каракулова Ольга Юрьевна

аспирант кафедры теоретической
и прикладной психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: arina_tk2000@mail.ru
ResearcherID: IUO-5455-2023

About the authors

Bronislav A. Vyatkin

Corresponding Member of the Russian Academy of
Education, Doctor of Psychology, Professor,
Professor of the Department of Theoretical
and Applied Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: bronislav.vyatkin@gmail.com
ResearcherID: ABD-4205-2021

Alexey Yu. Kalugin

Candidate of Psychology, Docent,
Head of the Department of Theoretical
and Applied Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ResearcherID: X-7824-2018

Olga Yu. Karakulova

Postgraduate Student of the Department
of Theoretical and Applied Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: arina_tk2000@mail.ru
ResearcherID: IUO-5455-2023

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-229-240>

Received: 28.04.2023

Accepted: 03.06.2023

Published: 07.07.2023

CULTURAL INTELLIGENCE AS A FACTOR SHAPING ATTITUDES TOWARDS DISABILITY IN THE WORKPLACE

Li Zijun

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

The issues of disability inclusion represent a challenge to managers and experts. Attitudes towards disability influence the effectiveness of disability inclusion. In Russia, even though a social model of disability has been promoted and people are willing to assist persons with disabilities, attitudes towards such employees tend to be ambiguous. These attitudes are highly associated with the perception of the disabled as incapable of work, with the feeling of charity and also distrust. It appears necessary to ease negative attitudes, especially in the workplaces. This paper considers individual cultural intelligence as a factor influencing attitudes towards disability. 122 employees from Russian organizations participated in a survey and filled in the standard Cultural Intelligence Scale, the Disability Attitude Implicit Association Test, and the Attitudes to Physical Disability Scale. The study confirmed that cultural intelligence significantly affects attitudes towards employees with disabilities. Individuals with higher cultural intelligence show more positive attitudes towards the disabled. On the one hand, this suggests that cultural intelligence can be used as a new tool to regulate attitudes towards people with disabilities and ensure effective cooperation between disabled and non-disabled employees. On the other hand, this also inspires a wide range of possible applications of cultural intelligence.

Keywords: implicit attitudes, cultural intelligence, attitudes towards disability, employees with disabilities, quantitative study.

Funding: This work was supported by China Scholarship Council and as well received grant for graduated student from Ural Federal University.

To cite:

Li Z. [Cultural intelligence as a factor shaping attitudes towards disability in the workplace]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 2, pp. 229–240 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-229-240>

УДК 159.923

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-229-240>

Поступила: 28.04.2023

Принята: 03.06.2023

Опубликована: 07.07.2023

КУЛЬТУРНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР, ФОРМИРУЮЩИЙ ОТНОШЕНИЕ К ИНВАЛИДНОСТИ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

Ли Цзыцзюнь

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

С проблемой интеграции и последующей низкой производительностью труда инвалидов на рабочем месте сталкиваются и руководители, и ключевые специалисты организаций. Отношение к инвалидности выступает важным аспектом эффективного включения инвалидов в производственную

деятельность. В России, несмотря на продвижение социальной модели инвалидности и готовность людей помогать инвалидам, отношение к работникам с инвалидностью является неоднозначным. Это отношение основано прежде всего на признании инвалидов неспособными к работе, милосердии к ним и в то же время недоверии. Видится необходимым ослабить подобное негативное отношение, особенно на рабочих местах. В данной статье культурный интеллект субъекта рассматривается как фактор, влияющий на его отношение к инвалидности. В опросе приняли участие 122 сотрудника российских организаций, которые заполнили стандартную шкалу культурного интеллекта, имплицитный ассоциативный тест отношения к инвалидности и шкалу отношения к физической инвалидности. В результате было подтверждено, что культурный интеллект опрошенных значимо коррелирует с их позитивным отношением к работникам с ограниченными возможностями. Другими словами, люди с более высоким культурным интеллектом позитивнее относятся к людям с инвалидностью. С одной стороны, это говорит о том, что культурный интеллект может быть использован как новый инструмент регулирования отношения к людям с инвалидностью и обеспечения эффективного сотрудничества инвалидов и здоровых сотрудников. С другой стороны, это также указывает на широкий спектр возможностей применения культурного интеллекта.

Ключевые слова: имплицитные установки, культурный интеллект, отношение к инвалидности, работники с инвалидностью, количественное исследование.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке Китайского стипендиального совета, а также аспирантского гранта Уральского федерального университета.

Для цитирования:

Ли Ц. Культурный интеллект как фактор, формирующий отношение к инвалидности на рабочем месте // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 2. С. 229–240.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-229-240>

1. Introduction

In Russia, approximately 9 % of population live with disability, around 2.5 million people with disability are at working age and majority of them could function productively as workforce, but only 32 % of them are employed [Yakovleva N.V. et al., 2016]. Disability inclusion in workplace has been increasingly addressed by government policies and organizational initiatives in the last decade. In spite of it, there is still a lengthy way to go to provide real and equal work opportunities for people with disabilities. People with disabilities in the work environment are often not trusted, undervalued, not appreciated compared with workforce without disabilities. Existing findings have emphasized attitudes, stereotype and biases towards disability as formidable obstacles which hinder effective disability inclusion [Bonaccio S. et al., 2020]. From the perspective of social model, disability is considered as the social limitations on personal development chances and interpersonal interactions rather than physical impairments [Yarskaya-Smirnova E.R., 1999; Kalashnikova I.V., Thirnadtsatko A.A., 2017]. In this re-

gard, the society shares responsibilities for unemployment of people with disabilities. It is crucial to ease negative attitudes and contradictions about disability in order to be ready for inclusive employment in the workplaces.

2. Literature review

2.1. *Implicit and emotional attitude towards disability in Russia*

For the last decades, Russian scholars have investigated the object of attitudes towards people with disabilities in the society [Dobrovolskaya T.A., Shabalina N.B., 1999]. Compared to inclusive employment, more attention from scholars and practitioners have been paid to inclusive education. As the result, more existing findings have addressed attitudes towards children, students with physical or mental limitations in the education rather than in the workplaces in Russia. And to date, self-report questionnaires are commonly used to collect Russian society attitudes towards people with disabilities. Generally, attitudes towards people with disabilities are complex and ambiguous in Russia. In

Stavropol region in 2004, public perceptions of people with disabilities have been studied via survey among 700 respondents. Results have shown that more than half participants support the view of social model of disability, and willing to help more than 77% participants described perceptions towards people with disabilities positively, and more than 88% respondents feel empathy and sense of compassion [Ageeva N.V., 2006]. But there are two hidden controversies. Firstly, from the point of view of the survey, we can intuitively see that Russian society generally still treats the disabled as a vulnerable group. This is the traditional paternalistic view towards people with disabilities. They feel that they need to be sympathized with, and feel embarrassed, guilty or even painful when they see them. They feel that the disabled group needs more help than equal opportunity for development in education and employment. Secondly, self-reports questionnaires could reveal explicit attitudes towards people with disabilities rather than the implicit attitudes. For this issue, there is moral pressure on attitudes to people with disabilities, and this social oppression exhorts people to be friendly to people with disabilities, but it doesn't equal to that organizations will provide equal employment opportunities for disabled employees, and non-disabled colleagues are ready, comfortable and happy to work with employees with disabilities. The explicit attitude is the result of a considered choice, and it is often the ideal self-cognition of the respondents. Respondents feel that their true cognition is immoral for sensitive topics or do not want to express their true perceptions, or they themselves are not aware of their inner attitudes. In this regard, researchers need to pay more attention to people's implicit attitudes, but currently in Russia, there are very scarce studies on the implicit attitudes of society towards disabled people.

Implicit attitudes can be conceptualized as the automatic association which individuals hold between an object/event with evaluation, no matter positive or negative [Rudman L.A., 2004]. Rather than explicit attitudes, implicit attitudes refer to more automatic responses which rarely depend on cognitively and motivationally controlled factors. It has been highlighted that; implicit attitudes markedly coincide with automatic emotional reactions. Existing studies highlighted widely recognized sources for the formation of implicit attitudes such as affective experience, cultural biases, and

cognitive consistency principles, which significantly shape the negative or positive implicit attitudes towards disabilities [Rudman L.A., 2004]. On the one hand, it has been theorized that affective experience impacts on implicit attitudes more than explicit attitudes. For instance, pleasant interactive experience with partners with disabilities leads to improved implicit attitudes towards disability inclusion. Evidence emphasized the two-way correlation between affective reactions and implicit attitudes [Songa G. et al., 2019]. On the other hand, cultural milieu and cultural biases towards individuals from distinct cultural background highly link to implicit attitudes. Furthermore, the impact of cultural milieu on implicit attitudes towards disability inclusion may will be sculptured by the affective experience [Hinton P., 2017]. The impact of cultural milieu on implicit attitudes provides the possibility that intercultural interaction experience may foster the positive implicit attitudes towards another sub-culture and culture, especially the emotionally benign intercultural experience. In the last decade, with the importance attached to research in implicit attitudes, existing studies separated analysis of implicit attitudes from explicit attitudes towards disability and its separated impact on disability inclusion [Miller E. et al., 2009].

Regarding the immoral or illegal issues like the discriminating against disability, implicit attitudes are often opposite to explicit attitudes. Out of moral constraints, people universally hold positively explicit attitudes towards disability. Whereas positively explicit attitudes did not result in real productive interactions with employees with disabilities. The reason is that their implicit attitudes are counter negative. That's why more attention should be paid on implicit attitudes and related emotional reactions towards disability in the workplace. Besides, more concentrations should be focused to investigate resources modulating implicit attitudes towards disability.

Opinion polls present that attitudes towards disabilities are ambiguous and complex in Russia [Romanova M.O. et al., 2022]. In the past decades, there has been growing attention paid on attitudes towards disability in Russia. Traditional Russian attitudes towards disability often tend to be negative, comprising pity, dependence and marginalization. It discourages social rehabilitation and equal opportunities for people with disabilities. It has been underlined that in Russia, people hold nega-

tive explicit attitudes and affective reactions towards disability and consider disability more as deficits than abilities [Martz E. et al., 2009]. Furthermore, evidence from self-reported questionnaire highlights that intervention involving knowledge of disabilities significantly promotes explicitly positive attitudes towards disabilities among Russian sample [Packer T.L et al., 2000]. Extant study in Russia pointed out that in spite of three-quarters of the respondents holding positive attitudes towards disability inclusion, only one quarter feel ready to cooperate and interact with individuals with disabilities, and lack of interactive experience as the main reason raises fear to cooperate and draws back the disability inclusion [Volosnikova L.M., Efimova G.Z., 2016]. As well, one comparative study between Russia and Israel in the context of cooperative inclusion, indicated that participants mostly accept the cooperation and interaction with co-worker with disabilities, but the extent and type of disabilities matter bother for participants from Russia and Israel. Besides, Russian participants hold wider negative attitudes towards cooperation with coworkers with disabilities and regard them as weakness and inability [Fedorova A.I., Shcherbakova A.M., 2020].

In sum, existing evidence preliminarily uncover the widespread negative implicit attitudes towards disability such as dependence, weakness and inability and related negative emotion reactions like feeling fear in Russia. Nevertheless, research in implicit attitudes and affective reactions towards disabilities remain one fresh issue. It demands further investigation in its influential factors and efficacious intervention.

2.2. Cultural intelligence and its effect on attitudes towards disability

As it has been shown by extant evidence, obstacles, which hinder the positive implicit attitudes towards disability ascribe to the fear for intercultural situations and lack of intercultural interactive experience. People with and without disabilities come from different social backgrounds and hold different cultural norms [Wilson J.D., 2017]. Inclusion requires people to become culturally competent [Winters M.F., 2013]. This paper proposes the hypothesis that cultural intelligence modulates the implicit attitudes and emotional resistance towards disability. Cultural intelligence refers to the capability to identify and appreciate cultural differences, to adapt and

function successfully in culturally diverse contexts [Earley P.C., Ang S., 2003]. It comprises four proportions such as metacognitive facet, cognitive facet (cultural knowledge), motivational facet, and behavioral facet. It has been theorized that cultural intelligence closely correlates with perceived inclusion [Alexandra V. et al., 2021]. Furthermore, cultural intelligence has been maintained to advance cross-cultural interactions [Lin Y.C. et al., 2012]. Disability inclusion does require the high cultural intelligence of individuals to be tolerant with different social groups and understand distinct cultural milieu, so as to achieve the high level of inclusion and appreciation. Individuals with high cultural intelligence feel more confident in coping with intercultural situation instead of nervous or fear. Furthermore, the development of cultural intelligence involves with intercultural experience and improved cultural knowledge. Individuals with high cultural intelligence tend more open and hold more positive affective reactions towards intercultural interaction, and less cultural biases towards other cultural group, which shapes the sources of implicit attitudes.

In the past decade, Russian scholars increasingly paid attention on the study about cultural intelligence. Chigarkova and Soldatova reviewed the concept of cultural intelligence and studying trends of empirical research into cultural intelligence [Chigarkova S.V., Soldatova G.U., 2018]. It provoked the popularity in studies of cultural intelligence in Russia and highlighted the new research points in other intercultural phenomena like ethnic identity rather than only in the field of management and organizational psychology. As well, empirical study has underlined the relations between cultural intelligence, ethnic identity and intercultural tolerance. It investigated the cultural intelligence, tolerance and ethnic identity types, and found that compared with mono-ethnic residents, bi-ethnic and multi-ethnic residents hold higher cultural intelligence and tolerance [Soldatova G.U. et al., 2018]. In general, concept of cultural intelligence has been recognized overseas, however, so far scarcity has been underlined in the Russian psychological science. Moreover, studies of cultural intelligence still have poorly covered intercultural interactive situations like ethnic identity, interactions with minority social groups. This present paper originally identifies the correlation between individual cultural intelligence with attitudes towards people with disability in Russia.

3. Method

3.1. *Sample and participants*

Considering the practical characteristics of cultural intelligence and its pertinence to the workplace, this study conducted a random sampling questionnaire survey on employees at institutes such as Ural Federal University, International Relations Institutes, and companies, social enterprises in the service industry in Yekaterinburg, Russia. Totally, 122 employees without disability have been collected to fill in standard scales online via Google Form from 2022 to 2023. Respondents are motivated by invitation letter and voluntarily participated in the survey. The invitation letter with encouraging words states the opportunities and challenges of the people with disabilities and the situation of inclusive employment, the purpose of this study, the research team and the confidentiality of information. Filling out the questionnaire takes 20–30 minutes. The demographics of them have been completed as well. The age of them ranges from 25 to 56 years old (mean: 33.56 years old; mode: 31 years old). Besides, female participants are more than male participants (60.1 % female; 39.9 % male). All participants have higher education and work experience of more than 3 years. Furthermore, information about their positions are collected. 29.9 % participants are engaged in initial positions; 51.9 % participants are engaged in intermediate positions; and 18.2 % participants are engaged in managerial positions.

3.2. *Scale*

Regarding questionnaires to measure cultural intelligence, Van Dyne, Ang, Koh and colleagues [Van Dyne L. et al., 2009, 2012] developed the Cultural Intelligence Scale, which comprises four facets, metacognitive, cognitive, motivational and behavioral aspects of cultural intelligence, including 20 statements. The Cultural Intelligence Scale has been recognized the reliable and most popular measuring method. In Russia, Soldatova and colleagues [Soldatova G.U. et al., 2018] has adapted the Cultural Intelligence Scale among Russian sample and highlighted its credibility and suitability. In addition, Thomas and colleagues [Thomas D. et al., 2015] has developed the short form measure of Cultural Intelligence (SFCQ) and established its validity with 3526 participants in five language groups from around the world. The

SFCQ simplified the traditional facets of cultural intelligence, and kept three aspects such as cultural knowledge, cultural skill and metacognition, which generally include 10 statements. It has been noted that short forms can be just valid and reliable as sophisticated and long ones [Burisch M., 1997]. Therefore, currently the short form are increasingly applied and it has advantages in saving time and related costs for evaluation [Neto J. et al., 2021]. This present study applied the short form measure of Cultural Intelligence (SFCQ) and adapted it among Russian samples.

As for attitudes towards disability, there are several generalized scales for measuring attitudes towards disability such as the Attitudes Towards Disabled Persons Scale (ATDP) by Yuker and colleagues [Yuker H. E., 1986], and the Disability Attitude Scale (ADs) [Power M.J. et al., 2010]. Romanova M.O., Kozhan E.A. and colleagues have adapted the Disability Attitude Scale among Russian participants and proved its validity [Romanova M.O. et al., 2022]. The Disability Attitude Scale (ADs) includes 12 statements, like «People with disabilities find it harder to make new friends», «People tend to lose patience with people with disabilities», «Disability can build willpower», «People with disabilities are more motivated to achieve their goals than people without disabilities», «Don't expect much from people with disabilities» and so on. This present study uses the Disability Attitude Scale (ADs) to measure self-reported attitudes towards people with disabilities.

But as it has been demonstrated, it is arduous to collect individual's implicit attitudes only by subjective self-report questions. Greenwald and his colleagues (1998) have carried out a series of investigations to build the implicit association test technique and concluded that the implicit association test was useful in assessing evaluative differences in associations of contrasting social categories such as ethnicity, gender, sexual orientation [Greenwald A.G. et al., 1998]. Building on it, attitudes towards disability - implicit association test was developed. For measuring implicit attitudes, there are two existing methods, 1) the traditional computer-based responsive stimulus like Harvard Implicit Association Test, 2) the adaptive paper-pen scale Attitudes towards Disability- Implicit Association Test (DA-IAT) [Pruett S.R., Chan F., 2006]. But the paper-pen version is more flexible to collect data from large sample in a short period. Therefore, this study uses DA-IAT (Pruett and Chan, 2006) to evaluate

implicit attitudes towards people with disability. The DA-IAT blocks designed to measure attitudes applied disability–nondisabled symbols rather than words as the stimuli. These symbols were obtained from Project Implicit (www.projectimplicit.com). The critical blocks of the DA-IAT pages included 1) [disability plus good–nondisabled plus bad (incongruent)] and 2) [disability plus bad–nondisabled plus good (congruent)] pairings.

In total, this present study combines both the Disability Attitude Scale (ADs) and DA-IAT via Google Form. And afterwards, all responses have been collected and analyzed by IBM SPSS Statistics 26.

4. Results

Firstly, the descriptive statistic of cultural intelligence is listed in the Table 1 as below.

Table 1. Descriptive Statistics of Cultural Intelligence

Таблица 1. Описательная статистика культурного интеллекта

Statements	Mean	SD
I know the ways in which cultures around the world are different (K)	3,76	1,221
I can give examples of cultural differences from my personal experience, reading and so on (K)	4,07	1,348
I enjoy talking with people from different cultures (S)	4,33	1,162
I have the ability to accurately understand the feelings of people from other cultures (S)	3,10	1,401
I sometimes try to understand people from another culture by imagining how something looks from their perspectives (S)	3,70	1,620
I can change my own behaviors to suit different cultural situations and people (S)	3,88	1,129
I accept delays without becoming upset when in different cultural situations and with culturally different people (S)	3,30	1,717
I am aware of the cultural knowledge I use when interacting with someone from another culture (M)	3,59	1,328
I think a lot about the influence that culture has on my behavior and that of others who are culturally different (M)	3,51	1,656
I am aware that i need to plan my course of action when indifferent cultural situation and with culturally different people (M)	4,11	1,126
Cultural intelligence	37,35	8,806

Note: K refers to cross-cultural knowledge; S refers to cross-cultural skill; M refers to cross-cultural metacognition.

Примечание: К — относится к кросс-культурным знаниям; S — к кросс-культурным навыкам; M — к кросс-культурному метапознанию.

The short form of cultural intelligence scale uses a five-dimensional Likert scale, and the degree of recognition for the statement is: «1 = Not at all, 2 = A little, 3 = Somewhat, 4 = A lot, 5 = Extremely well». Mean responses of cultural intelligence items mainly distributed in the middle and high scores. They are all above 3. It could be due to the characteristics of participants. Around 55% of them could speak the second or third language. And around 44 % of them had abroad experience. Furthermore, many of them work in the institutes or companies and had intercultural interaction before. Among them, statements with higher recognition include: «I can give examples of cultural differences from my personal experience, reading and so on» (4,07); «I am aware that I need to plan my course of action when different cultural situation and with culturally different people» (4,11); and «I enjoy talking with people from different culture» (4,33). On the other hand, there are also statements with low recognition, including: «I have the ability to accurately under-

stand the feelings of people from other cultures» (3,10); «I accept delays without becoming upset when in different cultural situations and with culturally different people» (3,30); «I think a lot about the influence that culture has on my behavior and that of others who are culturally different» (3,51) and «I am aware of the cultural knowledge I use when interacting with someone from another culture» (3,59). This shows that respondents have lower initiative and planning for effective cross-cultural communication and low awareness of emotional sensitivity and emotional experience in the process of cross-cultural interaction, compared to their high enthusiasm and high motivation in the process.

Secondly, this study as well conducted Correlation Analysis between cultural intelligence and attitudes towards people with disabilities. In regard to implicit attitudes, this paper only analyzes the correlation between aggregated cultural intelligence and integrative implicit attitudes. The Pearson correlation coefficients are shown in the table 2 below.

Table 2. Correlation between cultural intelligence with attitudes towards disability

Таблица 2. Связь между культурным интеллектом и отношением к инвалидности

Correlation coefficient	Cultural intelligence
Implicit attitudes	0,386**(0,001)
ADs attitudes (positive items)	0,304**(0,007)
ADs attitudes (negative items)	-0,339**(0,003)

** Significant correlation at 0.01 level.

** Корреляция значима на уровне 0.01.

According to it, cultural intelligence significantly positively correlates with implicit association attitudes towards people with disability (0.386 at 0.01 level). It represents that individual with higher cultural intelligence could hold more positive implicit attitudes towards people with disabilities. When it comes to disability, they can associate more positive aspects. Correspondingly, they tend recognize the abilities and appreciate values of disabled people and interact and cooperate with them with a more affirmative and open attitudes.

Thirdly, based on whether the statements in the Disability Attitude Scale (ADs) are positive or negative, this paper divides the statements in the scale into two groups, positive and negative. For example, «People with disabilities are more motivated to achieve their goals than people without disabilities» is one of the positive statements in the scale and whereas, «Don't expect much from people with disabilities» is the negative statement.

This paper analyzes the correlation coefficients of cultural intelligence and positive and negative attitudes respectively (0.304 at 0.01 level; -0.339 at 0.01 level). The correlation analysis results are shown in table 2 above.

Results present that participants' cultural intelligence is significantly correlated with their attitudes towards people with disabilities, in other words, individuals with higher cultural intelligence are more positive viewing people with disabilities. This suggests, to some extent, that cultural intelligence can be used as a resource of mediating people's attitudes toward people with disabilities.

In addition, this paper also conducts the correlation analyses on the three branches (cross-cultural knowledge, cross-cultural skill and cross-cultural metacognition) of the cultural intelligence scale to reveal a more detailed correlation between cultural intelligence and attitudes towards people with disabilities. This information is shown in table 3 below.

Table 3. Correlation between three facets of cultural intelligence with attitudes towards disability

Таблица 3. Корреляция между тремя аспектами культурного интеллекта и отношением к инвалидности

Correlation coefficient	Attitudes (positive items)	Attitudes (negative items)
Cross-cultural knowledge	0,132(0,251)	-0,343**(0,002)
Cross-cultural skill	0,344**(0,002)	-0,323**(0,004)
Cross-cultural metacognition	0,226*(0,049)	-0,202 (0,078)

* Significant correlation at 0.05 level. ** Significant correlation at 0.01 level.

* Корреляция значима на уровне 0.05. ** Корреляция значима на уровне 0.01.

As it has shown, cross-cultural skill is significantly correlated with attitudes towards disabilities, no matter positive or negative statements. It suggests that individual with high cross-cultural skills such as motivation or accurate behavior, provokes their positive attitudes towards disabilities and ease negative attitudes or bias towards people with disabilities. This can be considered that individuals with cross-cultural skills have internalized high-

level cultural competence, and it also enables them to adopt a more positive attitude when facing unfamiliar disabled groups. In the meanwhile, individual cross-cultural metacognition can significantly promote positive attitudes. When individuals can have a sense of self-regulation in a cross-cultural context, they also have a more friendly attitude towards unfamiliar disabled groups. An individual's intercultural knowledge does not pro-

mote his or her positive attitudes, but when he or she has higher intercultural knowledge, it moderates negative attitudes.

To sum up, this paper shows that the Russian sample has a high level of cultural intelligence, and cultural intelligence is significantly correlated to attitudes towards people with disabilities, cultural intelligence and its facets can be used as an effective way to adjust attitudes towards people with disabilities.

5. Discussion

This article highlights the impact of cultural intelligence on people's attitudes toward people with disabilities. On the one hand, this suggests that cultural intelligence can be used as a new tool to regulate attitudes toward people with disabilities and the effective cooperation of disabled and non-disabled employees. Building on activity theory, the activities and experiences of the disabled group are different from those of the non-disabled group in the process of their development. No matter their learning process or the process of interacting with society, people with disabilities have certain particularities. People with disabilities do have cultural differences from non-disabled group. These differences cause non-disabled groups unfamiliar with disabled groups and are more likely to lead to misunderstandings, resulting in negative attitudes and discomfort feelings. Cultural intelligence is consistent. Individuals with high cultural intelligence have a higher degree of adaptability and acceptance to various cultures, which can help non-disabled groups alleviate misunderstandings, and more actively recognize and appreciate the competencies and specialties of disabled labor forces. This means that it is necessary to add cultural intelligence education or training programs to inclusive education and inclusive employment. By improving the cultural competence of individuals, so that they can treat individuals with disabilities more positively and truly accept them. On the other hand, this also inspires a wide range of applications of cultural intelligence. Cultural intelligence is not only used in the fields of transnational management and psychological characteristics of multicultural organizations, but it can also be applied in a wider and comprehensive context of cultural interaction. For example, interaction between multiple ethnic groups, communication and cooperation between different social groups, and phenom-

ena such as prejudice, discrimination, incomprehension, and inclusion among different groups.

Inevitably, this paper has several limitations. First, the sample size of this paper is small. Representativeness of small samples has certain risks. Subsequent verification based on a large sample size is necessary. Secondly, the samples in this article come from single-ethnic areas in Russia, and the opinions of people in bi-ethnic or even multi-ethnic areas are not considered enough. Thirdly, the applicability of the Implicit Association Test - Disability Attitude used in this paper is not yet mature enough in Russia, and more verification on the adaptation of the scale are still needed.

In addition, this paper also provides new directions for future research. Firstly, the study of the moderators of the relationship between cultural intelligence and attitudes towards social minorities. Demographics such as gender, age, education level, and mastered language may have an impact on individual cultural intelligence itself and its moderating effect. This requires more research in the future. Secondly, research on different dimensions of cultural intelligence for disability inclusion. Metacognition, knowledge, motivation, and behavioral facets of cultural intelligence have different effects on the attitudes of people with disabilities. More investigations are called to uncover the logic behind this phenomenon. Thirdly, in Russia, more follow-up research is needed on the attitudes of social groups towards the disabled. So far, only a few studies have used standardized scales to measure people's attitudes, and there are still too many details about the attitudes of people with disabilities undone. Implicit association attitudes toward persons with disabilities is an almost new field, and comparative research on implicit versus explicit attitudes has been less touched. It as well needs attention from scholars and practitioners.

6. Conclusion

As inclusive education and the employment of persons with disabilities continue to receive attention, the attitudes of employers and employees towards persons with disabilities are crucial. In Russia, there are few existing studies capturing employees' attitudes towards persons with disabilities through standard scales. People have complex attitudes towards the disabled. On the one hand, it is reasonable to put the disabled on the vulnerable side, to be pity and sympathy for them, and to provide help, which

is positive in terms of benevolence and morality; on the other hand, individuals tend to ignoring the abilities and skills of the disabled, and hard to trust that they can study and work normally, which makes it extremely difficult for real employment and disability inclusion. Therefore, research on resources that rest people's attitudes is necessary.

This paper stands from the view of cultural boundary interaction, introduces the concept of cultural intelligence and demonstrates that the level of cultural intelligence of employees effectively adjusts their attitudes towards people with disabilities. Theoretically, this fills in the gap in research on the influencing resource; and practically, it provides a new view that organizations could cultivate the culture intelligence of employees through training or inclusive events, and it will help employees to tolerant, trust and appreciate employees with disabilities, which will ultimately contribute to the effective cooperation and improvement of organizational performance.

References

- Ageeva, N.V. (2006). [The attitude of Russian society towards people with disabilities: a sociological aspect]. *Izvestiya Taganrogskego gosudarstvennogo radiotekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of the Taganrog State Radio Engineering University]. No. 1(56), pp. 215–220
- Alexandra, V., Ehrhart, K.H. and Randel, A.E. (2021). Cultural intelligence, perceived inclusion, and cultural diversity in workgroups. *Personality and Individual Differences*. Vol. 168. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886920304748?via%3Dihub> (accessed 23.03.2023). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110285>
- Bonaccio, S., Connelly, C.E., Gellatly, I.R., Jetha, A. and Martin Ginis, K.A. (2020). The participation of people with disabilities in the workplace across the employment cycle: employer concerns and research evidence. *Journal of Business and Psychology*. Vol. 35, iss. 2, pp. 135–158. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10869-018-9602-5>
- Burisch, M. (1997). Test length and validity revisited. *European Journal of Personality*. Vol. 11, iss. 4, pp. 303–315. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199711\)11:4<303::aid-per292>3.0.co;2-#](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199711)11:4<303::aid-per292>3.0.co;2-#)
- Chigarkova, S.V. and Soldatova, G.U. (2018). [Cultural intelligence as a socio-psychological phenomenon: a review of the conception]. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal]. No. 4(32), pp. 27–38. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0403>
- Dobrovolskaya, T.A. and Shabalina, N.B. (1999). [Disabled people: a discriminated minority?]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5, pp. 103–106.
- Earley, P.C. and Ang, S. (2003). *Cultural intelligence: Individual interactions across cultures*. Stanford, CA: Stanford University Press, 424 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780804766005>
- Fedorova, A.I. and Scherbakova, A.M. (2020). [The comparative of attitudes towards people with disability in Russia and Israel]. *Autizm i narusheniya razvitiya* [Autism and Developmental Disorders (Russia)]. Vol. 18, no. 1, pp. 4–13. DOI: <https://doi.org/10.17759/autdd.2020180101>
- Greenwald, A.G., McGhee, D.E. and Schwartz, J.L. (1998). Measuring individual differences in implicit cognition: the implicit association test. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 74, iss. 6, pp. 1464–1480. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.6.1464>
- Hinton, P. (2017). Implicit stereotypes and the predictive brain: cognition and culture in «biased» person perception. *Palgrave Communications*. Vol. 3, iss. 1. Available at: <https://www.nature.com/articles/palcomms201786> (accessed 23.03.2023). DOI: <https://doi.org/10.1057/palcomms.2017.86>
- Kalashnikova, I.V. and Trinnadtsatko, A.A. (2017). [Evolution of social models of disability]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pacific national university]. No. 3(46), pp. 277–288.
- Lin, Y.-C., Chen, A.S.-Y. and Song, Y.-C. (2012). Does your intelligence help to survive in a foreign jungle? The effects of cultural intelligence and emotional intelligence on cross-cultural adjustment. *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 36, iss. 4, pp. 541–552. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2012.03.001>
- Martz, E., Strohmer, D., Fitzgerald, D., Daniel, S. and Arm, J. (2009). Disability prototypes in the United States and the Russian Federation: an international comparison. *Rehabilitation Counseling Bulletin*. Vol. 53, iss. 1, pp. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.1177/0034355208329357>
- Miller, E., Chen, R., Glover-Graf, N.M. and Kranz, P. (2009). Willingness to engage in personal relationships with persons with disabilities: Examining category and severity of disability. *Rehabilitation Counseling Bulletin*. Vol. 52, iss. 4, pp. 211–224. <https://doi.org/10.1177/0034355209332719>

- Neto, J., Neto, A. and Neto, F. (2021). Short form measure of cultural intelligence: A Portuguese validation. *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 83, pp. 139–150. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.06.005>
- Packer, T.L., Iwasiw, C., Theben, J., Sheveleva, P. and Metrofanova, N. (2000). Attitudes to disability of Russian occupational therapy and nursing students. *International Journal of Rehabilitation Research*. Vol. 23, iss. 1, pp. 39–47. DOI: <https://doi.org/10.1097/00004356-200023010-00005>
- Power, M.J., Green, A.M. and WHOQOL- DIS Group (2010). The attitudes to disability scale (ADS): development and psychometric properties. *Journal of Intellectual Disability Research*. Vol. 54, iss. 9, pp. 860–874. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1365-2788.2010.01317.x>
- Pruett, S.R. and Chan, F. (2006). The development and psychometric validation of the Disability Attitude Implicit Association Test. *Rehabilitation Psychology*. Vol. 51, iss. 3, pp. 202–213. DOI: <https://doi.org/10.1037/0090-5550.51.3.202>
- Romanova, M.O., Kozhan, E.A., Bykov, A.O., Efimova, L.A. and Asadullina, A.F. (2022). [Attitudes towards physical disability scale adaptation on a Russian sample]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 13, no. 3, pp. 163–183. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130310>
- Rudman, L.A. (2004). Sources of implicit attitudes. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 13, iss. 2, pp. 79–82. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0963-7214.2004.00279.x>
- Soldatova, G.U., Chigarkova, S.V., Kulesh, E.V. and Tikhomirov, M.Yu. (2018). [Ethno-social and personal predictors of the orientation of intercultural communication among residents of Russian cities with different ethnic composition of the population]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 11, no. 62. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/253> (accessed 23.03.2023).
- Songa, G., Slabbinck, H., Vermeir, I. and Russo, V. (2019). How do implicit/explicit attitudes and emotional reactions to sustainable logo relate? A neurophysiological study. *Food Quality and Preference*. Vol. 71, pp. 485–496. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.foodqual.2018.04.008>
- Thomas, D.C., Liao, Y., Aycan, Z., Cerdin, J.-L. et al. (2015). Cultural intelligence: A theory-based, short form measure. *Journal of International Business Studies*. Vol. 46, iss. 9, pp. 1099–1118. DOI: <https://doi.org/10.1057/jibs.2014.67>
- Van Dyne, L., Ang, S. and Koh, Ch. (2009). Cultural intelligence: Measurement and scale development. *M.A. Moodian (ed.) Contemporary leadership and intercultural competence: Exploring the cross-cultural dynamics within organizations*. Thousand Oaks, CA: Sage Publ., pp. 233–254. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781452274942.n18>
- Van Dyne, L., Ang, S., Ng, K.-Y., Rockstuhl, T., Tan, M.L. and Koh, Ch. (2012). Sub-dimensions of the four factor model of cultural intelligence: Expanding the conceptualization and measurement of cultural intelligence (CQ). *Social and Personal Psychology: Compass*. Vol. 6, iss. 4, pp. 295–313. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2012.00429.x>
- Volosnikovaa, L.M. and Efimova, G.Z. (2016). Faculty attitudes towards students with disabilities in Russian universities: A glance at Western Siberia. *Teacher Education – IFTE 2016: Proceedings of the 2nd International Forum on Teacher Education (Kazan, May 19–21, 2016)*. Kazan, pp. 432–438. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2016.07.68>
- Wilson, J.D. (2017). Reimagining disability and inclusive education through universal design for learning. *Disability Studies Quarterly*. Vol. 37, no. 2. Available at: <https://dsq-sds.org/index.php/dsq/article/view/5417/4650> (accessed 23.03.2023). DOI: <https://doi.org/10.18061/dsq.v37i2.5417>
- Winters, M.F. (2013). From diversity to inclusion: An inclusion equation. *B.M. Ferdman, B.R. Deane (eds.) Diversity at work: The practice of inclusion*. San Francisco, CA: Jossey-Bass Publ., pp. 205–228. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118764282.ch7>
- Yakovleva, N.V., Ulanova, N.N. and Shishkova, I.M. (2016). [Review of psychological research on disability]. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie* [Personality in a changing world: health, adaptation, development]. No. 2(13), pp. 14–25.
- Yarskaya-Smirnova, E.R. (1999). [Social construction of disability]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 4, pp. 38–45.
- Yuker, H.E. (1986). The attitudes toward disabled persons scale: Susceptibility to faking. *Rehabilitation Counseling Bulletin*. Vol. 29, no. 3, pp. 200–204.

Список литературы

Агеева Н.В. Отношение Российского общества к людям с инвалидностью: социологический аспект // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. 2006. № 1(56). С. 215–220.

- Добровольская Т.А., Шабалина Н.Б.* Инвалиды: дискриминируемое меньшинство? // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 103–106.
- Калашиникова И.В., Тринадцатко А.А.* Эволюция социальных моделей инвалидности // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 3(46). С. 277–288.
- Романова М.О., Кожан Е.А., Быков А.О., Ефимова Л.А., Асадуллина А.Ф.* Адаптация Методики аттитудов к физической инвалидности на российской выборке // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13, № 3. С. 163–183. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130310>
- Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Кулеш Е.В., Тихомиров М.Ю.* Этносоциальные и личностные предикторы направленности межкультурной коммуникации у жителей российских городов с различным этническим составом населения // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 62. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/253> (accessed: 23.03.2023).
- Федорова А.И., Щербакова А.М.* Сравнительное исследование отношения к различным группам людей с ограниченными возможностями здоровья в России и Израиле // Аутизм и нарушения развития. 2020. Т. 18, № 1. С. 4–13. DOI: <https://doi.org/10.17759/autdd.2020180101>
- Чигарькова С.В., Солдатова Г.У.* Культурный интеллект как социально-психологический феномен: обзор концепции // Национальный психологический журнал. 2018. № 4(32). С. 27–38. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0403>
- Яковлева Н.В., Уланова Н.Н., Шишкова И.М.* Обзор психологических исследований инвалидности // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2016. № 2(13). С. 14–25.
- Ярская-Смирнова Е.Р.* Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 38–45.
- Alexandra V., Ehrhart K.H., Randel A.E.* Cultural intelligence, perceived inclusion, and cultural diversity in workgroups // Personality and Individual Differences. 2021. Vol. 168. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886920304748?via%3Dihub> (accessed: 23.03.2023). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110285>
- Bonaccio S., Connelly C.E., Gellatly I.R., Jetha A., Martin Ginis K.A.* The participation of people with disabilities in the workplace across the employment cycle: employer concerns and research evidence // Journal of Business and Psychology. 2020. Vol. 35, iss. 2. P. 135–158. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10869-018-9602-5>
- Burisch M.* Test length and validity revisited // European Journal of Personality. 1997. Vol. 11, iss. 4. P. 303–315. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199711\)11:4<303::aid-per292>3.0.co;2-#](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199711)11:4<303::aid-per292>3.0.co;2-#)
- Earley P.C., Ang S.* Cultural intelligence: Individual interactions across cultures. Stanford, CA: Stanford University Press, 2003. 424 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780804766005>
- Greenwald A.G., McGhee D.E., Schwartz J.L.* Measuring individual differences in implicit cognition: the implicit association test // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74, iss. 6. P. 1464–1480. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.6.1464>
- Hinton P.* Implicit stereotypes and the predictive brain: cognition and culture in «biased» person perception // Palgrave Communications. 2017. Vol. 3, iss. 1. URL: <https://www.nature.com/articles/palcomms201786> (accessed: 23.03.2023). DOI: <https://doi.org/10.1057/palcomms.2017.86>
- Lin Y.-C., Chen A.S.-Y., Song Y.-C.* Does your intelligence help to survive in a foreign jungle? The effects of cultural intelligence and emotional intelligence on cross-cultural adjustment // International Journal of intercultural relations. 2012. Vol. 36, iss. 4, pp. 541–552. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2012.03.001>
- Martz E., Strohmer D., Fitzgerald D., Daniel S., Arm J.* Disability prototypes in the United States and the Russian Federation: an international comparison // Rehabilitation Counseling Bulletin. 2009. Vol. 53, iss. 1. P. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.1177/0034355208329357>
- Miller E., Chen R., Glover-Graf N.M., Kranz P.* Willingness to engage in personal relationships with persons with disabilities: Examining category and severity of disability // Rehabilitation Counseling Bulletin. 2009. Vol. 52, iss. 4. P. 211–224. DOI: <https://doi.org/10.1177/0034355209332719>
- Neto J., Neto A., Neto F.* Short form measure of cultural intelligence: A Portuguese validation // International Journal of Intercultural Relations. 2021. Vol. 83. P. 139–150. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.06.005>
- Packer T.L., Iwasiw C., Theben J., Sheveleva P., Metrofanova N.* Attitudes to disability of Russian occupational therapy and nursing students // International journal of rehabilitation research. 2000. Vol. 23, iss. 1. P. 39–47. DOI: <https://doi.org/10.1097/00004356-200023010-00005>
- Power M.J., Green A.M., WHOQOL-DIS Group.* The Attitudes to Disability Scale (ADS): develop-

ment and psychometric properties // *Journal of Intellectual Disability Research*. 2010. Vol. 54, iss. 9. P. 860–874. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1365-2788.2010.01317.x>

Pruett S.R., Chan F. The development and psychometric validation of the Disability Attitude Implicit Association Test // *Rehabilitation Psychology*. 2006. Vol. 51, iss. 3. P. 202–213. DOI: <https://doi.org/10.1037/0090-5550.51.3.202>

Rudman L.A. Sources of implicit attitudes // *Current Directions in Psychological Science*. 2004. Vol. 13, iss. 2. P. 79–82. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0963-7214.2004.00279.x>

Songa G., Slabbinck H., Vermeir I., Russo V. How do implicit/explicit attitudes and emotional reactions to sustainable logo relate? A neurophysiological study // *Food Quality and Preference*. 2019. Vol. 71. P. 485–496. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.foodqual.2018.04.008>

Thomas D.C., Liao Y., Aycan Z., Cerdin J.-L. et al. Cultural intelligence: A theory-based, short form measure // *Journal of International Business Studies*. 2015. Vol. 46, iss. 9. P. 1099–1118. DOI: <https://doi.org/10.1057/jibs.2014.67>

Van Dyne L., Ang S., Koh Ch. Cultural intelligence: Measurement and scale development // *Contemporary leadership and intercultural competence: Exploring the cross-cultural dynamics within organizations* / ed. by M.A. Moodian. Thousand Oaks, CA: Sage, 2009. P. 233–254. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781452274942.n18>

Van Dyne L., Ang S., Ng K.-Y., Rockstuhl Th., Tan M.L., Koh Ch. Sub-dimensions of the four factor model of cultural intelligence: Expanding the conceptualization and measurement of cultural intelligence (CQ) // *Social and Personal Psychology: Compass*. 2012. Vol. 6, iss. 4. P. 295–313. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2012.00429.x>

Volosnikova, L.M., Efimova, G.Z. Faculty attitudes towards students with disabilities in Russian universities: A glance at Western Siberia // *Teacher Education – IFTE 2016: Proceedings of the 2nd International Forum on Teacher Education (Kazan, May 19–21, 2016)* / ed. by R. Valeeva. Kazan, 2016. P. 432–438. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2016.07.68>

Wilson J.D. Reimagining disability and inclusive education through universal design for learning // *Disability Studies Quarterly*. 2017. Vol. 37, no. 2. URL: <https://dsq-sds.org/index.php/dsq/article/view/5417/4650> (accessed: 23.03.2023). DOI: <https://doi.org/10.18061/dsq.v37i2.5417>

Winters M.F. From diversity to inclusion: An inclusion equation // *Diversity at work: The practice of inclusion* / ed. by B.M. Ferdman, B.R. Deane. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2013. P. 205–228. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118764282.ch7>

Yuker H.E. The Attitudes Toward Disabled Persons scale: Susceptibility to faking // *Rehabilitation Counseling Bulletin*. 1986. Vol. 29, no. 3. P. 200–204.

About the author

Li Zijun

Postgraduate student of the Department of General and Social Psychology

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: tszytsziun.li@urfu.ru
ResearcherID: ACL-6721-2022

Об авторе

Ли Цзыцзюнь

аспирант кафедры общей и социальной психологии

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: tszytsziun.li@urfu.ru
ResearcherID: ACL-6721-2022

УДК 159.922

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-241-250>

Поступила: 10.07.2022

Принята: 12.03.2023

Опубликована: 07.07.2023

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ СВОЙСТВАМИ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ И МЕХАНИЗМАМИ ЗАЩИТЫ

Пилюгина Елена Радимовна, Сулейманов Рамиль Фаилович

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (Казань)

В исследовании выявляются взаимосвязи между разноуровневыми личностными свойствами — психофизиологическими (свойствами нервной системы — СНС) и поведенческими (механизмами защиты). Исследование проводилось на базе социально-психологического центра «Опора» г. Казань и ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова». Выборка информантов составила 76 испытуемых, в том числе 52 женщины и 24 мужчины в возрасте от 16 до 75 лет. Испытуемые проходили обследование психофизиологических параметров на приборе АК-9 «Активациометр» и тестирование по Методике измерения психологической защиты (МИПЗ). Обработка результатов проводилась при помощи программы SPSS Statistic 23, для выявления корреляций использовался критерий Спирмена. Между сильной нервной системой выявлена взаимосвязь с изоляцией, проекцией, всемогущим контролем. Выявлена взаимосвязь между слабой нервной системой и механизмами защиты психотической группы — диссоциация, вытеснение, ипохондрия, а также пассивная агрессия и альтруизм. Между уравновешенной нервной системой имеется взаимосвязь с механизмами защиты адаптивной группы — подавление импульсов и сублимация. Между преобладанием возбудимости есть взаимосвязь с проекцией и всемогущим контролем. Между преобладанием процессов торможения выявлена корреляция с изоляцией, рационализацией, избеганием и предвосхищением. Высокая лабильность нервной системы связана с механизмами защиты адаптивной группы — сублимацией и юмором, а также диссоциацией и отрицанием. Низкая лабильность нервной системы соотносится с проекцией и всемогущим контролем. Выявленные взаимосвязи целесообразно использовать в работе психологов, педагогов и других работников помогающих профессий в целях упрощения диагностики свойств личности, поскольку они позволяют прогнозировать использование психологической защиты, опираясь на психофизиологические параметры личности, а также помогает получить более целостное представление о личности.

Ключевые слова: механизмы защиты, психологическая защита, свойства нервной системы, психофизиология, свойства личности.

Для цитирования:

Пилюгина Е.Р., Сулейманов Р.Ф. Взаимосвязь между свойствами нервной системы и механизмами защиты // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 2. С. 241–250.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-241-250>

CORRELATION BETWEEN THE NERVOUS SYSTEM PROPERTIES AND DEFENSE MECHANISMS

Elena R. Pilyugina, Ramil F. Suleimanov

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (Kazan)

The study reveals the relationship between different levels of personal properties — psychophysiological (properties of the nervous system) and behavioral (defense mechanisms). The study was conducted on the basis of the socio-psychological center «Opora» in Kazan and Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov. The study sample consisted of 76 subjects, including 52 women and 24 men aged 16 to 75. The subjects underwent examination of psychophysiological parameters on the AK-9 «Activatiometer» device and were tested according to the Method for measuring the psychological defense. The results were processed using the SPSS Statistic 23 software; Spearman's test was used to identify correlations. We have revealed correlations as follows: between a strong nervous system and isolation, projection, omnipotent control; between a weak nervous system and the defense mechanisms of the psychotic group — dissociation, repression, hypochondria as well as passive aggression and altruism; between a balanced nervous system and the defense mechanisms of the adaptive group — suppression and sublimation; between the predominance of excitability and projection as well as omnipotent control; between the predominance of inhibition and isolation, rationalization, avoidance, anticipation; high lability of a nervous system is associated with the defense mechanisms of the adaptive group — sublimation and humor as well as dissociation and denial; low lability of a nervous system is related to projection and omnipotent control. It is advisable to use the identified relationships in the work of psychologists, teachers, and other workers in helping professions in order to simplify the identification of personality traits; knowing the traits, it is possible to predict the use of defense mechanisms based on the psychophysiological parameters of the personality, as well as to get a more holistic view of the personality.

Keywords: defense mechanisms, psychological defense, properties of the nervous system, psychophysiology, personality traits.

To cite:

Pilyugina E.R., Suleimanov R.F. [Correlation between the nervous system properties and defense mechanisms]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 2, pp. 241–250 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-241-250>

Введение

Выявление взаимосвязей между свойствами нервной системы и механизмами защиты личности является попыткой интегрировать в единый контекст биологическое (врожденное) и социальное (приобретенное) и таким образом получить более целостное представление о личности, а также суметь прогнозировать ее поведение, что является одной из основных целей научной психологии. В нашем исследовании мы опираемся на принцип интегрального исследования индивидуальности, предполагающего системное исследование разноуровне-

вых свойств и связей между индивидуальными биохимическими, соматотипическими, нейродинамическим, психодинамическими, личностными и социально-психологическими свойствами человека [Мерлин В.С., 2009]; на принципы дифференциальной психофизиологии В.Д. Небылицына, который доказал, что детерминантами индивидуальных особенностей поведения в наиболее общих его проявлениях и чертах являются общие свойства нервной системы (далее НС) [Русалов М.В., 2012]; на принципы системно-генетического подхода, который постулирует иерархическое положение свойства с учетом его фило- и онтогенеза,

что предполагает последовательную цепочку образования свойств личности: соматические – психофизиологические – психологические – социально-психологические – социальные [Цагарелли Ю.А., 2009].

Исследование Кондратьевой–Башкатова уже выявило некоторые взаимосвязи между восьмью защитными механизмами личности, измеряемыми посредством опросника «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index) и свойствами НС (сила процессов возбуждения, сила процессов торможения и подвижность нервных процессов), измеряемых темпераментальным опросником Я. Стреляу, а именно, что использование *вытеснения* снижает силу процессов возбуждения и торможения нервной системы; реализация *регрессии* и *замещения* снижает силу процессов торможения. На механизмы психологической защиты оказывают влияние все три свойства нервной системы: сила процессов возбуждения уменьшает частоту использования *вытеснения*; сила процессов торможения уменьшает использование *компенсации*; подвижность нервных процессов нелинейно влияет на *вытеснение*, *регрессию*, *замещение*, *отрицание* и *компенсацию* [Кондратьева О.Г., Башкатов С.А., 2016].

Мы считаем целесообразным продолжить и расширить изучение данного вопроса, используя для измерения психофизиологических свойств испытуемых аппаратурно-программный комплекс «Активациометр АЦ-9К» [Цагарелли Ю.А., 2014]. Здесь мы согласны с мнением А.В. Дроздовского, что инструментальное измерение СНС человека более предпочтительно, чем тесты-опросники, которые позволяют выявлять только поведенческие особенности, но не специфику протекания нервных процессов, поскольку поведенческие характеристики и эффективность деятельности зачастую достигаются за счет обучения, выработки навыков и компенсирующих усилий [Дроздовский А.К., 2018]. Кроме того, наше исследование позволит выявить взаимосвязи с двадцатью защитными механизмами (а не с восьмью), а также с четырьмя иерархическими группами защит — психотическими, инфантильными, невротическими и адаптивными [Пилюгина Е.Р., Сулейманов Р.Ф., 2020].

В настоящее время термин «психологическая защита» означает комплекс механизмов

защиты (далее МЗ) — неосознаваемых поведенческих реакций, направленных на снижение психологического дискомфорта. В понимании феномена психологической защиты мы опираемся на концепции З. Фрейда (бессознательность протекания процессов) [Freud S., 1995], Н. МакВильямса (первичные защиты «внутриличностные», вторичные — «межличностные») [McWilliams N., 2011], А. Фрейда (возрастная периодичность формирования защит) [Freud A., 2018], Д. Вайланта (иерархичность защитных механизмов) [Vaillant G.E., 1992], Д. Перри (изменчивость уровней защитного функционирования, рейтинговые оценки в измерении защитных механизмов) [Perry J.C., Henry M., 2004], Р. Плутчика (эмоциональная обусловленность защитных механизмов) [Plutchik R., Kellerman H., 1980], К. Хорни (три защитные ориентации — ориентация «на людей» (уступчивый тип), ориентация «от людей» (обособленный тип), ориентация «против людей» (враждебный тип)) [Horney K., 1951].

Итак, в *психотическую группу* (см. табл. 1) входят самые глубинные и работающие на уровне психофизиологии механизмы защиты, функционированию которых в большей степени свойственно бессознательное протекание. Личностям в ситуации стресса или фрустрации присуще забывание событий (*вытеснение*), уход в себя и отключение от внешнего мира (*изоляция*), расщепление сознания (*диссоциация*), реагирование на телесном уровне через моторную стимуляцию, бросание в драку, аутоагрессию, плач (*регрессия*) или через психосоматические недомогания (*ипохондриа*).

В *инфантильную группу* входят защитные механизмы, обусловленные эмоциональным инфантилизмом. Лицам свойственно стремление снять напряжение ситуации «здесь и сейчас» любым доступным способом (*компульсивное поведение*), перекладывание ответственности на окружающих через саботаж и провокации (*пассивная агрессия*), приписывание собственных негативных качеств окружающим (*проекция*), игнорирование фрустрирующей ситуации (*отрицание*), реагирование на не имеющем отношении к ситуации, но безопасном для реагирования объекте (*замещение/перенос*).

В *невротическую группу* входят защитные механизмы, связанные с самооценкой личности. Этим личностям свойственно чрезмерно

болезненное восприятие собственных неудач и ошибок, в связи с чем им необходимо во что бы то ни стало найти самооправдание (*рационализация*), желание заблаговременно выйти из ситуации, которая может потенциально повредить самооценке (*избегание*). Личностям присуще самоутверждение за счет неких статусных достижений: приобретения материальных объектов, развития внешних данных и всем тем, что демонстрирует уровень успешности в обществе (*компенсация*), самоутверждение за счет навязывания социуму своих правил и желаний (*всемогущий контроль*), внешняя демонстрация одобряемых социумом моделей поведения в попытке скрыть свои истинные, но неодобряемые социумом желания и потребности (*реактивное образование*).

В *адаптивную группу* входят зрелые защитные механизмы, позволяющие не только более успешно психологически адаптироваться, но и оказывающие благотворное влияние на жизнь

личности и социум. В работе данных механизмов большую роль играет воля и самоконтроль личности, они (механизмы) имеют высокую степень адекватности в сложившейся ситуации и одобряются социумом. Среди них выделяются перенаправление энергии в творческую, спортивную, научную и другую социально полезную деятельность (*сублимация*), принесение пользы окружающим посредством оказания различных видов помощи и благотворительность (*альтруизм*), гармонизация психологического климата через преобразование негативной ситуации в забавную и неопасную (*юмор*), мысленное проигрывание всех вариантов предстоящего события для того, чтобы быть более подготовленным к будущему и уверенным в себе (*предвосхищение*), поиск наиболее благоприятного момента для осознания возникшего дискомфорта и разрешения фрустрационной ситуации (*подавление импульсов*) [Пилюгина Е.Р., 2020].

Таблица 1. Классификация механизмов психологической защиты

Table 1. Classification of psychological defense mechanisms

Механизмы защиты			
1	2	3	4
Психотическая группа	Инфантильная группа	Невротическая группа	Адаптивная группа
Регрессия	Компульсивное поведение	Компенсация	Сублимация
Ипохондрия	Пассивная агрессия	Реактивное образование	Альтруизм
Вытеснение	Отрицание	Избегание	Подавление
Диссоциация	Замещение, перенос	Рационализация	Юмор
Изоляция	Проекция	Всемогущий контроль	Предвосхищение

Что касается свойств нервной системы, то если исходить из существа изучаемых явлений, а не из названия свойств нервной системы, то можно выделить такие свойства, как усвоение ритма приходящих к тканям импульсов (лабильность), наличие следовых процессов (подвижность – инертность), фоновая активность (активированность, сила – слабость) [Ильин Е.П., 2021]. Исходная концепция И.П. Павлова, включающая силу, лабильность и уравновешенность НС (соотношение процессов возбудимости и тормозимости) [Павлов И.П., 1952] подвергалась неоднократной критике и попыткам ее усовершенствовать.

Особенно много поднималось вопросов относительно процессов возбуждения и торможения. Основатель пермской психологической школы В.С. Мерлин писал, что «в различных частях и элементах нервной системы в одно и то

же время могут происходить различные процессы — в одних участках возбуждение, а в других торможение. Для характеристики свойства нервной системы важно не то, что происходит в отдельных ее участках и элементах, а то, что характеризует функциональное состояние нервной системы в целом» [Мерлин В.С., 1973]. Действительно, показатели, фиксируемые при выполнении испытуемыми тестовых заданий для диагностики типологических особенностей, отражают всю мозаику сложных и противоречивых процессов в центральной нервной системе (ЦНС), а не отдельно процесс возбуждения или торможения. В лучшем случае можно судить о преобладании в регуляции одного из этих процессов, т.е. фиксировать соотношение между ними. П.К. Анохин считал, что в ЦНС есть только один процесс — возбуждение, который включает в работу как возбудительные, так и

тормозные системы [Анохин П.К., 1968]. Е.П. Ильин считал, что преобладание возбуждения и преобладание торможения — не два полюса одной прямой, а отношения между ними гораздо сложнее, и уравновешенность не является промежуточной (срединной) инстанцией. Он выделил понятие «внешнего» баланса, связанного с активным привлечением внимания человека к выполняемому заданию, с его желанием выполнить таковое как можно лучше, и «внутреннего» баланса, связанного с более глубинными (внутренними) процессами ЦНС — с потребностью в двигательной активности [Ильин Е.П., 2021]. Также были попытки включить в феноменальное поле еще какие-либо свойства НС, например, «свойство динамичности», характеризующее скорость образования условных реакции [Небылицын В.Д., 1976], или «свойство концентрации возбуждения» [Борисова М.Н., 1959].

Взаимоотношение между свойствами нервной системы человека, особенностями его поведения и психического склада не может быть совершенно однозначно: например, терпеливым можно быть как за счет большой силы нервной системы, так и за счет инертности возбуждения или преобладания возбуждения по «внутреннему» балансу. Быстроту движений определяют как слабость нервной системы, так и подвижность нервных процессов, а также уравновешенность и преобладание возбуждения по «внешнему» балансу [Ильин Е.П., 2021]. Тем не менее, резюмируя научные исследования, можно с большой долей вероятности считать, что сила НС характеризуется психологической устойчивостью и выносливостью к сильным и продолжительным раздражителям, поэтому личности с сильной НС более устойчивы к стрессу и различным неблагоприятным физиологическим состояниям (усталость, недостаток кислорода в крови и т.д.), они более решительны и склонны к риску, обладают низкой внушаемостью. Люди со слабой НС, наоборот, отличаются высокой абсолютной чувствительностью, быстротой реагирования на сигналы, высоким максимальным темпом движений, высокой внушаемостью. Они не склонны к риску, нерешительны, неустойчивы к стрессу и неблагоприятным физиологическим состояниям [Ильин Е.П., 2021; Цагарелли Ю.А., 2019].

Уравновешенность НС характеризуется соотношением между процессами возбуждения и торможения. Преобладание первых в данном соотношении приводит к разнообразию, контрастности, чрезмерности эмоциональных проявлений, активностью, экзальтированностью, реактивностью. Преобладание процессов торможения приводит к сдержанности и однообразию эмоций у личности, инертности, пассивности, усидчивости, уступчивости.

Лабильность характеризуется скоростью возникновения и прекращения процессов торможения и возбуждения, их быстрой переключаемостью между собой при изменении условий. Низкая лабильность придает личности застревание на эмоциях, ригидность. При высокой лабильности смена эмоциональных состояний происходит быстро, личность легко перестраивается под изменяющиеся условия, обладает быстрой обучаемостью [Цагарелли Ю.А., 2009].

Методы и организация исследования

Исследование проводилось на базе социально-психологического центра «Опора» г. Казань и ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязева». Выборка исследования составила 76 испытуемых, среди которых 52 женщины и 24 мужчины в возрасте от 16 до 75 лет, средний возраст выборки составил 26,5 лет (51 чел. в возрасте от 16 до 24 лет, 18 чел. — от 25 до 44 лет, 4 чел. — от 45 до 64 лет и 3 чел. — от 65 до 75 лет). Испытуемые проходили обследование свойств нервной системы на приборе АК-9 «Активациометр» и тестирование по Методике измерения психологической защиты (МИПЗ). Обработка результатов проводилась при помощи программы SPSS Statistic 23 версии, для выявления корреляций использовался критерий Спирмена.

Результаты и обсуждение исследования

В исследуемой выборке выявились следующие корреляции между психофизиологическими параметрами и механизмами защиты:

1. *Сильная НС* имеет прямую взаимосвязь с *изоляцияй, проекцией и всемогущим контролем*. *Слабая НС* имеет прямую взаимосвязь с *диссоциацией, вытеснением, ипохондрией, пассивной агрессией, альтруизмом* и, в целом, с *психотической группой* (см. табл. 2).

Таблица 2. Корреляция свойств НС с механизмами и группами защит (критерий Спирмена)
Table 2. Correlation of NS features with defense mechanisms and groups of defenses (Spearman's criterion)

Механизм защиты	Сила/слабость НС	Уравновешенность	Возбудимость/ тормозимость	Лабильность
Диссоциация	-,362**	,151	,030	,279*
Регрессия	-,078	-,079	-,080	,142
Ипохондрия	-,251*	,232*	-,035	-,041
Изоляция	,357**	-,277*	-,207	,048
Вытеснение	-,472**	,208	-,043	,105
Замещение	,205	-,120	,045	-,109
Проекция	,269*	-,416**	,393**	-,279*
Компульсивное поведение	,131	-,205	,007	,033
Пассивная агрессия	-,293*	-,023	-,149	,147
Отрицание	-,149	-,046	-,176	,183
Рационализация	-,057	-,202	-,415**	-,021
Избегание	-,207	-,201	-,250*	,045
Реактивное образование	-,198	,018	-,126	,137
Компенсация	,128	-,147	-,189	,042
Всемогущий контроль	,420**	-,373**	,339**	-,365**
Сублимация	-,045	,297**	-,169	,519**
Альтруизм	-,236*	,163	-,118	-,091
Подавление импульсов	,205	,654**	-,117	,137
Предвосхищение	-,109	-,261*	-,294*	,139
Юмор	-,150	,181	-,055	,250*
Психотическая группа	-,332**	,125	-,208	,239*
Инфантильная группа	,065	-,282*	,034	,021
Невротическая группа	,071	-,346**	-,200	-,081
Адаптивная группа	-,107	,389**	-,244*	,330**

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* Significant correlation at 0.05 level.

** Significant correlation at 0.01 level.

В соответствии с данными из таблицы мы видим, что личности с сильной НС прибегают либо к ориентации «от людей» (*изоляция*), либо к ориентации «против людей» (*проекция, всемогущий контроль*), тогда как личности со слабой НС чаще используют ориентацию «к людям» (*ипохондрия, альтруизм*), либо ориентацию, не имеющую отношения к людям (*диссоциация, вытеснение*). Таким образом, данные корреляции указывают на то, что при сильной НС личность может либо оставаться во фрустрирующей ситуации более самодостаточной и независимой от людей, либо проявлять активность в преобразовании фрустрации за счет окружающих, т.е. может относительно легко переступать чужие границы и быть устойчивой в отношении негативной ответной реакции окружающих. При слабой НС личность негативно не взаимодействует с людьми, поскольку есть восприимчивость к ответной негативной реакции, а также меньше возможностей само-

стоятельно справляться с фрустрацией. Единственный механизм с ориентацией «против людей» (*пассивная агрессия*), которую используют лица со слабой НС, также показывает, что активное прямое противостояние с окружающими им дается сложно, поэтому приходится использовать скрытое противостояние в виде саботажа, непрямого подрыва авторитета более сильной фигуры и т.п.

Также показательной является корреляция между слабой НС с психотической группой защитных механизмов, т.е. чувствительность и восприимчивость личности к негативным стимулам приводит к формированию наиболее ранних и глубинных механизмов защиты и срабатыванию защиты уже на уровне соматических и психофизиологических ресурсов.

2. *Уравновешенность НС* имеет прямую взаимосвязь с подавлением импульсов, сублимацией и, в целом, с адаптивной группой, а также обратную взаимосвязь с изоляцией, проекцией,

всемогущим контролем, предвосхищением и с инфантильной и невротической группами.

Таким образом, при уравновешенной НС наблюдается возможность использовать более зрелые адаптивные механизмы защиты, направляя свою энергию в конструктивное русло (*сублимация*) либо усилием воли откладывая разрешение фрустрирующей ситуации до более благоприятного момента (*подавление импульсов*). Эмоциональная незрелость и инфантильность личностям с таким типом НС не свойственна.

3. Преобладание *возбудимости* имеет прямую взаимосвязь с *проекцией* и *всемогущим контролем*. Преобладание *механизмов торможения* имеет прямую взаимосвязь с *рационализацией, избеганием, предвосхищением и с адаптивной группой в целом*.

Таким образом, преобладание *возбудимости* приводит к ориентации «против людей» (*проекция, всемогущий контроль*), а преобладание процессов *торможения* приводит либо к ориентации «от людей» (*избегание*), либо к стратегии, не имеющей отношения к людям, но при этом использующей ресурсы разума для преобразования фрустрирующей ситуации (*рационализация, предвосхищение*).

Отметим интересный факт, что сочетание сильной НС с преобладанием *возбудимости* приводит к ориентации «против людей» (*проекция, всемогущий контроль*), т.е. к разрешению фрустрирующей ситуации за счет окружающих.

Такие механизмы, как *рационализация, избегание и предвосхищение* не попали ни в группу сильной НС, ни в группу слабой НС, т.е. они занимают среднее положение на шкале силы НС, таким образом, можно сделать вывод, что преобладание *тормозимости* в сочетании со средней по силе НС приводит к стратегии, не имеющей отношения к людям, но при этом использующий ресурсы разума для преобразования фрустрирующей ситуации.

4. *Лабильность НС* имеет прямую взаимосвязь с *диссоциацией, сублимацией, юмором и психотической и с адаптивной группой в целом*, а также обратную взаимосвязь с *проекцией и всемогущим контролем*.

Таким образом, лица с высокой лабильностью НС обладают быстрой обучаемостью и легко перестраиваются под изменяющиеся условия (*сублимация, юмор*), либо просто не

включаются в переживание какой-то эмоции (*диссоциация*). Лицам с низкой лабильностью НС свойственны ригидность и застревание на эмоциях и ориентация «против людей» (*проекция, всемогущий контроль*).

Также мы видим, что *проекция и всемогущий контроль* имеют прямую взаимосвязь одновременно с *сильной НС, с преобладанием возбудимости и с низкой лабильностью НС*. Исходя из свойств личности, характерных при определенном защитном поведении, и полученной корреляции, сочетание сильной НС с преобладанием *возбудимости* и *низкой лабильностью* дает нам психологический портрет личности, имеющей следующие черты: *подозрительность, критичность, обидчивость, ревнивость (проекция), эгоцентризм, гиперконтроль в отношении окружающих, нетерпимость к критике и советам, игнорирование интересов окружающих (всемогущий контроль), выносливость к сильным и продолжительным раздражителям, устойчивость к стрессу и различным неблагоприятным физиологическим состояниям, решительность и склонность к риску, низкая внушаемость (сильная НС), контрастность, чрезмерность эмоциональных проявлений, активность, экзальтированность, реактивность (преобладание возбудимости), застревание на эмоциях, ригидность (низкая лабильность НС)*.

Выводы и рекомендации

1. Лицам с сильной НС присуще использование таких механизмов защиты, как *изоляция, проекция, всемогущий контроль*. Лицам со *слабой НС* присуще использовать механизмы защиты *психотической группы*, а именно *диссоциация, вытеснение, ипохондрия, пассивная агрессия и альтруизм*.

2. Лица с уравновешенной НС в большей степени используют механизмы защиты *адаптивной группы* — *подавление импульсов и сублимацию*, и не используют механизмы защиты *инфантильной группы*. Лица с преобладанием *возбудимости* используют механизмы защиты *проекцию и всемогущий контроль*, а лица с преобладанием процессов *торможения* используют механизмы *изоляция, рационализация, избегание и предвосхищение*.

3. Лицам с высокой лабильностью НС больше присуще использование механизмов защиты *адаптивной группы* — *сублимации и юмора*, а

также *диссоциации*. Лицам с низкой лабильностью НС присуще использование *проекции* и *всесоюзного контроля*.

Выявленные взаимосвязи целесообразно использовать в работе психологов, педагогов и других работников помогающих профессий в целях упрощения диагностики свойств личности, поскольку они позволяют прогнозировать использование психологической защиты, опираясь на психофизиологические параметры личности, а также получить более целостное представление о личности. Исследование не исчерпывает всех аспектов проблемы, но существенно дополняет изучаемые вопросы и открывает перспективы для дальнейших исследований данной проблемы в психологии личности.

Список литературы

Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968. 547 с.

Борисова М.Н. Определение порогов различения и выработка тонких сенсорных дифференцировок как путь к изучению концентрированности процесса возбуждения // Типологические особенности высшей нервной деятельности человека / под ред. Б.М. Теплова. М.: Психологический ин-т РАО, 1959. Т. 2. С. 199–219.

Дроздовский А.К. Современные возможности и перспективы дифференциальной психофизиологии профессиональной деятельности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3, № 3. С. 132–175.

Ильин Е.П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб.: Питер, 2021. 432 с.

Кондратьева О.Г., Башкатов С.А. Влияние свойств нервной системы на функционирование механизмов психологической защиты (на примере педагогов общеобразовательных школ) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2016. Т. 9, № 3. С. 24–34. DOI: <https://doi.org/10.14529/psy160303>

Мерлин В.С. Психология индивидуальности. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та, 2009. 542 с.

Мерлин В.С. Темперамент как фактор трудовой деятельности // Очерк теории темперамента / под ред. проф. В.С. Мерлина. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1973. С. 148–167.

Небылицын В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М.: Наука, 1976. 336 с.

Павлов И.П. Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 6: Статьи по различным вопросам физиологии, выступления на диспутах и в прениях, речи и предисловия. Автобиографические материалы / ред. К.М. Быков, Е.Ш. Арапетянц. 2-е изд., доп. М.: АН СССР, 1952. 463 с.

Пилюгина Е.Р. Двухмерная классификация механизмов психологической защиты // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 270–280. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-270-280>

Пилюгина Е.Р., Сулейманов Р.Ф. Методика измерения психологической защиты // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13, № 2. С. 194–209. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130213>

Русалов В.М. Темперамент в структуре индивидуальности человека: Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. 528 с.

Цагарелли Ю.А. Системная аппаратурная психодиагностика и коррекция как универсальный психологический инструмент // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 1(6). С. 71–76.

Цагарелли Ю.А. Системная диагностика человека и развитие психических функций. Казань: Познание, 2009. 492 с.

Цагарелли Ю.А. Труды Е.П. Ильина как энциклопедия современной психологии // Психология человека в образовании. 2019. Т. 1, № 4. С. 330–340. DOI: <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2019-1-4-330-340>

Emotion: Theory, Research, and Experience. Vol. 1: Theories of emotion / ed. by R. Plutchik, H. Kellerman. N.Y.: Academic Press, 1980. 399 p. DOI: <https://doi.org/10.1016/c2013-0-11313-x>

Freud A. The ego and the mechanisms of defence. London: Routledge, 2018. 320 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429481550>

Freud S. The basic writings of Sigmund Freud. N.Y.: Modern library, 1995. 992 p.

Horney K. Neurosis and human growth: The struggle toward self-realization. N.Y.: Routledge, 1951. 392 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315010526>

McWilliams N. Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process. N.Y.: Guilford Press, 2011. 426 p.

Perry J.C., M. Henry. Studying defense mechanisms in psychotherapy using the Defense Mechanism Rating Scales // Defense mechanisms: Theoretical, research and clinical perspectives / ed. by U. Hentschel, G. Smith, J.G. Draguns, W. Ehlers.

Amsterdam, NL: Elsevier, 2004. P. 165–192. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0166-4115\(04\)80034-7](https://doi.org/10.1016/s0166-4115(04)80034-7)

Vaillant G.E. Ego mechanisms of defense: a guide for clinicians and researchers. Washington, D.C.: American Psychiatric Press, 1992. 306 p.

References

Anokhin, P.K. (1968). *Biologiya i neyrofiziologiya uslovnogo refleksa* [Biology and neurophysiology of the conditioned reflex]. Moscow: Meditsina Publ., 547 p.

Borisova, M.N. (1959). [Determination of discrimination thresholds and development of subtle sensory differentiations as a way to study the concentration of the excitation process.]. *Tipologicheskie osobennosti vyshey nervnoy deyatel'nosti cheloveka, pod red. B.M. Teplova* [B.M. Teplov (ed.) Typological features of human higher nervous activity]. Moscow: PI RAO Publ., vol. 2, pp. 199–219.

Drozdovskiy, A.K. (2018). [Modern opportunities and prospects of professional activity differential psychophysiology]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda* [Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology]. Vol. 3, no. 3, pp. 132–175.

Freud, A. (2018). *The ego and the mechanisms of defence*. London: Routledge Publ., 320 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429481550>

Freud, S. (1995). *The basic writings of Sigmund Freud*. New York: Modern Library Publ., 992 p.

Horney, K. (1951). *Neurosis and human growth: The struggle toward self-realization*. New York: Routledge Publ., 392 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315010526>

Il'in, E.P. (2021). *Differentsial'naya psikhologiya professional'noy deyatel'nosti* [Differential psychology of professional activity]. St. Petersburg: Piter Publ., 432 p.

Kondrat'eva, O.G. and Bashkatov, S.A. (2016). [Features of psychological protection psychophysiological mechanisms of different level complexity at teachers]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series «Psychology»]. Vol. 9, no. 3, pp. 24–34. DOI: <https://doi.org/10.14529/psy160303>

McWilliams, N. (2011). *Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process*. New York: Guilford Press, 426 p.

Merlin, V.S. (1973). [Temperament as a factor of labor activity]. *Ocherk teorii temperamenta, pod red.*

prof. V.S. Merlina [V.S. Merlin (ed.) Essay on the theory of temperament]. Perm: Perm book Publ., pp. 148–167.

Merlin, V.S. (2009). *Psikhologiya individual'nosti* [Psychology of individuality]. Moscow: MSPU Publ., 542 p.

Nebylitsyn, V.D. (1976). *Psikhofiziologicheskie issledovaniya individual'nykh razlichiy* [Psychophysiological studies of individual differences]. Moscow: Nauka Publ., 336 p.

Pavlov, I.P. (1952). *Polnoe sobranie sochineniy: v 6 t. T. 6: Stat'i po razlichnym voprosam fiziologii, vystupleniya na disputakh i v preniyakh, rechi i pre-disloviya. Avtobiograficheskie materialy* [Complete works: in 6 vols. Vol. 6: Articles on various questions of physiology, speeches at disputes and debates, speeches and prefaces. Autobiographical materials]. Moscow: AN USSR Publ., 463 p.

Perry, J.C. and Henry, M. (2004). Studying defense mechanisms in psychotherapy using the Defense Mechanism Rating Scales. *U. Hentschel et al. (eds.) Defense Mechanisms: Theoretical, Research and Clinical Perspectives*. Amsterdam, NL: Elsevier, pp. 165–192. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0166-4115\(04\)80034-7](https://doi.org/10.1016/s0166-4115(04)80034-7)

Pilyugina, E.R. (2020). [Two-dimensional classification of psychological defense mechanisms]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 270–280. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-270-280>

Pilyugina, E.R. and Suleymanov, R.F. (2020). [Method of measuring psychological defense]. *Ekspperimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology]. Vol. 13, no. 2, pp. 194–209. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130213>

Plutchik, R. and Kellerman, N. (eds.) (1980). *Emotion: Theory, Research, and Experience. Vol. 1: Theories of emotion*. New York: Academic Press, 399 p. DOI: <https://doi.org/10.1016/c2013-0-11313-x>

Rusalov, V.M. (2022). *Temperament v strukture individual'nosti cheloveka. Differentsial'no-psikhofiziologicheskie i psikhologicheskie issledovaniya* [Temperament in the structure of human individuality. Differential-psychophysiological and psychological research]. Moscow: IP RAS Publ., 528 p.

Tsagarelli, Yu.A. (2009). *Sistemnaya diagnostika cheloveka i razvitie psikhicheskikh funktsiy* [System diagnostics of a person and the development of mental functions]. Kazan: Poznanie Publ., 492 p.

Tsagarelli, Yu.A. (2014). [Systemic instrumental psychodiagnostics and correction as a universal psychological tool]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal]. No. 1(6), pp. 71–76.

Tsagarelli, Yu.A. (2019). [The works of E.P. Ilyin as an encyclopaedia of modern psychology]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii* [Psychology in Education]. Vol. 1, no. 4, pp. 330–340. DOI: <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2019-1-4-330-340>

Vaillant, G.E. (1992). *Ego mechanisms of defense: a guide for clinicians and researchers*. Washington, D.C.: American Psychiatric Press, 306 p.

Об авторах

Пилюгина Елена Радимовна

преподаватель кафедры общей психологии

Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязова,
420111, Республика Татарстан, Казань,
ул. Московская, 42;
e-mail: simvol352@mail.ru
ResearcherID: AAW-6539-2021

Сулейманов Рамиль Фаилович

доктор психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой общей психологии

Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязова,
420111, Республика Татарстан, Казань,
ул. Московская, 42;
e-mail: souleimanov@ieml.ru
ResearcherID: ABB-7616-2020

About the authors

Elena R. Pilyugina

Lecturer in the Department of General Psychology

Kazan Innovative University
named after V.G. Timiryasov,
42, Moscovskaya st., Kazan, Republic of Tatarstan,
420111, Russia;
e-mail: simvol352@mail.ru
ResearcherID: AAW-6539-2021

Ramil F. Suleimanov

Doctor of Psychology, Docent,
Head of the Department of General Psychology

Kazan Innovative University
named after V.G. Timiryasov,
42, Moscovskaya st., Kazan, Republic of Tatarstan,
420111, Russia;
e-mail: souleimanov@ieml.ru
ResearcherID: ABB-7616-2020

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.016

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-251-267>

Поступила: 11.02.2023

Принята: 17.06.2023

Опубликована: 07.07.2023

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ****Захаров Николай Львович, Воронцов Алексей Васильевич***Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)***Кузнецов Андрей Леонидович***Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашикова (Ижевск)***Перфильева Марина Борисовна***Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург),
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)***Прокофьева Алена Викторовна, Внутских Александр Юрьевич***Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

Для социологии управления, ее эмпирических исследований адекватная методология особенно важна, поскольку результаты этих исследований влияют на сами управленческие решения. Авторами выделены соответствующие методологические принципы и продемонстрирована их эволюция от античности до настоящего времени. Отмечено, что использование методологических оснований за пределами той картины реальности, на базе которой они были сформированы, может привести к снижению валидности эмпирических данных и повышению рисков ошибочных управленческих решений. В статье показано, что наука о методах или методология с античности до наших дней прошла в своем развитии три этапа: метафизический, диалектический и тектологический. Эти этапы сменяли друг друга, модифицируясь и включаясь в последующие. Показано, как методология социологии управления, основанная на трехуровневой модели «фундаментальная теория – средний уровень – эмпирические исследования», начала развиваться в полной мере именно с периода проведения и интерпретации Хоторнских экспериментов: именно тогда под руководством Э. Мэйо впервые были подвергнуты критической рефлексии принципы тейлоровской концепции изучения организации и управления ею. Анализируя основные подходы социологии управления, авторы отмечают тенденцию смещения исследовательского интереса на изучение тех аспектов деятельности организаций, в рамках которых власть функционирует как нормативная, а вовлечение обеспечивается моральными средствами. Отмечается, что многие современные подходы в социологии управления связаны с комплексом идей, имеющих отношение к тектологии А.А. Богданова: в современной методологии социологии управления основным принципом организованности является именно тектологический. В статье предложена модель социологического исследования и совершенствования механизмов управления в организациях, разработанная на практическом опыте консультирования.

Ключевые слова: социология управления, методология, метафизика, диалектика, тектология.

Для цитирования:

Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л., Воронцов А.В., Перфильева М.Б., Прокофьева А.В., Внутских А.Ю. Методологические основания социологии управления // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 2. С. 251–267. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-251-267>

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Nikolay L. Zakharov, Alexey V. Vorontsov,

Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg)

Andrey L. Kuznetsov

Kalashnikov Izhevsk State Technical University (Izhevsk)

Marina B. Perfileva

*Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg),
Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm)*

Alyona V. Prokofyeva, Alexander Yu. Vnitskikh

Perm State University (Perm)

Empirical studies of sociology of management need adequate methodology particularly because the results of these studies influence managerial decisions. The authors identify the relevant methodological principles and demonstrate their evolution from antiquity to the present. They note that methodological foundations can lead to invalidity of empirical data and to risk of erroneous decisions in case these foundations are used outside the worldview on the basis of which they were formed. The science about methods, or methodology, has passed through three stages in its development since antiquity to the present day: metaphysical, dialectical, and tektological. These stages replaced each other, modifying and incorporating into the subsequent ones. The authors justify that the methodology of sociology of management, based on the three-level model «fundamental methodology – middle level's theory – empirical research», began its full-fledged development starting from Hawthorne experiments. During these experiments the principles of the Taylorian concept of organization were first rethought critically, by E. Mayo. The authors note a tendency in contemporary research on sociology of management toward a focus on normative power and moral means of involvement. Many fundamental approaches in sociology of management are linked with the complex of ideas of Alexander Bogdanov's tektology: contemporary methodology of sociology of management is based on the tektological principle of organization. The authors offer a model of sociological research on and improvement of management mechanisms in organizations that was developed on the basis of practical consulting experience.

Keywords: sociology of management, methodology, metaphysics, dialectics, tektology.

To cite:

Zakharov N.L., Kuznetsov A.L., Vorontsov A.V., Perfileva M.B., Prokofyeva A.V., Vnitskikh A.Yu. [Methodological foundations of sociology of management]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 2, pp. 251–267 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-251-267>

Введение

Социология — не абстрактная наука. С самого своего возникновения она была направлена на решение конкретных социальных задач, на поиск способов, обеспечивающих разрешение актуальных проблем общества, т.е. адекватных управленческих решений. Для познания общественных систем, как и любых других, необхо-

димы эмпирические исследования; валидность их результатов обеспечивает адекватная методология. Особенно важен высокий уровень развития методологии для социологии управления, где результаты исследований могут повлиять на управленческие решения.

Основателю социологии, Огюсту Контю, принадлежит мысль, представляющая, по мне-

нию авторов, важный программный принцип для социологии: «...наши реальные знания... стремятся... с очевидной самопроизвольностью к полной систематизации как научной, так и логической...» [Конт О., 1910, с. 20]. Конт призывает сначала изучать, а потом делать. Это положение особенно важно для социологии управления, не только изучающей системы управления на пути эмпирического исследования, но и дающей практические рекомендации по их совершенствованию.

Однако проблема состоит в том, чтобы понять, каковы конкретно методологические основания науки о социальных механизмах управления исходя из современного уровня ее развития. В выявлении этих оснований и анализе их содержания и соотношения состоит основная цель данной статьи.

Социология управления как единство эмпирии, теории и методологии

Социология уже вскоре после своего рождения поразила научный мир масштабными исследованиями, имеющими прямое отношение к проблематике управления, такими как «Положение рабочего класса в Англии» [Энгельс Ф., 1955], «Положение рабочего класса в России» [Берви-Флеровский В.В., 1869]. За ними последовали работы Макса Вебера, посвященные разработке концепции «рациональной бюрократии» [Вебер М., 2008, 2018], Эмиля Дюркгейма, исследовавшего управленческую деятельность в рамках общественного разделения труда [Дюркгейм Э., 1991], Роберта Мертона об особенностях современной бюрократии [Мертон Р.К., 2006, с. 323–337].

Обилие эмпирических данных, полученных в этих и других масштабных исследованиях, вынуждало социологов разрабатывать необходимые «логические матрицы», а по сути своей — базовые теоретические принципы, необходимые для анализа этого обилия эмпирического материала. Ведь эмпирический материал, какую бы ценность он не представлял, не более чем «сырье», которому еще предстоит пройти через «горнило» теоретического осмысления, чтобы стать адекватным. Обилие эмпирических данных, полученных в этих и других масштабных исследованиях, вынуждало социологов разрабатывать необходимые «логические мат-

рицы», т.е. базовые теоретические принципы понятиям, а в дальнейшем превратиться в утилитарный продукт, необходимый в практической деятельности.

Каким же должно быть это теоретическое осмысление? Оно, во-первых, должно учитывать, что в социальных и гуманитарных науках, в отличие от «наук о природе», невозможна полная объективация. Индивиды здесь понимаются не как объекты, а как субъекты, всегда интерпретирующие социальные факты из своей картины реальности, вкладывающие в эту интерпретацию свои смыслы и соотносящие возможные для них действия с возможными действиями других субъектов [Вебер М., 2019]. Но если так, то управлять социальными системами, состоящими в конечном счете из индивидов, невозможно таким образом, каким мы управляем природными или достаточно простыми техническими системами. Соответствующий принцип «понимания» становится одним из ведущих теоретических принципов социологии, в т.ч. и в социологии управления. Возникающий параллельно разработанный Эмилем Дюркгеймом [Дюркгейм Э., 1995] метод структурно-функционального анализа приобретает статус основного теоретического метода социологии.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. сложился первый вариант методологии социологического исследования, дающий ключ к управленческим решениям. С одной стороны, возникли ведущие теоретические принципы или целеполагающие установки, указывающие к чему стремиться, отвечающие на вопрос *зачем?* С другой стороны, оформились методы: от инструментальных (например, как разработать анкету для опроса) до теоретических (собственно, структурно-функциональный анализ и является таким методом), отвечающих на вопрос *как?*

Однако в 1930-х – 1950-х гг. с дальнейшим развитием социологии появилась необходимость по-новому систематизировать комплекс методов и принципов социологии, что нашло свое отражение в известной дискуссии Роберта Мертона и Толкотта Парсонса. С одной стороны, Т. Парсонс, создавший фундаментальную «теорию социального действия» и внесший вклад в развитие фундаментального метода — «структурно-функциональный анализ», стремился к построению ««всеохватывающей тео-

рии» структурного функционализма» [Парсонс Т., 1997, с. 235–237]. Напротив, по мнению Р. Мертона, социология должна ограничиваться теорией «среднего уровня» [Мертон Р.К., 2006, с. 64], т.е. находиться в пределах «частных рабочих гипотез» и «основных концептуальных схем» [Мертон Р.К., 2006, с. 78].

Сам факт этой дискуссии — свидетельство саморефлексии, самоосознания, самооценки социологией самой себя. И именно с этого момента, по-видимому, начинается формирование социологической науки о методах, или социологической методологии. Как мы покажем ниже, в полной мере это касается и методологии отраслевых социологий, в т.ч. социологии управления.

Согласно философскому определению, методология представляет собой «систему принципов и способов организации построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе... Если теория представляет собой результат процесса познания, то методология является *способом (курсив наш)* достижения и построения этого знания» [Философский энциклопедический словарь, 1989, с. 359].

В результате этой дискуссии социология как наука приобретает иерархическую структуру, включающую три уровня:

– методология как система принципов и способов организации социологии;

– «теория среднего уровня» или социологическая теория, сформировавшаяся как результат исследований и экспериментов и объясняющая функционирование изученных социальных феноменов;

– эмпирия, непосредственный опыт, т.е. данные, полученные научным способом в непосредственном исследовании.

Какое же место социология управления занимает исходя из этой структуры? В первом приближении можно сказать, что социология управления относится к отраслевым социологиям и с этой точки зрения базируется на положениях фундаментальной теории.

Углубляясь в этот вопрос, можно попытаться охарактеризовать, как эта трехуровневая структура «работает» конкретно в социологии управления, как проявляется связь фундамен-

тальных принципов методологии в теории и в эмпирических исследованиях.

Примером может стать «связка» знаменитых Хоторнских экспериментов с появлением методов, направленных на изучение неформальных связей в малых социальных группах и последующим формированием теории «человеческих отношений».

С одной стороны, Элтон Мэйо, с именем которого обычно связывают Хоторнские эксперименты, подключился к ним лишь в 1928 г. (на четвертый год после их начала), будучи уже зрелым исследователем, безусловно обладающим какой-то предварительной концепцией. И его концепции были как философская, так и конкретно-научная составляющие. В противном случае ему самому не удалось бы наладить конструктивное взаимодействие в исследовательской группе, работавшей на заводе компании «Westren Electric»: между экономистами, психологами, социологами, врачами, интересы многих из которых были потенциально конфликтными [Бурганова Л.А., Савкина Е.Г., 2007, с. 91, 93].

С другой стороны, к моменту появления Э. Мэйо в исследовательской группе ключевая (вторая) стадия эксперимента, в итоге доказавшая значимость неформальных социальных связей для повышения производительности труда, проводилась уже в течение года и первый эмпирический материал был в наличии. Но именно благодаря своей предварительной концепции Мэйо сумел этот материал правильно интерпретировать и организовать следующие стадии эксперимента отнюдь не в русле господствовавшей на тот момент концепции тейлоризма. Для Мэйо определенно был свойственен критический, рефлексивный подход к принимаемым теоретическим положениям. В результате в ходе второй стадии эксперимента был продемонстрирован устойчивый рост выработки на 25 %, что было связано исследователями отнюдь не с экономическим стимулированием, а с ростом удовлетворенности трудом в малой социальной группе с включенным благожелательным наблюдателем. Напротив, шестая стадия эксперимента продемонстрировала феномен падения производительности в малой социальной группе, лишенной внешнего наблюдателя (причем вопреки экономическим

интересам работников). В обоих случаях вопреки господствовавшей тейлоровской концепции была показана огромная роль неформальных социальных взаимодействий в повышении/снижении производительности труда.

Хоторнские эксперименты имели два следствия для формирующейся социологии управления. Во-первых, еще в ходе экспериментов Э. Мэйо ввел собственно концепт «человеческие отношения», а в 1930–40-х гг. возникла соответствующая социологическая теория среднего уровня. Во-вторых, эмпирические методы (в первую очередь, методы интервьюирования) были существенно модифицированы благодаря экспериментам.

Из сказанного можно заключить, что исходным пунктом для формирования упомянутой трехуровневой структуры в социологии управления является непосредственный опыт, благодаря которому формируются новые социологические методология и теория. Однако для получения этого опыта и его адекватной интерпретации ключевую роль играет предварительная концепция, а именно так называемые «основания научного исследования», в т.ч. «основания философские» [Степин В.С., 2010] Метод индивидуального интервью был знаком и Ф. Тэйлору [Бурганова Л.А., Савкина Е.Г., 2007, с. 95], но не индивидуальные интервью, а массовые количественные опросы, наблюдение за производительностью труда в зависимости от физических факторов и предположение о решающей роли экономической мотивации в повышении производительности стали «визитной карточкой» управленческой концепции Тэйлора [Тейлор Ф.У., 1991; Форд Г., 2013].

Обзор некоторых подходов в социологии управления

В середине XIX в. Карл Маркс сформулировал важный принцип современной науки: «Мыслители прошлого лишь различным образом объясняли мир. Но дело заключается в том, чтобы изменить его» [Маркс К., 1955, с. 4]. Эта же идея, как мы отмечали, содержалась и в представлениях основателя социологии О. Конта, о том, что социология — эмпирическая наука, призванная на основе научных исследований изменять мир и управлять им.

Зададимся двумя вопросами. Во-первых, можем ли мы, имея надежные, достоверные и актуальные эмпирические данные о социальных системах, «автоматически», без посредства теории принять правильное управленческое решение? Как свидетельствует опыт развития тейлоризма и Хоторнские эксперименты, вероятно, нет: кроме эмпирии, нам нужен еще и верный способ принятия решения на основе полученных эмпирических данных, т.е. нам нужна предшествующая правильная концепция, или же теория.

Во-вторых, можем ли мы, принимая такую концепцию, теорию для управленческого решения, быть уверенными, что используемый способ подходит для данного случая? Вероятно, тоже нет: такую уверенность, основанную на адекватном знании ситуации, гарантирует только валидная методология. Только адекватные сложности управленческой ситуации, теория и методология *вместе* являются гарантией адекватного управленческого решения, если оно исходит из достоверных эмпирических данных.

Приведем пример из строительной сферы. В строительном деле для оценки надежности построенного здания ориентируются на три ранга ответственности [Смирнов С.Б. и др., 2009].

Первый уровень — здание надежно, потому что персонал не нарушал установленной технологии строительства; здесь речь идет об ответственности *исполнителей*.

Второй уровень — здание надежно, т.к. инженеры использовали соответствующую условиям технологию; это ответственность *инженеров*.

Третий уровень — здание надежно, т.к. оно соответствует адекватной имеющимся условиям научной концепции; это ответственность ее создателей — *ученых-архитекторов*.

В первой половине XX в. после разрушения зданий на японских островах и в Калифорнии было выяснено, что, хотя качество работ исполнителей было на высоте, как и технологии, используемые инженерами, концепция строительства зданий в сейсмически опасных зонах неверна. Это подтолкнуло архитекторов к созданию адекватной теории строительства.

Аналогично, «здание» социологии управления достаточно крепко, если оно опирается на все три хорошо согласующихся друг с другом элемента:

- точный и правильный сбор эмпирических данных — *эмпирию*;
- верифицированную *теорию*;
- адекватную *методологию*.

Однако современная наука — это наука постнеклассическая, в которой на функционирование субъект-объектного отношения оказывает значительное влияние не только избранная исследователем методология, но и его ценности, непосредственно руководящие его деятельностью по исследованию-преобразованию-созданию объекта. Соответственно, это наука, которая допускает параллельное существование нескольких подходов (или по И. Лакатосу — исследовательских программ), каждый из которых, с одной стороны, вносит свой вклад в познание объективной истины, а с другой — имеет свои ограничения [Степин В.С., 2012].

В социологии управления сформировалось несколько таких подходов. Каждый из них можно рассматривать как специфическое единство указанных трех элементов, и каждый из них способен приносить полезные результаты при разработке и реализации управленческих решений, однако они различаются по степени своей универсальности и применимости к управлению современными социальными системами. Проведем краткий анализ некоторых важнейших из этих подходов.

В качестве основы классификации подходов можно положить предложенное американским социологом А. Этциони разделение трех типов власти, используемой в управлении/контроле членов организации: принудительная (в т.ч. под угрозой физических санкций), утилитарная/вознаграждающая (подразумевающая материальные вознаграждения), нормативная (символические вознаграждения). Им соответствуют три типа вовлечения членов организации (отчужденное, расчетливое, моральное соответственно) и три типа организации (принудительные, утилитарные, добровольные соответственно) [Etzioni A., Lehman E.W., 1980].

Упомянутый выше *тейлоризм*, очевидно, относится ко второму типу власти-вовлечения-организации, будучи концепцией, господствовавшей в менеджменте в начале XX в. Поиск эффективных способов экономического стимулирования наемного работника и согласование экономических интересов предпринимателя и наемного работника стало его важнейшей це-

лью. Появление концепции «человеческих отношений» знаменовало собой тенденцию смещения фокуса исследований и управленческого целеполагания к третьему типу власти-вовлечения-организации. Именно с этого момента началась развиваться собственно *социология* управления, поскольку она опиралась не столько на экономические механизмы, но и на нормативные, т.е. социальные механизмы управления. Продолжая и развития логику представлений «школы человеческих отношений», сторонник *коммуитаризма* Этциони видел в них ключ к легитимизации любой власти через общественный моральный диалог, основанный на универсальных моральных ценностях [Этциони А., 2012].

Далее выделим *отечественную системную концепцию управления*. Ее предшественником считается А.А. Богданов, о вкладе которого будет сказано ниже; во второй половине XX в. его принципы в социологии управления реализовывали М.И. Сетров и Н.И. Лапин. Так, М.И. Сетров выделял структурный (взаимосвязь элементов) и функциональный (действия и взаимодействия элементов для достижения цели) аспекты управляемой организацией, два исходных принципа организации системы (принцип совместимости как условие возникновения и принцип сохранения системы (возможность взаимодействия; принцип актуальности выполняемых функций)), а также два аспекта сохранения устойчивости системы: в пределах выполнения наличных функций (гомеостазис), в границах программы ее преобразования (собственно управление системой) [Сетров М.И., 1972].

Н.И. Лапин определяет организацию как гетерогенную социотехническую систему, состоящую из вещных и человеческих компонентов. Совокупность машин и технологии обозначается им как техническая подсистема. Социальные же отношения между работниками — как социальная организация. Центральная научная проблема в анализе второй — это регламентация поведения индивидов (работников). Н.И. Лапин выделяет два типа требований, предъявляемых работнику: ценностные (обоснование цели организации) и нормативные (регулирующие поведение индивида). Важнейший признак управления организацией — формализация отношений, причем наиболее строго в организации регламентируются отношения власти, субордина-

ции и координации, правила приема новых членов и выхода из нее. Методологически Н.И. Лапин исходит из системного анализа, также применяя подход Парсонса, преобразовывая его 4-хкомпонентную систему в 3-хкомпонентную, более соответствующую его теоретическим представлениям [Лапин Н.И., 1974; Лапин Н.И. и др., 1975].

Новой вехой в социологии управления стала концепция «*популяционной экологии организаций*». С одной стороны, она базируется на принципах системного подхода, когда объект управления (в данном случае организация) взаимодействует со средой. С другой стороны, концепция постулирует то, что поскольку внешняя среда может быть различной, то нет идеальной нормативной модели принципов и механизмов управления, которые подошли бы для объектов управления любого типа. «Популяционная экология» организаций в свою очередь базируется на идеях «социальной экологии», отличаясь от традиционного структурно-функционального подхода Дюркгейма, Парсонса и Мертона. «Популяция организаций» рассматривается как совокупность фирм, обладающих гомогенной организационной формой; это организации, которые относительно сходны из-за своей уязвимости перед изменениями среды. «Популяции организаций» в процессе развития группируются в экологических нишах; каждая ниша характеризуется «своими» ресурсами, потребителями, партнерами, конкурентами, регуляторами. В данном подходе внешняя среда, а также другие организации популяции играют детерминирующую роль в процессах ее управления. Эффективное управление организацией зависит от выработки организационных форм и структур, изоморфных (сходных) той экологической нише, в которой она находится. Управленцы должны прилагать усилия для обеспечения адаптации организации путем изоморфной деятельности по изменению стратегий, структур и действий организации, при этом принцип коллективной рациональности всей экологической ниши превалирует над индивидуальной рациональностью отдельных менеджеров [Хэннан М., Фримен Д., 2013]. Ф. Селзник также исходит из необходимости приведения в соответствии «внутреннего состояния» компании (ее социальной структуры) с ее «внешними ожиданиями» (характеристиками внешней среды). Поддерживая свою жиз-

неспособность, организация как социальная система протекают процессы разрастания (появляются новые подразделения), структурного усложнения (отделы, уровни, функции, повышение профессионализма в разных сегментах) и институализации отношений (создание системы правил и норм). Ключевой ему видится проблема дисфункциональности управления в результате разделения общей цели на подцели и их закрепления за подразделениями, которые не видят картину в целом и преследуют интересы своего подразделения, которые в первую очередь может решаться путем формирования благоприятных социальных отношений [Selznick Ph., 1957].

Наконец, в *концепции организационного научения* К. Арджириса организационное поведение понимается как «научение» и представляет собой фиксацию ошибок или аномалий в функционировании организации и дальнейшее их исправление в рамках одинарной петли научения (сохранение текущих норм, процедур и целей) и двойной петли научения (пересмотр норм, процедур и целей). Второй тип научения, как правило, реже используется управленцами и отдельными индивидами в организации, т.к. ошибки второго уровня не попадают в их поле зрения. [Арджирис К., 2004].

Подводя итоги этого обзора, можно, во-первых, отметить тенденцию смещения исследовательского фокуса на изучение тех аспектов деятельности организаций, в которых власть проявляется как нормативная, а вовлечение обеспечивается моральными средствами. Во-вторых, нужно отметить, что практически все указанные подходы социологии управления родились из комплекса идей, имеющих отношение к «всеобщей организационной науке» («тектологии») А.А. Богданова: это и само понятие организованности, и понимание организации как целостности, и уравнивание организации со средой через механизм обратной связи. По мнению авторов, именно тектология формирует наиболее адекватные принципы методологии социологии управления в настоящее время. Попробуем обосновать этот тезис.

Этапы развития методологии

Учение о методах, или *методология*, с эпохи античной преднауки до наших дней в своем развитии прошла, по мнению авторов, три этапа. Эти этапы сменялись, видоизменялись и образовали

три методологии, которые условно можно обозначить как метафизику, диалектику и тектологию. Каждая из них была результатом достижений теории и практики своего времени. Когда менялась человеческая практика, изменялось прежнее знание, прежняя наука и появлялись новые. Вместе с ними возникала новая организация научного знания и новый принцип познания. Предшествующий научный принцип никуда не исчезал, он просто становился частным случаем нового научного принципа. И построенная на старом принципе старая методология, тоже никуда не исчезала, оставаясь в лоне новой, но в тех пределах, в которых она могла адекватно решать свои задачи.

Охарактеризуем эти этапы.

Метафизика возникает в эпоху античности [Философский энциклопедический словарь, 1989, с. 356]. Создателем этой методологии, фиксирующей, каким образом следует мыслить о фундаментальных принципах бытия (в отличие от наук о природе, объединенных позднейшими комментаторами под названием «физика»), является выдающийся мыслитель древности — Аристотель.

Аристотель систематизировал научное знание своего времени [Аристотель, 1981, с. 59–262], а также разработал метод научного мышления, именуемое им «аналитика» [Аристотель, 1978, с. 91–345], который в наше время именуется аристотелевской (или формальной) логикой [Аристотель, 1976, с. 63–368]. Античная преднаука имела в целом теоретический, созерцательный характер, поэтому именно формально-логический метод оказывается здесь основным способом познания.

Не случайно наибольшего уровня развития в античном мире достигла математика, сумевшая кристаллизоваться в первую аксиоматическую теорию — геометрию Евклида, и давшая множество полезных «приложений» — от механики до астрономии.

Главное, что лежало в основе античной преднауки, — принцип *причинности* или *детерминизма*, четко выраженный в виде формально-логического закона достаточного основания.

Детерминизм (от лат. *determino* — определяю) представляет собой «философское учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира. Его ядро — положение о существовании причинности, т.е. такой связи

явлений, в которой одно явление (причина) при определенных условиях с необходимостью порождает другое явление (следствие)» [Философский энциклопедический словарь, 1989, с. 158–159].

Стремление античных мыслителей понять устройство мира не могло быть реализовано иначе, чем через принцип детерминизма. Все в этом мире причинно связано. Если есть точка опоры, то можно, согласно Архимеду, перевернуть весь мир, а можно найти его причину («первооснову»). Альтернативные варианты видения этой причины оформились как материализм и идеализм. Но и то, и другое философское направление основывалось на принципе детерминизма.

Для принципа детерминизма Аристотель дал мыслительный инструмент, разработав логику, которая до сегодняшнего дня называется аристотелевской или формальной.

Обобщив вышеизложенное, скажем, что метафизика — научная методология, разработанная Аристотелем, основанная на принципе причинности, принимающая в качестве главного познавательного инструмента логику. Метафизика представляет собой методологию, исходящую из того, что во всем нужно искать первопричину, действующую как инвариантный (неизменный) фактор или источник следствий.

В целом, опознавательным признаком метафизической методологии в науке является объяснение функционирования любых явлений через одну ведущую причину (или взаимосвязанный комплекс причин). Аналогичным образом и в практической деятельности метафизическая методология принуждает искать одну ведущую причину. Если такая методология в целом оправдывает себя в евклидовой геометрии, классической механике и строительстве, то за пределами их она становится невалидным инструментом. Великий мыслитель XX в. Бертран Рассел говорил: на любой вопрос можно получить ответ, однако вопрос нужно поставить правильно [Russell B., 1946]. По-видимому, в рамках метафизической методологии адекватным образом можно поставить вопрос лишь в отношении достаточно простых систем. Если же в рамках этой методологии пытаться исследовать сложные системы — например, социальные — и принимать управленческие решения в их отношении, то адекватного их понимания и успешного практического их измене-

ния мы не добьемся. Вероятно, неплохой кейс такой неудачной попытки простого объяснения сложного явления — первый этап Хоторнских экспериментов. Как известно, первоначальной целью данных экспериментов было внедрение на заводе «Western Electric» концепции Тейлора. В рамках первичной теоретико-методологической схемы исследователи исходили из предположения, что повышение уровня освещенности в цехе автоматически повысит производительность, но эксперимент не удался. Исследователи были вынуждены констатировать, что на производительность влияют факторы, находящиеся вне их контроля [Бурганова Л.А., Савкина Е.Г., 2007, с. 93]. Добавим, что тейлоризм в целом показал свою ограниченность именно потому, что пытался решить сложнейшую проблему повышения производительности достаточно простым путем — исследуя и контролируя лишь гигиенические факторы и факторы, связанные с экономическим стимулированием.

Впрочем, можно привести и более ранние примеры неадекватных управленческих решений, принятых на основании метафизической методологии, ориентирующей на поиск и практическое применение «одной или немногих причин». В 1666 г. в Лондоне началась эпидемия чумы [Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С., 2021, с. 151–178]. Для проведения санитарных мероприятий руководство города нуждалось в оперативной информации о заболевших и умерших, поэтому были снаряжены отряды счетчиков, которые каждодневно должны были ходить по домам и собирать эту информацию. Было определено количество домов в районе, число счетчиков, которые должны были обойти определенное количество домов в день. Однако руководство столкнулось с тем, что ежедневно доставляемые количественные данные никак не коррелировали друг с другом и не позволяли выявить какую бы то ни было закономерность. Источник этой неразберихи установили: те, кто считал, просто не хотели рисковать, ходя по чумным домам, и фиксировали данные по своему разумению. Таким образом, метод прямого подсчета, исходящий из принципа детерминизма, как и метафизическая методология в целом, показал свою явную ограниченность. На помощь руководству Лондона пришел коммерсант Джон Граунт, предложивший методы, в дальнейшем положенные

в основу статистики и вероятностного исчисления [Кудрявцева Н.Ф., 2014, с. 9]. У Д. Граунта появилось множество последователей: Блез Паскаль, Пьер Ферма, Христиан Гюйгенс, но самый весомый вклад внес Готфрид Лейбниц [Лейбниц Г.В., 1982]. Его математика, как и его философия показали предел применимости детерминизма и открыли путь в новую методологию — диалектическую.

Так, в конце XVIII века методологию метафизики сменила диалектика, включив ее в себя как частный случай.

Диалектика. Во второй половине XVII – начале XIX вв. начинает формироваться новая методология, основанная на анализе множества противоречивых факторов. У вещей не единая причина, а множество. Их столкновение дает не жестко детерминированный результат, а результат в существенной мере случайный. Реальный мир — это постоянная борьба с вероятностным исходом.

Зарождается экономика, историки изучают противоречивое развитие общества, астрономы и геологи начинают рассматривать объекты своей науки не как статичные, а как развивающиеся.

Объединить все эти и другие достижения Просвещения, создав цельную методологическую систему — диалектику, смог выдающийся немецкий мыслитель Георг Вильгельм Фридрих Гегель. На смену принципу детерминизма приходит *принцип противоречия*.

Новая методология основывается на трех фундаментальных законах развития, сформулированных Гегелем:

- единства и борьбы противоположностей;
- перехода количественных изменений в качественные и обратно;
- отрицания отрицания.

Закон единства и борьбы противоположностей, выступающий в качестве «ядра диалектики», является наиболее явным выражением принципа противоречия. По своей сути — это закон борьбы, конкуренции, закон, характеризующий формирование и разрешение конфликтов как в природе, так и в социальных системах. Гегель разработал и новый способ научного познания, логика Аристотеля была дополнена диалектической логикой [Гегель Г.В.Ф., 1975].

Диалектическая методология, основанная на принципе противоречия, весьма позитивно повлияла на развитие науки. Самыми яркими примерами являются «Капитал» К. Маркса [Маркс К., 1960], теория происхождения видов Ч. Дарвина [Дарвин Ч., 2021], а также теория стратегического менеджмента, первоначально возникшая в русле развития военного дела. Так, стратегия, по мнению Карла фон Клаузевица, представляет собой творческую деятельность, направленную на предугадывание будущего, структурирующая перед взглядом исследователя хаос возможностей на основании принципов диалектики. Руководством в таком структурировании может служить критическое мышление, тесно связанное с осознанием того, что реальная жизнь в своем развитии всегда вытесняет крайности и абстрактные планы [Клаузевиц К. фон, 2021].

К концу XIX – началу XX вв. диалектическая методология господствует уже практически во всех науках и оказывает все возрастающее влияние на социологию. В числе проявлений этого — развитие марксистской теории человека и общества в трудах В.И. Ленина, Г.В. Плеханова, Д. Лукача, Э. Блоха, А. Грамши, В. Райха, представителей франкфуртской школы, а также концепция «*синергетической диалектики*» декана социологического факультета Сорбонны, россиянина по происхождению Г.Д. Гурвича [Гергилов Р.Е., 2008]. Г.Д. Гурвич исходил из того, что процессы в социальной онтологии и социальной гносеологии связаны и подобны, хотя диалектика субъективная уступает по содержанию диалектике объективной. Отметим также упомянутую выше концепцию «социальной популяционной экологии» обосновывающие ее эволюционно-биологические аналогии несут на себе печать стихийного диалектического подхода Ч. Дарвина.

Однако относительно роли диалектики как в современной социологии управления, так и в науке в целом у исследователей нет единого мнения. Основная цель критики применимости диалектики в современных социальных и гуманитарных науках — недооценка сторонниками тотальной диалектической системы роли особенного и единичного (и, по крайней мере, в случае абстрактно-всеобщей диалектики с этим отчасти следует согласиться [Орлов В.В., 1995]), а также абсолютизация в диалектике роли борьбы при недооценке роли единства в социальных

и природных системах. Роль единства, целостности, согласованности, организованности для функционирования, развития социальных систем, а также для управления ими, как считается, удалось раскрыть предтече системного подхода и кибернетики А.А. Богданову в рамках третьей, тектологической методологии. У ряда современных специалистов в области социологии управления явно сложилось мнение о том, что диалектика, для которой нет ничего непреодолимого, ставит под угрозу ее важнейший объект — организацию.

Тектология (всеобщая организационная наука).

У этой методологии много имен. Мы в этой статье используем название «тектология». Такое название этой методологии дал ее основатель, ученый, чье имя должно стоять на одном уровне с Аристотелем и Гегелем — Александр Александрович Богданов.

А.А. Богданов, когда-то большевик и друг В.И. Ленина, в 1913 г. опубликовал фундаментальную работу «Тектология» [Богданов А.А., 1989]. В.И. Ленин выступил с острой критикой идей Богданова с позиций диалектического материализма в книге «Материализм и эмпириокритицизм»; хотя критика эта, отметим, касалась в основном не тектологии, а махизма Богданова [Ленин В.И., 1968]. В результате «Тектология» А.А. Богданова в СССР не издавалась до 1989 г.

Однако это произведение оценили на Западе. В 1940-е гг. Людвиг фон Берталанфи озвучивает основные принципы тектологии, обозначив их как «теория систем» [Берталанфи Л. фон, 1969], причем без ссылок на Богданова. В дальнейшем идея системности, организованности — основа тектологии — найдет свое воплощение у многих последователей Богданова: в кибернетике Нормана Винера [Винер Н., 1983], теории диссипативных систем Ильи Пригожина [Пригожин И.Р., 1964], синергетике Германа Хакена [Хакен Г., 1980] и многих других. Найдет она себя и в теории и практике социальных наук.

Суть тектологии коренится в ее главном принципе, *принципе организованности*. Согласно А.А. Богданову, «организованное целое ... практически больше простой суммы своих частей, но не потому, что в нем создавались “из ничего” новые активности, а потому, что его наличные активности соединяются более успешно, чем противостоящие им сопротивление» [Богданов А.А., 1989, с. 117]. На основании

этого принципа и по соотношению целого и суммы частей он выделяет 3 типа организационных комплексов (организованные, неорганизованные, нейтральные). Кроме того, Богданов описывает 2 вида систем: централистические (эгрессия), базирующиеся на центрально-периферийной дифференциации, и «скелетные» (дегрессия), строящиеся на выделении неизменной (скелет) и пластичной частях. Описываются им и этапы развития систем: комплексия, конъюгация, ингрессия, дезингрессия.

В целом идея принципа организованности буквально витала в воздухе в XIX в. [Захаров Н.Л. и др., 2020, с. 109], оказывая большое влияние на социалистов-утопистов и основоположников марксизма [Фурье Ш., 2017; Сен-Симон А., 1948; Маркс К., Энгельс Ф., 1955]. Однако только А.А. Богданов сумел придать ему статус общенаучного принципа. Отметим, что организованность создается и совершенствуется с помощью т.н. регулирующего механизма, в котором ключевую роль играет *обратная связь* со стороны среды; А.А. Богданов трактует его как *подбор* [Богданов А.А., 1989, с. 189–209]. Действие подбора в случае прогрессивного развития системы приводит к устранению системных противоречий. А в чем, как не в прогрессивном развитии организации, в первую очередь, заинтересована социологи управления как теория и практика?

В истории развития социологической науки можно найти довольно много примеров приме-

нения принципа организованности, начиная от идей необходимости морфологического (структурного) и функционального анализа Э. Дюркгейма, и заканчивая ключевыми работами представителей структурного-функционализма Т. Парсонса, Р. Мертона, Э. Шилза и Р. Бейлза, который стал основной метатеорией социологии.

Именно принцип организованности заложен в метаметоде структурного функционализма: социум понимается как структура, связывающая свои элементы и задающая им функции, обеспечивающие существование целого. Для ключевых подходов социологии управления, главным объектом исследований которой являются системы управления, ведущим научным принципом является именно принцип организованности (тектология). Действительно, сложно не обратить внимание на то, что в социологии управления — например, в отечественной системной концепции управления — дезорганизация по необходимости рассматривается как подчиненный момент развития организованности, а идея уравнивания организации с ее средой посредством действия механизма обратной связи — краеугольный камень концепций «системной экологии организаций» и «организационного научения», как и многих других.

Основное содержание трех рассмотренных этапов развития методологии представлены в таблице.

*Развитие методологических принципов
The development of Methodology Principles*

<i>Время, основоположник</i>	<i>Принцип</i>	<i>Способ мышления</i>	<i>Методология</i>	<i>Сфера применения</i>	<i>Социальная парадигма</i>
Античность, Аристотель	Причинности	Формальная логика	Метафизика	Механика, астрономия	Подчинение
Новое время, Г.В.Ф. Гегель	Противоречия	Диалектическая логика	Диалектика	Теория эволюции природы и общества, теория конкуренции	Преобладание
XX–XXI вв., А.А. Богданов	Организованности	Системный анализ	Тектология	Теория самоорганизующихся систем	Согласованность

Модель социологического исследования и совершенствования механизма управления

На основании обсуждавшихся выше методологических принципов петербургские авторы данной статьи предлагают свою модель социологического исследования и совершенствования ме-

ханизма управления в организациях. Эта модель разработана ими на основании практического опыта управленческого консультирования и выглядит следующим образом:

1. Построение существующей схемы структурной композиции исследуемой организации.

1.1. Фиксация регламентированных связей между структурными подразделениями.

1.2. Фиксация регламентированных функций структурным подразделениям.

2. Исследования структурной композиции.

2.1. Исследование реальных связей между структурными подразделениями.

2.2. Исследование реальных функций структурных подразделений.

3. Проект реконструкции организации в соответствии с новыми целями и новыми объективными условиями.

3.1. Создание схемы адекватной структурной композиции.

3.2. План трансформации структурных подразделений и связей между ними.

3.3. План мотивации участия персонала в реконструкции организации.

Следует отметить, что выявление регламентированных (формальных) связей и функций подразделений организации может базироваться на анализе ее ключевых официальных документов (устав, штатное расписание, положения о работе отделов, должностные инструкции и др.), тогда как выявление реальных связей и функций требует более расширенного спектра методов сбора данных (стандартизированного и нестандартного интервью, фокус-групп, наблюдения, эксперимента и пр.). Кроме того, при реализации данной модели следует учитывать упомянутую выше ограниченность методологических подходов.

Если исследование строится в предположении об определяющем воздействии на эффективность организации какого-то одного фактора, эмпирические методы ориентированы на его выявление, а заключения делаются на основании ограниченных источников информации, не противоречащих этим установкам (например, на основании заполнения стандартной анкеты), то признает ли это сам ученый или нет? Он руководствуется принципом причинности, а в основе его исследования лежит методология метафизики. Данная методология может быть валидной, однако только в некоторых, достаточно простых проблемных ситуациях, с которыми сталкивается организация. Отметим, что существующая схема структурной композиции исследуемой организации зачастую может быть описана именно в рамках метафизической методологии. Однако именно потому, что организация сталкивается с определенными проблемами, этот подход может

оказаться не валидным за пределами первого этапа реализации модели.

Если исследование строится в предположении о действии на эффективность организации множества разнонаправленных по действию факторов, соотношение которых меняется со временем, и проводится сравнительный анализ противоположных точек зрения (например, в ходе индивидуальных интервью), то вне зависимости от намерений и деклараций исследователя им используется диалектический принцип противоречия и диалектическая методология. Эта методология включает первую и характеризуется более широкой применимостью. Например, если организация действительно сталкивается с проблемами, которые невозможно осознать и разрешить на основании принципа причинности, то можно ожидать, что при применении диалектической методологии на втором этапе реализации модели удастся выявить противоречия между структурными подразделениями организации и расхождения их функционирования с декларируемой миссией организации.

Если проводится системный анализ всех основных факторов на основании как противоположных, так и взаимосвязанных эмпирических данных, полученных с помощью широкого спектра методов, причем факторы эти рассматриваются как модифицируемые и направляемые самой системой управления на поддержание и развития ее организованности (что может быть осознано и реализовано, например, в ходе организационно-деятельностной игры или стратегической сессии), то используется принцип организованности и тектологическая методология. Развитие организованности в данной социальной системе, благодаря чему и разрешаются противоречия, выявленные в рамках реализации второго этапа модели, — наиболее сложная задача, которая с высокой вероятностью может быть решена только на основе тектологической методологии.

Ранее упоминалась концепции одинарной и двойной петли научения организации, описывающая разрешение ряда управленческих проблем. Таким образом, применение методологии детерминизма, рассматривающей влияние одного фактора на эффективность организации, дает возможность решать проблемы управления только в рамках одинарной петли при сохране-

нии текущих процедур и целей. Применение диалектической методологии позволяет поставить вопрос о том, какие нормы, принципы и процедуры организации, будучи противоречивыми, могут вызвать сбои в управлении, но позволяет их пересмотреть. Это создает определенную основу для выхода на двойную петлю научения, однако в полной мере она проявляется лишь при применении системного подхода и тектологической методологии.

Заключение

Авторы понимают любой подход в социологии управления, способный решать определенные исследовательские и управленческие задачи, как единство эмпирии, определенной теории «среднего уровня» и методологии.

Как и в любой отраслевой социологии, в социологии управления эмпирический материал можно рассматривать как отправную точку исследования, однако следует учитывать важность предсуществующих теоретических предпосылок (в т.ч. философских, этических), на основании которых применяются методы и формируются факты. Эти предпосылки нуждаются в постоянной критической рефлексии, что является важной функцией методологии социологии управления.

По мнению авторов, критический анализ предшествующей методологической системы, осуществленный в рамках Хоторнских экспериментов, можно считать отправной точкой для формирования методологии социологии управления.

Анализируя ключевые подходы социологии управления (тейлоризм, отечественную системную концепцию управления, «популяционная экология» организаций, концепцию организационного научения), авторы отмечают тенденцию смещения исследовательского интереса с изучения тех аспектов деятельности организаций, в рамках которых власть функционирует как экономически вознаграждающая, к тем, в рамках которых власть функционирует как нормативная, а вовлечение обеспечивается моральными средствами. Кроме того, отмечается, что практически все рассмотренные подходы социологии управления связаны с комплексом идей, имеющих отношение к тектологии А.А. Богданова.

Авторы выделяют три этапа развития методологии — метафизический, основанный на принципе причинности, диалектический, основанный на принципе противоречия, тектологический, основанный на принципе организованности; в наибольшей степени соответствующим современному уровню развития и задачам социологии управления авторы считают последний.

В связи с содержанием этих трех этапов развития методологии, авторы из Санкт-Петербурга предлагают собственную трехэтапную модель социологического исследования и совершенствования механизма управления в организациях. В ее рамках декларируемая стратегическая цель (миссия) организации, отраженная в совокупности регламентированных связей и функций структурных подразделений, выявленных в рамках первого этапа, может быть реализована — но не напрямую, а посредством выявления диалектических противоречий — на втором этапе, и поиска путей развития организованности, согласованности связей и функций — на третьем.

Список литературы

- Арджурис К.* Организационное научение. М.: Инфра-М, 2004. 562 с.
- Аристотель.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
- Аристотель.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 687 с.
- Аристотель.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. 613 с.
- Берви-Флеровский В.В.* Положение рабочего класса в России. СПб.: Н.Б. Поляков, 1869. 494 с.
- Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем: критический обзор // Исследование по общей теории систем / общ. ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
- Богданов А.А.* Тектология: Всеобщая организационная наука: в 2 кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. 304 с.
- Бурганова Л.А., Савкина Е.Г.* «Человеческие отношения»: уроки Хоторнского эксперимента // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 3. С. 91–103.
- Вебер М.* Политика как призвание и профессия. М.: Рипол-Классик, 2018. 292 с.
- Вебер М.* Типы господства // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 1(40). С. 31–47.

- Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 4: Господство. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 544 с.
- Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Наука, 1983. 344 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М.: Мысль, 1975. 452 с.
- Гергилов Р.Е.* Теория и методология социологии Г.Д. Гурвича // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 129–137.
- Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора. М.: Азбука, 2021. 704 с.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.
- Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
- Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л., Перфильева М.Б.* Становление современной системы трудовых отношений. Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2020. 168 с.
- Клаузевиц К. фон.* О войне. М.: Эксмо-Пресс, 2021. 160 с.
- Конт О.* Дух позитивной философии. СПб.: Вестник знания (В.В. Битнера), 1910. 80 с.
- Кудрявцева Н.Ф.* Историко-теоретические предпосылки становления эмпирической социологии: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2014. 19 с.
- Латин Н.И.* Проблемы социологического анализа организационных систем // Вопросы философии. 1974. № 7. С. 28–34.
- Латин Н.И., Коржева Э.М., Наумова Н.Ф.* Теория и практика социального планирования. М.: Политиздат, 1975. 197 с.
- Лейбниц Г.В.* Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 636 с.
- Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 18. С. 7–384.
- Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 908 с.
- Маркс К.* Тезисы о Фейербахе. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 1–4.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.
- Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 874 с.
- Орлов В.В.* Особенности современной формы материализма // Новые идеи в философии. Пермь: Изд-во ПГУ, 1995. Вып. 3. С. 5–11.
- Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.
- Пригожин И.Р.* Неравновесная статистическая механика. М.: Мир, 1964. 314 с.
- Сен-Симон А.* Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: 2-я тип. изд-ва АН СССР, 1948. 468 с.
- Сетров М.И.* Основы функциональной теории организации: философский очерк. Л.: Наука, 1972. 164 с.
- Смирнов С.Б., Ордобаев Б.С., Темикеев К.Т., Матмуратов У.У.* Анализ фактов и причин разрушения зданий при землетрясениях // Наука и новые технологии. 2009. № 8. С. 36–39.
- Степин В.С.* Наука и философия // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 58–75.
- Степин В.С.* Научная рациональность в технологической культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 18–25.
- Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С.* История чумных катастроф от древности до Нового времени. М.: Ломоносовъ, 2021. 240 с.
- Тейлор Ф.У.* Принципы научного менеджмента. М.: Контроллинг, 1991. 104 с.
- Философский энциклопедический словарь /* под ред. С.С. Аверинцева, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичева, С.М. Ковалёва и др. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
- Форд Г.* Моя жизнь, мои достижения. М.: МИФ, 2013. 304 с.
- Фурье Ш.* Теория четырех движений и всеобщих судеб. М.: Циолковский, 2017. 396 с.
- Хакен Г.* Синергетика. М.: Мир, 1980. 405 с.
- Хэннан М., Фримен Д.* Популяционная экология организаций // Экономическая социология. Т. 14, № 2. 2013. С. 42–72.
- Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 2. С. 231–517.
- Этциони А.* Коммунитаризм как ключ к мировой легитимности // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал. 2012. № 2(3). С. 100–117.
- Etzioni A., Lehman E.W.* A sociological reader on complex organizations. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1980. 559 p.
- Russell B.* Philosophy for Laymen. 1946. URL: <https://users.drew.edu/~jlenz/br-lay-philosophy.html> (accessed: 29.01.2023).
- Selznick Ph.* Leadership in Administration: a Sociological Interpretation. Evanston, IL: Row, Peterson & Co., 1957. 162 p.

References

- Ardzhiris, K. (2004). *Organizatsionnoe nauchenie* [Organizational learning]. Moscow: Infra-M Publ., 562 p.
- Aristotle (1976). *Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 1* [Collected works: in 4 vols. Vol. 1]. Moscow: Mysl' Publ., 550 p.
- Aristotle (1978). *Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 2* [Collected works: in 4 vols. Vol. 2]. Moscow: Mysl' Publ., 687 p.
- Aristotle (1981). *Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 3* [Collected works: in 4 vols. Vol. 3]. Moscow: Mysl' Publ., 613 p.
- Averintsev S.S., Arab-Ogly E.A., Il'ichev, L.F., Kovalev, S.M. et al. (eds.) (1989). *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 815 p.
- Bertalanffy, L. von (1969). *Obschaya teoriya sistem: kriticheskiy obzor* [General theory of systems: a critical review]. *Issledovaniye po obschey teorii sistem, obshch. red. V.N. Sadovskogo, E.G. Yudina* [V.N. Sadovsky, E.G. Yudin (eds.) Research on general theory of systems]. Moscow: Progress Publ., pp. 23–82.
- Bervi-Flerovskiy, V.V. (1896). *Polozheniye rabochego klassa v Rossii* [The position of the working class in Russia]. St. Petersburg: N.B. Polyakov Publ., 494 p.
- Bogdanov, A.A. (1989). *Tektologiya: Vseobschaya organizatsionnaya nauka: v 2 kn. Kn. 1* [Tectology: General organizational science: in 2 books. Book 1]. Moscow: Ekonomika Publ., 304 p.
- Burganova, L.A. and Savkina, E.G. (2007). [«Human relations»: Lessons from the Hawthorne experiment]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology]. No. 3, pp. 91–103.
- Clausewitz, K. von (2021). *O voyne* [About the war]. Moscow: Eksmo-Press, 160 p.
- Comte, A. (1910). *Dukh pozitivnoy filosofii* [Spirit of positive philosophy]. St. Petersburg: Vestnik Znaniya (V.V. Bitner) Publ., 80 p.
- Darwin, C. (2021). *Proiskhozhdenie vidov putem estestvennogo otbora* [The origin of species through natural selection]. Moscow: Azbuka Publ., 704 p.
- Durkheim, E. (1991). *O razdelenii obschestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the division of social labor. Method of sociology]. Moscow: Nauka Publ., 575 p.
- Durkheim, E. (1995). *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moscow: Kanon Publ., 352 p.
- Engels, F. (1955). [The position of the working class in England]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 2, pp. 231–517.
- Etzioni, A. (2012). [Communitarianism as a key to global legitimacy]. *Politicheskoye upravleniye: nauchnyy informatsionno-obrazovatel'nyy elektronnyy zhurnal* [Political management: Scientific Information and Education Web Journal]. No. 2(3), pp. 100–117.
- Etzioni, A. and Lehman, E.W. (1980). *A sociological reader on complex organizations*. New York: Holt, Rinehart and Winston Publ., 559 p.
- Ford, G. (2013). *Moya zhizn', moi dostizheniya* [My life, my achievements]. Moscow: MIF Publ., 304 p.
- Fourier, Ch. (2017). *Teoriya chetyrekh dvizheniy i vseobshchikh sudeb* [The Theory of the Four Movements and of the General Destinies]. Moscow: Tsolkovskiy Publ., 396 p.
- Gergilov, R.E. (2008). [Theory and methodology of sociology by G.D. Gurvich]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4, pp. 129–137.
- Haken, G. (1980). *Sinergetika* [Synergetics]. Moscow: Mir Publ., 405 p.
- Hannan, M., and Freeman, D. (2013). [Population ecology of organizations]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 14, no. 2, pp. 42–72.
- Hegel, G.W.F. (1975). *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1: Nauka logiki* [Encyclopedia of philosophical sciences. Vol. 1: Science of logic]. Moscow: Mysl' Publ., 452 p.
- Kudryavtseva, N.F. (2014). *Istoriko-teoreticheskie predposylki stanovleniya empiricheskoy sotsiologii: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Historical and theoretical prerequisites for the formation of empirical sociology: Abstract of Ph.D. dissertation]. St. Petersburg, 19 p.
- Lapin, N.I. (1974). [Problems of sociological analysis of organizational systems]. *Voprosy Filosofii*. No. 7, pp. 28–34.
- Lapin, N.I., Korzheva, E.M. and Naumova, N.F. (1975). *Teoriya i praktika sotsial'nogo planirovaniya* [Theory and practice of social planning]. Moscow: Politizdat Publ., 197 p.
- Leibniz, G.V. (1982). *Sochineniya: v 4 t. T. 1* [Works: in 4 vols. Vol. 1]. Moscow: Mysl' Publ., 636 p.
- Lenin, V.I. (1968). [Materialism and empirio-criticism]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: v*

55 t. [Lenin V.I. Complete works: in 55 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 18, pp. 7–384.

Marx, K. (1955). [Theses on Feuerbach].

Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 3, pp. 1–4.

Marx, K. (1960). [Capital. Criticism of political economy. Vol. 1]. Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 23, 908 p.

Marx, K., Engels, F. (1955). [Manifesto of the Communist Party]. Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 4, pp. 419–459.

Merton, R.K. (2006). *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow: AST Publ., Khranitel' Publ., 874 p.

Orlov, V.V. (1995). [Features of the modern form of materialism]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Perm: PSU Publ., iss. 3, pp. 5–11.

Parsons, T. (1997). *Sistema sovremennykh obshchestv* [The system of modern societies]. Moscow: Aspect Press, 270 p.

Prigozhin, I.R. (1964). *Neravnovesnaya statisticheskaya mekhanika* [Non-equilibrium statistical mechanics]. Moscow: Mir Publ., 314 p.

Russell B. (1946). *Philosophy for Laymen*. Available at: <https://users.drew.edu/~jlenz/br-lay-philosophy.html> (accessed 29.01.2023).

Saint-Simon, A. (1948). *Izbrannye sochineniya: v 2 t. T.1* [Selected works: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Leningrad: AS USSR Publ., 468 p.

Selznick, Ph. (1957). *Leadership in administration: a sociological interpretation*. Evanston, IL: Row, Peterson & Co. Publ., 162 p.

Setrov, M.I. (1972). *Osnovy funktsional'noy teorii organizatsii: filosofskiy ocherk* [Fundamentals of the functional theory of organization: philosophical essay]. Leningrad: Nauka Publ., 164 p.

Smirnov, S.B., Ordobaev, B.S., Temikeev, K.T. and Matmuradov, U.U. (2009). [Analysis of the facts and causes of the destruction of buildings during earthquakes]. *Nauka i novye tekhnologii* [Science and New Technologies]. No. 8, pp. 36–39.

Stepin, V.S. (2010). [Science and philosophy]. *Voprosy Filosofii*. No. 8, pp. 58–75.

Stepin, V.S. (2012). [Scientific rationality in technogenic culture: types and historical evolution]. *Voprosy Filosofii*. No. 5, pp. 18–25.

Supotnitskiy, M.V. and Supotnitskaya, N.S. (2021). *Istoriya chumnykh katastrof ot drevnosti do Novogo vremeni* [History of plague catastrophes from antiquity to modern times]. Moscow: Lomonosov Publ., 240 p.

Taylor, F.W. (1991). *Printsipy nauchnogo menedzhmenta* [Principles of scientific management]. Moscow: Kontrolling Publ., 104 p.

Weber, M. (2008). [Types of domination]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society]. Iss. 1(40), pp. 31–47.

Weber, M. (2018). *Politika kak prizvanie i professiya* [Politics as a calling and a profession]. Moscow: Ripol-Klassik Publ., 292 p.

Weber, M. (2019). *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushey sotsiologii: v 4 t. T. 4: Gospodstvo* [Economy and society: essays on understanding sociology: in 4 vols. Vol. 4: Domination]. Moscow: HSE Publ., 544 p.

Wiener, N. (1983). *Kibernetika, ili upravlenie i svyaz' v zhivotnom i mashine* [Cybernetics, or control and communication in the animal and the machine]. Moscow: Nauka Publ., 344 p.

Zakharov, N.L., Kuznetsov, A.L. and Perfil'eva, M.B. (2020). *Stanovlenie sovremennoy sistemy trudovykh otnosheniy* [Formation of the modern system of labor relations]. Izhevsk: IzSTU Publ., 168 p.

Об авторах

Захаров Николай Львович

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой экономики и финансов

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; e-mail: znl29@mail.ru
ResearcherID: AAF-1461-2021

About the authors

Nikolay L. Zakharov

Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Sectoral Economics and Finance

Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, Moika river emb., Saint Petersburg, 191186, Russia; e-mail: znl29@mail.ru
ResearcherID: AAF-1461-2021

Кузнецов Андрей Леонидович

доктор экономических наук, профессор,
директор института цифровой экономики

Ижевский государственный технический
университет им. М.Т. Калашникова,
426069, Удмуртская Республика, Ижевск,
ул. Студенческая, 7;
e-mail: alkuznetsov_63@mail.ru
ResearcherID: AAC-4155-2021

Воронцов Алексей Васильевич

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48;
e-mail: vorontsov@ Herzen.spb.ru

Перфильева Марина Борисовна

доктор социологических наук, доцент

профессор кафедры социологии
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48;

профессор кафедры философии
и общественных наук

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24

e-mail: perfileva_mb@pspu.ru
ResearcherID: DKR-1165-2022

Прокофьева Алена Викторовна

старший преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: prokofyeva.alena@gmail.ru
ResearcherID: GLR-4259-2022

Внутских Александр Юрьевич

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: avnut@inbox.ru
ResearcherID: R-3075-2017

Andrey L. Kuznetsov

Doctor of Economics, Professor,
Director of the Institute of Digital Economy

Kalashnikov Izhevsk State Technical University,
7, Studentskaya st., Izhevsk, Udmurt Republic,
426069, Russia;
e-mail: alkuznetsov_63@mail.ru
ResearcherID: AAC-4155-2021

Alexey V. Vorontsov

Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of Sociology

Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, Moika river emb., Saint Petersburg,
191186, Russia;
e-mail: vorontsov@ Herzen.spb.ru

Marina B. Perfileva

Doctor of Sociology, Docent

Professor of the Department of Sociology,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, Moika river emb., Saint Petersburg,
191186, Russia;

Professor of the Department of Philosophy
and Social Sciences,
Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;

e-mail: perfileva_mb@pspu.ru
ResearcherID: DKR-1165-2022

Alyona V. Prokofyeva

Senior Lecturer of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: prokofyeva.alena@gmail.ru
ResearcherID: GLR-4259-2022

Alexander Yu. Vnutskikh

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: avnut@inbox.ru
ResearcherID: R-3075-2017

УДК 316.36

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-268-283>

Поступила: 20.01.2023

Принята: 22.03.2023

Опубликована: 07.07.2023

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ: МЕЖДУ БИОЛОГИЧЕСКОЙ И ПРИЕМНОЙ СЕМЬЕЙ

Бессчетнова Оксана Владимировна

Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ) (Москва)

В статье представлен обзор современных зарубежных эмпирических исследований, отражающих влияние контактов биологических родителей с детьми, помещенными в приемную (фостерную) семью, на их социальное благополучие. Проанализированы мнения основных участников, включенных в организацию, сопровождение, контроль и непосредственный процесс общения биологических родителей и детей, переданных на воспитание в приемную семью, выявлен конфликт интересов сторон, обуславливающий амбивалентность и неоднозначность их отношения к взаимодействию. Противоречивые данные, полученные исследователями в разных странах, говорят о сложности рассматриваемой проблемы, субъективном характере принятия решений, отсутствии нормативно-правового регулирования вопроса в ряде стран, четко выработанных критериев оценки ситуации, а также необходимости проведения дальнейших научных исследований данной проблемы. Вместе с тем процесс принятия решения, с одной стороны, не должен нарушать хрупкий баланс взаимоотношений членов приемной семьи, а с другой, призван активизировать участие биологических родителей в жизни собственных детей в ближайшей и среднесрочной перспективе; создать условия и предпосылки для продолжения их конструктивного взаимодействия для потенциального воссоединения после достижения ребенком совершеннолетия. Сделан вывод об отсутствии четко выработанных критериев оценки ситуации, размытости нормативно-правового поля, субъективизме при принятии решений и необходимости дальнейшего изучения проблемы для поиска эффективных технологий ее решения.

Ключевые слова: биологическая семья, приемная семья, биологические родители, приемные родители, приемные дети, дети, оставшиеся без попечения родителей, социальное благополучие, социальное взаимодействие, детство, социология детства.

Для цитирования:

Бессчетнова О.В. Социальное благополучие детей, оставшихся без попечения родителей: между биологической и приемной семьей // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 2. С. 268–283.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-268-283>

SOCIAL WELL-BEING OF CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE: BETWEEN BIOLOGICAL AND FOSTER FAMILY

Oksana V. Besschetnova

Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH) (Moscow)

The article provides an overview of modern foreign empirical studies that explore the influence of contacts of biological parents with children placed in a foster family on the social well-being of the latter. The opinions of the main participants involved in the organization, support, control, and the direct process of communication between biological parents and foster children are analyzed. The paper reveals a conflict of interests of the parties, which causes ambivalence and ambiguity of their attitude to the interaction process. Contradictory data obtained by researchers in different countries indicate the complexity of the problem due to the subjective nature of decision-making, the lack of legal regulation of the issue in a number of countries, unclearly developed criteria for assessing the situation, and the need for further scientific research on this problem. Importantly, the decision-making process, on the one hand, should not destroy the delicate balance of relations between members of the foster family, and, on the other hand, is supposed to enhance the participation of biological parents in the lives of their own children in the short and medium term, to create conditions and prerequisites for the continuation of their constructive interaction for a potential reunion after the child reaches the age of majority. It is concluded that there are no clearly developed criteria for assessing the situation, the paper notes the fuzziness of the legal framework, subjectivity in decision-making, and the need for further study of the problem in order to find effective technologies for solving it.

Keywords: biological family, foster family, biological parents, foster parents, foster children, children without parental care, social well-being, social interaction, childhood, sociology of childhood.

To cite:

Besschetnova O.V. [Social well-being of children without parental care: between biological and foster family]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 2, pp. 268–283 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-268-283>

Введение

Детство и родительство как компоненты внутрисемейных интеракций встроены в ткань общественных макроотношений и обусловлены историко-временным контентом, который детерминирует функционирование семьи как социального института, определяет наиболее распространенные родительские практики, приемлемые методы воспитания и социализации детей. Детство определяется как выраженная в действиях и языке совокупность объектов, событий, процессов, социальных институтов и социальных практик в отношении детей; эта совокупность формируется и поддерживается обществом, а также постоянно возобновляется

в процессе жизнедеятельности детей, которые осваивают социальные нормы и интегрируются в социум [Mundt B., 1973].

Долгое время существующий патерналистский (традиционный) подход в социологии к изучению детства, который опирался лишь на мнения взрослых и практически не принимал в расчет позиции и «голос» самих детей, постепенно меняется, чему способствовали исследования Э. Джеймса, Й. Квортрупа, А. Праута [James A., Prout A., 1997; *Childhood Matters...*, 1994], которые позволили преодолеть нормативистские суждения в отношении детей и уровень их социальный статус со статусом взрослых на основе трех принципов: во-первых, дет-

ство выступает политическим и культурным конструктом, а не естественным феноменом; во-вторых, дети являются реальными, а не номинальными акторами в социальном пространстве и, в-третьих, дети обладают правосубъектностью, т.е. имеют «право голоса».

Современные отечественные исследователи в области социологии детства (А.А. Бесчастная, Е.А. Колосова, С.Н. Майорова-Щеглова, С.Ю. Митрофанова) рассматривают детство комплексно и многогранно, одновременно как социальное (макроуровень) и индивидуальное явление (микроуровень); диахронический (этап развития с ориентацией на взрослость) и синхронический феномен (совокупность детских сообществ, существующих параллельно во времени и пространстве, в основе разделения которых лежат социально-классовые, семейно-брачные, гендерные, возрастные, этнические, территориально-поселенческие, религиозные, культурные и другие отличия); его эволюционное (историческая изменчивость) и структурное содержание (положение ребенка в общественной системе отношений) с акцентом на социальном благополучии современных детей, их субъективного самочувствия и степени удовлетворенности жизнью [Бесчастная А.А., 2018; Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А., 2018; Майорова-Щеглова С.Н., Митрофанова С.Ю., 2017].

Стандартом оценки детского благополучия на международном уровне признана разработанная Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ) трехуровневая структура детского благополучия, измеряемая на уровне индивида, отношений и среды. Одним из основополагающих индикаторов благополучия детей, проживающих в приемной семье, являются их отношения с биологическими родителями.

Дети, живущие вне своей биологической семьи, представляют собой группу социального риска, чье благополучие находится под угрозой вследствие целого ряда субъективных и объективных факторов, от индивидуально-личностных на микроуровне до дискриминации и социальной эксклюзии на макроуровне, что препятствует их дальнейшей социальной адаптации в обществе [Besschetnova O.V., 2019].

К сожалению, в отечественной социологии детства изучению данного типа детско-родительских отношений уделено недостаточно

внимания, что приводит к необходимости обращения к зарубежному опыту, результатам эмпирических исследований, существующих в мировой науке. В связи с этим целью данной статьи является обзор современного зарубежного опыта, отражающего влияние контактов биологических родителей с детьми, изъятыми из семьи, на их социальное благополучие.

Обзор исследований, посвященных процессу взаимодействия родителей с детьми, проживающими вне своей биологической семьи, показывает отсутствие единства среди всех заинтересованных участников, обнаруживая конфликт интересов каждого из них, что позволяет отнести их либо к сторонникам, либо к противникам встреч биологических родителей и детей, проживающих в приемной семье. Поэтому, на наш взгляд, необходимо изучить мнение каждой из сторон, опираясь на аргументы, подкрепленные полевыми социологическими данными.

Мнение ученых

На основании анализа результатов исследований зарубежных ученых за последние двадцать лет, посвященных изучаемой проблеме, можно констатировать существование полярных точек зрения экспертов на вопрос о необходимости и желательности встреч биологических родителей с детьми, переданными на воспитание в приемную семью, которые ранжируются от «необходимых» до «бесполезных» и даже «причиняющих вред».

Сторонники, поддерживающие позитивное влияние встреч детей, проживающих в приемных семьях, с их биологическими родителями [Cantos A.L. et al., 1997; Ellenbogen S., Wewerle C., 2008; McWey L.M., Mullis A., 2004], аргументируют свою позицию возможностью сохранения детьми индивидуальной и социокультурной идентичности; поддержания родственных связей с расширенной семьей; улучшения психологического состояния; снижения количества нарушений поведения, в отличие от детей, которых навещали редко или не навещали совсем; более эффективной способностью формирования взаимоотношений с другими людьми; повышения вероятности возвращения в родную семью.

В ходе Национального исследования детского и подросткового благополучия (National Survey of Child and Adolescent Well-Being), в

котором приняло участие 5 тыс. американских детей-получателей социальных услуг, была выделена подгруппа несовершеннолетних 7–16 лет, проживающих вне своей биологической семьи не менее шести месяцев ($n = 362$), 54 % из которых девочки, 46 % — мальчики; по расовому признаку, 40 % афро-американцы, 45 % — белые, 8 % — американские индейцы, 2 % — азиаты, 5 % представители других этнических групп. В процессе опроса детей, опекунов и специалистов установлено снижение уровня депрессии и поведенческих проблем в ходе регулярного общения с биологическими родителями, особенно у девочек [McWey L.M. et al., 2010].

Противники встреч, опираясь на данные эмпирических исследований, указывают на отрицательное влияние контактов детей с их биологическими родителями. Основными доводами в пользу ограничения выступают: 1) *с позиции ребенка*: высокий уровень стресса до и после визита; ухудшение состояния, регресс в развитии в связи с несостоявшейся встречей; нестабильность ситуации; негативные переживания прошлого опыта, часто связанного с насилием; преодоление негатива, проявляемого биологическими родителями по отношению к приемной семье и сотрудникам социальных служб; отстраненность детей в процессе общения; 2) *с позиции приемных родителей*: стресс; боязнь потерять доверие, авторитет; нарушение привязанности; дисбаланс детско-родительских отношений между членами приемной семьи; дезадаптация; 3) *с позиции биологических родителей*: недостаток предварительной информации о ребенке; чувство постоянного и чрезмерного контроля со стороны сотрудников социальных служб и приемных родителей; короткий период общения, искусственные условия среды, не позволяющие проявить чувство привязанности и любви; невозможность повлиять на ситуацию, беспомощность.

W. Haight и коллеги [Haight W. et al., 2001] выявили высокий уровень ненормативного поведения, снижение уровня адаптации и совладания со стрессом у подростков после визитов их родителей. Однако следует принимать во внимание тот факт, что большинство приемных детей имели опыт жестокого обращения в биологической семье; у 85 % из них констатированы психологические и психиатрические нару-

шения здоровья, что значительно превышает аналогичные показатели их сверстников в общей популяции [Holtan A. et al., 2005; Mennen F.E., O’Keefe M., 2005; Van Holen F. et al., 2020]. Треть детей, проживающих в приемных семьях, испытывала стресс при общении со своими биологическими родителями. По окончании встреч многие дети и подростки отмечали чувство разочарования, потери, неловкости, непонимания причин, препятствующих возвращению домой [Neil E. et al., 2003; Poitras K. et al., 2022].

Помимо сторонников и противников встреч, в ряде работ не зафиксировано какой-либо зависимости между наличием/отсутствием общения с биологическими родителями и благополучием детей, помещенных в приемную семью. Примером может служить исследование норвежских ученых S. Fossum, S.A. Vis и A. Holtan, объектом изучения которого являлись дети 4–13 лет, находящиеся под опекой родственников или в приемных семьях ($n = 203$). Средний возраст детей, изъятых из биологической семьи, составлял 2,3 года; на момент проведения исследования они проживали в замещающих семьях в среднем 5,4 лет; 44,8 % детей прежде имели опыт проживания в другой замещающей семье. Средний возраст приемных родителей варьировался в пределах 45,8 лет (матери) и 47,1 лет (отцы). Основными методами сбора данных являлись интервьюирование и опрос приемных родителей [Fossum S. et al., 2018]. В ходе исследования было установлено, что 47,8 % детей имели как минимум ежемесячные контакты с родными матерями, в 21,6 % случаев — с отцами; вместе с тем 7,4 % матерей и 41,2 % отцов никогда не навещали детей в приемной семье. Тем не менее, уровень психического состояния детей, навещаемых и не навещаемых биологическими родителями, зафиксирован примерно на одном уровне. Это подтверждается и результатами исследования C. Rich, которая в ходе изучения 64 американских детей и подростков в возрасте 6–18 лет при взаимодействии с биологическими родителями не выявила никакого существенного влияния на их психологическое здоровье, возникновение интернальных и экстернальных проблем [Rich C., 2010].

Следует обратить внимание на тот факт, что в некоторых случаях контакты детей с родите-

лями запрещены решением суда из-за угрозы жизни и здоровью несовершеннолетних. Тем не менее в век современных компьютерных технологий биологические родители могут общаться с ребенком не только непосредственно, но и опосредованно, через мобильный телефон, социальные сети и мессенджеры (Skype, Viber, Watsup, пр.), что снижает возможность мониторинга контактов со стороны социальных служб и приемных родителей/опекунов, а при определенных обстоятельствах такое общение может быть небезопасно для ребенка.

В целом, следует отметить противоречивость мнений экспертного сообщества относительно данных, полученных в разных странах, что требует проведения дальнейших научных исследований по данной проблеме.

Мнение сотрудников по охране детства

Изучение современной научной литературы позволяет констатировать, что в большинстве случаев организация встреч детей с биородителями негативно оценивается социальными работниками и другими представителями защиты прав детей из-за нарушения баланса системы приемной семьи, статусов и ролей, появления выраженных симптомов стресса у детей до и сразу после общения с биологическими родителями; недостатка организации и подготовки встреч, низкой квалификации персонала, размытости терминологии. В качестве дополнительных причин указывались: необходимость привлечения дополнительных ресурсов, в частности, поиск транспорта, согласование времени и места встречи, проведение переговоров со всеми заинтересованными сторонами, урегулирование конфликтов и т.д., что на практике приводит к снижению частоты встреч или их откладыванию на неопределенный срок.

J. Morrison, F. Mishna, C. Cook и G. Aitken на основе интервью с сотрудниками социальных служб ($n = 36$) делают вывод о том, что основными мотивами при организации встреч детей с биологическими родителями служат следующие: «необходимость исполнения решения суда», «возможность показать детям реальную ситуацию», чтобы дети «не ставили своих биородителей на пьедестал», убеждение родителей добровольно отказаться от родительских прав для получения ребенком статуса сироты, что дает возможность дальнейшего усыновления,

получения социальных льгот и выплат. Специалисты из разных стран, работающие с приемными семьями и детьми, выражают амбивалентное отношение к данным встречам, т.к., с одной стороны, они дают детям ложную надежду на возвращение домой, а неоправданные ожидания впоследствии вызывают гнев, разочарование и напряжение в отношениях (58 % детей надеются на возвращение в родную семью, 74 % — на улучшение ситуации), с другой стороны, регулярное общение позволяет детям объективно оценить своих родителей, без излишней их идеализации [Morrison J. et al., 2011].

В международном исследовании, проведенном J. Boddy и соавторами в Великобритании, Дании, Франции и Нидерландах, было установлено, что препятствием для организации встреч является конфликт интересов между потребностями ребенка/детей и биологических родителей [Boddy J. et al., 2013]. Несмотря на принятие Закона о детях в Англии в 1989 г., направленного на поощрение воссоединения членов кровной семьи, в ряде случаев восстановленные биологические семьи оказываются несостоятельными, неспособными к совместному проживанию, не соответствуют стандартам безопасности, стабильности и благополучия как важных составляющих детской социализации [Biehal N. et al., 2015].

В настоящее время выделяют следующие паттерны общения биологических родителей с детьми, проживающими в приемных семьях: 1) регулярные и частые; 2) регулярные и нечастые; 3) редкие; 4) отсутствие встреч [Browne D., Moloney A., 2002]. По мнению специалистов по охране детства, контакты детей с биологическими родителями три раза в неделю и чаще препятствуют их социальной адаптации в приемной семье, могут служить поводом для конфликтов и смене места жительства. Поэтому при принятии решения о количестве и частоте встреч необходимо руководствоваться индивидуальным подходом на основе мониторинга состояния ребенка с учетом всех обстоятельств конкретного случая [Kiraly M., Humphreys C., 2013].

По мнению австралийских ученых S. Taplin, T. Bullen, M. McArthur, C. Humphreys, M. Kertesz, T. Dobbins, целенаправленное, запланированное управление процессом взаимодействия родителя и ребенка позволит усилить психоло-

гическую стабильность и безопасность несовершеннолетнего, подготовить его к встрече, минимизировать уровень стресса, улучшить детско-родительские отношения, снизить количество отмененных встреч [Taplin S. et al., 2015].

Вопрос о профессиональной квалификации сотрудников социальных служб и уполномоченных по охране детства, осуществляющих организацию и сопровождение встреч биологических родителей и детей, является одним из ключевых во многих исследованиях. Например, в Онтарио (Канада) большинство специалистов не имеют профессиональной подготовки по организации и осуществлению контроля за ходом общения биологических родителей и детей. Их основная цель заключается в фиксации реакций детей на слова и действия родителей, обеспечение их общей физической и психологической безопасности [Morrison J. et al., 2011].

Напротив, американские исследователи отмечают большое разнообразие требований, предъявляемых к организации подобных визитов, которые различаются от штата к штату. Однако менее трети штатов обязывают социальных работников предоставлять сведения о частоте контактов приемных детей с их биологическими родителями [Nesmith A., 2015], в остальных штатах положения и инструкции, регламентирующие порядок их организации, отсутствуют, что заставляет специалистов полагаться на собственные субъективные оценки, симпатии и антипатии, выступая последней инстанцией, за которой остается принятие судьбоносных решений. Кроме того, если в одних штатах четко регламентировано минимальное количество посещений, в других ограничиваются размытой формулировкой «как можно чаще».

В США действуют супервизорские программы по организации встреч биологических родителей и детей, проживающих в замещающих семьях (Supervised visitation programs). Они направлены на предоставление биологическим родителям возможности общения со своими детьми под наблюдением супервизоров, в качестве которых выступают социальные работники, инспекторы по охране детства или волонтеры. Первоначально такие программы были введены в 1980-х гг. для супругов, находящихся в ситуации развода или раздельного проживания, где дети не имели возможности взаимодействовать с одним из родителей без

вмешательства «третьей стороны». Если в 1995 г. в США насчитывалось 56 таких программ в 28 штатах, то к 2007 г. их количество возросло до 552 [Crook W.P., Oehme K., 2007].

Программа включает следующий набор услуг: индивидуальную, групповую и терапевтическую супервизию, позволяющую оказать специализированную помощь биологическим родителям; супервизию замещающей семьи; мониторинг телефонных переговоров детей с родителями, лишенными родительских прав, обучение их педагогическим навыкам. Контингент участников программы включает родителей, обвиненных в семейном насилии, больных алкоголизмом/наркоманией, имеющих отклонения в психическом здоровье, не обладающих навыками по уходу и воспитанию детей, подвергающих жизнь и здоровье детей опасности. Например, штат Флорида является одним из лидеров по количеству таких программ, где в 1998 году были разработаны стандарты, регламентирующие нормы и правила поведения, обучение персонала, введение и использование универсальной терминологии.

Вместе с тем в настоящее время в отечественной и зарубежной практике отсутствуют четко разработанные и утвержденные критерии, позволяющие оценить качество взаимоотношений биологических родителей с детьми, помимо общих принципов безопасности. На основе анализа исследований зарубежных авторов нами были выделены индикаторы, влияющие на частоту встреч детей с их родителями: 1) возраст ребенка: чем младше ребенок, тем чаще количество встреч; 2) расовая принадлежность: белых детей навещают реже, чем афроамериканцев; 3) национальность: детей из Пакистана, Бангладеш, Индии навещают чаще, чем детей из Китая и Латинской Америки; 4) тип жестокого обращения: дети, помещенные в приемные семьи из-за пренебрежения их нуждами, реже встречаются с биологическими родителями, по сравнению с детьми, пострадавшими от физического или сексуального насилия [Davis I.P. et al., 1996]; 5) тип семейного устройства: детей, проживающих в опекунах семьях, навещают чаще, чем в приемных семьях из-за меньшего числа бюрократических барьеров, неформальных взаимоотношений с родственниками, семейных связей; 6) качество взаимоотношений приемных и биологических

родителей (от их отсутствия до непримиримой оппозиции); 7) уровень образования биологических родителей и степень их вовлеченности в процесс воспитания собственных детей; 8) субъективная оценка необходимости организации встреч со стороны сотрудников социальных служб и приемных родителей; 9) место встречи (в семье или на нейтральной территории), что требует привлечения дополнительных ресурсов и часто служит причиной отсутствия, перенесения визитов, сокращения их частоты или времени.

Таким образом, наличие нормативно-правовой базы, методического регулирования, квалификация и профессионализм специалистов социальной работы, их личностные и социокультурные особенности, социально-демографические характеристики детей, причины их изъятия из семьи, взаимоотношения биологических и приемных родителей выступают теми условиями, от которых во многом зависит процесс принятия решений, влияющий на частоту и качество организации встреч.

Мнение приемных родителей

Большинство приемных родителей наряду со специалистами и экспертами негативно относятся к посещениям приемных детей их биологическими родителями, мотивируя это ухудшением поведения подопечных [Moyers S. et al., 2006], трудностями социальной адаптации к условиям приемной семьи; агрессивным, неадекватным поведением биологических родителей [Bailey M., 1999], возникновением повторной психологической травматизации детей, особенно в случаях жестокого обращения в прошлом; возникновением ситуации выбора между приемной и биологической семьями [Crook W.P., Oehme K., 2007]. S.J. Leathers считает, что если ребенок имеет крепкие взаимоотношения как с приемными, так и с биологическими родителями, то он демонстрирует высокий уровень конфликтности [Leathers S.J., 2003; Chateaneuf D. et al., 2018].

В масштабном опросе, проводимом среди замещающих родителей ($n = 1405$), который имел место в Великобритании, одна пятая респондентов заявила об отсутствии качественного сопровождения встреч детей с их биологической семьей со стороны социальных служб; три четверти опрошенных отметили те или иные

проблемы во взаимоотношениях биологических и приемных родителей [Austerberry N. et al., 2013]. При этом авторы исследования обращают внимание на тот факт, что продуманная координация действий сотрудников учреждений социальной защиты рассматривается всеми субъектами как важный и необходимый источник, снижающий враждебность и взаимную неприязнь сторон, и создает условия для принятия компромиссных решений. Кроме того, приемные родители, доброжелательно настроенные к членам биологической семьи приемного ребенка, могут выступать важным ресурсом, который позволит улучшить детско-родительские отношения, укрепить эмоциональные и семейные связи.

Результаты исследования L. Hedin в Швеции подчеркивают важность позитивного сотрудничества приемных и биологических родителей, позволяя последним проводить больше времени со своими детьми, поскольку в большинстве случаев дети утрачивают контакты с замещающей семьей после достижения совершеннолетия и стихийно возвращаются к биологическим родителям [Hedin L., 2015].

К наиболее частым претензиям приемных родителей можно отнести следующие: недовольство по поводу отсутствия заранее согласованного графика предстоящих визитов биологических родителей; скудность и изменчивость информации о частоте, времени и месте их проведения; непредвиденное корректирование планов, что приводит к недоразумениям, разочарованию, взаимным претензиям и конфликтам; отстранение от процесса общения, боязни потерять контроль над ситуацией. Большинство из них не испытывают желания взаимодействовать с биологическими родителями приемного ребенка ни очно, ни заочно (по телефону).

Мнение биологических родителей

С позиции биологических родителей, процесс общения с детьми, которых передали в замещающую семью, требует значительных усилий. Многие из них отмечают негативное отношение к себе со стороны членов приемной семьи и сотрудников социальных служб. Кроме того, отсутствие полной информации о ребенке, его жизни в приемной семье не позволяет родителю понять мотивы его поступков, чувства и пе-

реживания, отношение к членам биологической семьи и себе самому. В то же время биологические родители переживают чувство потери идентичности, беспомощность, недостаток социальной и профессиональной поддержки; подвержены изоляции и осуждению окружающих из-за того, что их дети воспитываются вне семьи. Многие из них страдают от алкоголизма, наркомании, депрессии, семейного насилия, не имеют собственного жилья, работы, проживают в условиях бедности, что приводит к деструктивному и агрессивному поведению в результате отчаянных попыток изменить ситуацию к лучшему.

Конструктивные, доверительные взаимоотношения с сотрудниками системы социальной защиты позволяют родителям более активно принимать участие в воспитании собственных детей, дают возможность на изменение образа жизни, восстановлению родительских прав.

По мнению британских исследователей G. Schofield и E Ward, биологические родители выражают желание общаться со своими детьми, получать о них информацию, даже несмотря на отсутствие возможности их возврата в родную семью [Schofield G., Ward E., 2010]. Результаты опроса родителей, чьи дети проживают вне биологической семьи, относительно частоты контактов, представлены в табл. 1.

Таблица 1. Результаты опроса родителей о частоте контактов с детьми, проживающими в приемной семье

Table 1. Results of a parent survey on the frequency of contact with children, living in foster care

Частота контактов с детьми	Мать (n = 432), %	Отец (n = 346), %
Никогда	22	52
Ежемесячно	19	19
Каждую неделю	45	15
Ежедневно	14	14

Из табл. 1 следует, что дети чаще общались с матерью, чем с отцом; в 45 % случаев их контакты были еженедельными. Более половины отцов никогда не навещали родных детей в приемной семье.

Вместе с тем подавляющее число биологических родителей выражают гипотетическое желание больше общаться со своими детьми, на что указывают данные, представленные в табл. 2.

Таблица 2. Желаемое число контактов родителей с биологическими детьми

Table 2. Desirable number of parental contacts with biological children

Частота контактов с детьми	Мать (n = 432), %	Отец (n = 346), %
Меньше, чем в настоящее время	8	13
То же самое количество	29	28
Больше, чем в настоящее время	63	59
Меньше, чем в настоящее время	8	13

Важно отметить, что недостаток мотивации биологических родителей, амбивалентность чувств, страх вновь не справиться с ответственностью по воспитанию детей приводит к срывам (жестокому обращению, злоупотреблению или пренебрежению родительскими обязанностями, запоем) и повторному возвращению детей в систему институционализации или новую приемную семью. В связи с этим биологические родители нуждаются в поддержке и квалифицированном сопровождении со стороны специалистов социальных служб при организа-

ции контактов с родными детьми [Cha-teauneuf D. et al., 2018].

В зависимости от кратко- и долгосрочных целей реабилитации семьи после изъятия детей, специалистами социальных служб избирается стратегия действий, направленная либо на возвращение детей биологическим родителям после устранения или минимизации существующих проблем, либо на поиск постоянного местожительства для ребенка при невозможности возврата в родную семью [Sità C., Mortari L., 2022; Barndomsstudier i norsk kontekst..., 2021].

В первом случае организация контактов биологических родителей с детьми, вовлечение в процесс их воспитания не вызывает сомнений, поэтому социальные работники прикладывают максимум усилий по реабилитации и восстановлению семьи. Во втором случае поднимается вопрос о целесообразности подобных встреч, т.к. ребенок может быть передан в приемную семью далеко от места жительства его родителей, в связи с чем оказание помощи часто носит формальный характер, а многие востребованные услуги (лечение депрессии, алкоголизма/наркомании и др.) предоставляются невовремя и не в полном объеме.

Согласно Е. Murphy и А. Fairtlough, наиболее эффективными технологиями работы с биологическими родителями являются следующие: юридическая, финансовая и психотерапевтическая помощь; занятия для родителей, направленные на повышение их психолого-педагогических знаний и компетенций, формирование у них навыков присмотра и ухода за детьми до пяти лет; информирование о доступных видах социальных ресурсов. Вместе с тем критический взгляд на существующие программы выявляет их недостатки: краткосрочность, односторонняя направленность на малолетних детей, внезапное прекращение посещений без каких-либо объяснений [Murphy E., Fairtlough A., 2015; Zeijlmans K. et al., 2018].

Мнение детей, проживающих в приемных семьях

Для большинства детей общение с биологическими родителями является одним из главных приоритетов и зависит от целого ряда обстоятельств. Во-первых, от типа замещающей семьи: детей, проживающих под опекой родственников, навещают чаще, чем воспитанников из приемных семей; во-вторых, от группы здоровья: дети с ограниченными возможностями реже встречаются с родственниками по сравнению со здоровыми детьми.

Согласно норвежскому законодательству, количество и частота встреч приемных детей с их биологическими родителями юридически регламентированы и выступают одним из основных аргументов при вынесении постановлений суда о возвращении детей в семью. Так, в решении Верховного суда Норвегии содержится указание на то, что дети и их биологические роди-

тели должны встречаться не менее 4–6 раз в год [Fossum S. et al., 2018]. Федеральное законодательство США рекомендует контакты детей, проживающих вне своей биологической семьи, с родителями при любых условиях соблюдения безопасности [McWey L.M. et al., 2010]. В Австралии также законодательно предусмотрено общение биологических родителей и детей при условии отсутствия угрозы жизни и здоровья последних [Taplin S. et al., 2015].

По статистическим данным, в Онтарио (Канада) около 95 % детей, оставшихся без попечения родителей, имеют возможность общаться со своими родителями [Morrison J. et al., 2011]. В Австралии 56–94 % детей, проживающих в замещающих (опекунских или профессиональных приемных) семьях, регулярно поддерживают контакты со своими биологическими родителями в присутствии уполномоченных на то лиц [Bullen T. et al., 2015]. В США подростки в возрасте 10 лет отмечают наличие контактов с матерью в 84 % случаев и с отцом — в 44 % за последние девять месяцев [Nesmith A., 2015]. В Португалии две трети детей, помещенных в приемные семьи, поддерживают контакты с членами биологической семьи [Delgado P. et al., 2016].

Результаты опроса американских детей и подростков 6–17 лет ($n = 452$), из которых 49 % — мальчики, 51 % — девочки, переданные на различные формы устройства (50 % — в приемных семьях; 37 % — в опекунских; 23 % — в интернатных учреждениях для детей-сирот), показывают, что 59 % из них общались со своими биологическими матерями не менее одного раза в неделю (45 % еженедельно, 14 % — ежедневно); 29 % отмечают, что общаются со своими отцами с той же частотой, в то время как 52 % респондентов заявили об отсутствии каких-либо взаимоотношений. На вопрос: «Хотели ли бы Вы чаще встречаться со своими родителями?», большинство подростков ответили утвердительно: 63 % хотели иметь больше контактов с матерью, 59 % — с отцом [McWey L.M., Cui M., 2017].

В интервью с детьми 8–12 лет ($n = 24$) среди причин встреч с биологическими родителями фигурировали следующие: «увидеть маму», «пообщаться с членами семьи», «если я ее не увижу, я ее забуду», «я люблю свою маму и пойду за ней на край света», «я хочу быть уве-

рен(а), что с мамой все хорошо», «когда стану взрослым, найду работу и буду заботиться о маме». Только трое из опрошенных детей указали на конструктивные отношения между биологическими и приемными родителями, остальные заявили о полном их отсутствии [Morrison J. et al., 2011]. По мнению S. Meakings и соавторов, совместное размещение родных братьев/сестер в одной приемной семье приводит к более быстрой социальной адаптации, стабильности, снижению проблем в поведении, особенно в случае сходства детей по полу и возрасту. Однако это не всегда бывает в интересах конкретного ребенка, учитывая разницу в развитии, состоянии здоровья, а также характер прежних взаимоотношений [Meakings S. et al., 2017; Ie J., 2023].

Несмотря на негативные реакции со стороны специалистов и приемных родителей на встречи с биологическими родителями, многие дети позитивно оценивают контакты, ожидают их продолжения, надеются на возвращение в родную семью, если не в ближайшем будущем, то после достижения совершеннолетия. Однако, по данным E. Farmer, 56 % подростков из приемных семей характеризуют свои взаимоотношения с биологическими родителями как «бесполезные» [Farmer E., 2014; Ie J et al., 2022; Wissö T. et al., 2019].

По мнению С. Macaskill, обязательным условием при организации встреч с биологическими родителями является учет мнения самих детей, т.к. дети ясно дают понять кого, когда и как часто они хотят видеть [Macaskill С., 2002]. Большинство детей критикуют действия социальных работников относительно качества организации встреч, указывая на отсутствие или недостоверность информации об их времени и месте, количестве присутствующих, что нарушает распорядок дня, расстраивает их планы. Часто приходят не только родители, но и братья/сестры, друзья, не позволяя детям и родителям остаться наедине, обсудить важные вопросы.

Заключение

Социология детства представляет собой новую отрасль отечественной социологии, в поле зрения которой прямо или косвенно входят вопросы, связанные с социальным и/или психологическим благополучием детского населения. Ос-

новной функционал семьи как первичного агента социализации ребенка направлен на обеспечение безопасности, развития, образования, воспитания, адаптации детей к жизни в обществе. Вместе с тем не все биологические семьи справляются с данной задачей, в связи с чем государство принимает на себя обязательства по защите прав и интересов ребенка, передавая полномочия по осуществлению родительских прав приемным семьям в соответствии с действующим международным и национальным законодательством. В этом случае неизбежно встает вопрос о реализации прав и интересов каждой из сторон: биологических родителей, приемных родителей и самих несовершеннолетних детей относительно их совместного социального взаимодействия, а также необходимости разработки и внедрения в практику механизмов организации, степени регламентации и осуществления контроля за соблюдением нормативных предписаний (при их наличии) со стороны уполномоченных на то государственных и/или частных структур.

Вопрос об обязательных контактах детей, переданных на воспитание в приемные семьи, с их биологическими родителями, часто лишенными родительских прав, на наш взгляд, следует рассматривать в индивидуальном порядке с обязательным учетом мнения всех субъектов взаимодействия: биологических, приемных родителей, специалистов органов опеки и попечительства, социальных служб, а также детей при наличии у них возможности выразить свое мнение по состоянию здоровья, возраста и пр. Противоречивые данные, полученные исследователями в разных странах, свидетельствуют о необходимости проведения дальнейших научных исследований данной проблемы. При этом, по нашему мнению, процесс принятия решения, с одной стороны, не должен нарушать хрупкий баланс взаимоотношений членов приемной семьи, а с другой, призван активизировать участие биологических родителей в жизни собственных детей в ближайшей и среднесрочной перспективе, создать условия и предпосылки для продолжения их конструктивного взаимодействия для потенциального воссоединения после достижения ребенком совершеннолетия, что можно рассматривать как фактор, повышающий уровень детского благополучия.

Список литературы

Бессчетнова О.В. Благополучие детей как социальная проблема современности // *Logos et Praxis*. 2019. Т. 18, № 4. С. 42–52. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.4.5>

Бесчасная А.А. Наблюдая грядущее: образы современного детства в прогнозировании будущего // *Ценности и смыслы*. 2018. № 3(55). С. 65–78.

Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Дети и детство как объекты социологических исследований // *Социологические исследования*. 2018. № 3. С. 62–69. DOI: <https://doi.org/10.7868/s0132162518030066>

Майорова-Щеглова С.Н., Митрофанова С.Ю. Детство в социогуманитарной перспективе: методологические и технологические основы создания научно-прикладного тезауруса // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2017. № 2(8). С. 57–67. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2017-2-57-67>

Austerberry H., Stanley N., Larkins C., Ridley J., Farelly N., Manthorpe J., Hussein Sh. Foster carers and family contact: foster carers' views of social work support // *Adoption & Fostering*. Vol. 37, iss. 2. P. 116–129. DOI: <https://doi.org/10.1177/0308575913490273>

Bailey M. Supervised access: A long-term solution? // *Family Court Review*. 1999. Vol. 37, iss. 4. P. 478–486. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.174-1617.1999.tb00547.x>

Barndomsstudier i norsk kontekst: tverrfaglige tilnærminger / I.K. Sørenssen, T. Abebe, M Ursin (red.). Oslo, NO: Gyldendal, 2021. 328 s.

Biehal N., Sinclair I., Wade J. Reunifying abused or neglected children: Decision-making and outcomes // *Child Abuse & Neglect*. 2015. Vol. 49. P. 107–118. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2015.04.014>

Boddy J., Statham J., Danielsen I., Geurts E., Join-Lambert H., Euillet S. Beyond contact: Work with families of children placed away from home in four European countries. London: Nuffield Foundation, 2013. 52 p. URL: https://www.nuffieldfoundation.org/wp-content/uploads/2019/12/Beyond-Contact_final-report.pdf (accessed: 24.10.2022).

Browne D., Moloney A. «Contact Irregular»: A qualitative analysis of the impact of visiting patterns of natural parents on foster placements // *Child & Family Social Work*. 2002. Vol. 7, iss. 1. P. 35–45. DOI: <https://doi.org/10.1046/j.1365-2206.2002.00217.x>

Bullen T., Taplin S., Kertesz M., Humphreys C., McArthur M. Literature review on supervised contact

between children in out-of-home care and their parents. Canberra, AU: Institute of Child Protection Studies, ACU, 2015. 43 p. URL: https://acuresearchbank.acu.edu.au/download/ecab16bcb8e88c8a670d70c6e32ab686e1a144da8f3486d768fdd1e342b16f5e/698199/Bullen_2015_kContact_LiteratureReview.pdf (accessed: 24.10.2022).

Cantos A.L., Gries L.T., Slis V. Behavioral correlates of parental visiting during family foster care // *Child Welfare*. 1997. Vol. 76, no. 2. P. 309–329.

Chateauneuf D., Turcotte D., Drapeau S. The relationship between foster care families and birth families in a child welfare context: The determining factors // *Child & Family Social Work*. 2018. Vol. 23, iss. 1. P. 71–79. DOI: <https://doi.org/10.1111/cfs.12385>

Childhood matters: Social theory, Practice and Politics / ed. by J. Qvortrup, M. Bardy et al. Aldershot, UK: Avebury, 1994. 395 p.

Crook W.P., Oehme K. Characteristics of supervised visitation programs serving child maltreatment and other cases // *Brief Treatment and Crisis Intervention*. 2007. Vol. 7, iss. 4. P. 291–304. DOI: <https://doi.org/10.1093/brief-treatment/mhm014>

Davis I.P., Landsverk J., Newton R., Ganger W. Parental visiting and foster care reunification // *Children and Youth Services Review*. 1996. Vol. 18, iss. 4–5. P. 363–382. DOI: [https://doi.org/10.1016/0190-7409\(96\)00010-2](https://doi.org/10.1016/0190-7409(96)00010-2)

Delgado P., Sousa A., Bertão A., Moreiras D. et al. O contacto no acolhimento familiar: O que pensam as crianças, as famílias e os profissionais. Porto, PT: Mais Leitura, 2016. 181 p.

Ellenbogen S., Wekerle C. Visitation practices in child welfare organizations // *Ontario Association of Children's Aid Societies Journal*. 2008. Vol. 52, iss. 2. P. 18–24.

Farmer E. Improving reunification practice: pathways home, progress and outcomes for children returning from care to their parents // *British Journal of Social Work*. 2014. Vol. 44, iss. 2. P. 348–366. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcs093>

Fossum S., Vis S.A., Holtan A. Do frequency of visits with birth parents impact children's mental health and parental stress in stable foster care settings // *Cogent Psychology*. 2018. Vol. 5, iss. 1. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/23311908.2018.1429350?needAccess=true&role=button> (accessed: 24.10.2022). DOI: <https://doi.org/10.1080/23311908.2018.1429350>

Haight W.L., Black J.E., Workman C.L., Tata L. Parent-child interaction during foster care visits: Implications for practice // *Social Work*. 2001. Vol. 46,

iss. 4. P. 325–338. DOI: <https://doi.org/10.1093/sw/46.4.325>

Hedin L. Good Relations between Foster Parents and Birth Parents: A Swedish Study of Practices Promoting Successful Cooperation in Everyday Life // *Child Care in Practice*. 2015. Vol. 21, iss. 2. P. 177–191. DOI: <https://doi.org/10.1080/13575279.2015.1005574>

Holtan A., Rønning J.A., Handegar B.H., Sourander A. A comparison of mental health problems in kinship and non-kinship foster care // *European Child & Adolescent Psychiatry*. 2005. Vol. 14, iss. 4. P. 200–207. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-005-0445-z>

Ie J. The concept of family: Perspectives of Spanish young people in foster care // *Child & Family Social Work*. 2023. Vol. 28, iss. 2. P. 503–514. DOI: <https://doi.org/10.1111/cfs.12980>

Ie J., Ursin M., Vicente-Mariño M. Foster children's views of family: A systematic review and qualitative synthesis // *Children and Youth Services Review*. 2022. Vol. 132. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0190740921004138?via%3Dihub> (accessed: 24.10.2022). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2021.106337>

James A., Prout A. A new paradigm for the sociology of childhood? Provenance, promise and problems // *Constructing and reconstructing childhood: Contemporary issues in the sociological study of childhood* / ed. by A. James, A. Prout. London, N.Y.: Falmer Press, Taylor and Francis Inc., 1997. P. 7–33.

Kiraly M., Humphreys C. Perspectives from young people about family contact in kinship care: «Don't Push Us — Listen More» // *Australian Social Work*. 2013. Vol. 66, iss. 3. P. 314–327. DOI: <https://doi.org/10.1080/0312407x.2012.715658>

Leathers S.J. Parental visiting, conflicting allegiances, and emotional and behavioral problems among foster children // *Family Relations: An Interdisciplinary Journal of Applied Family Studies*. 2003. Vol. 52, iss. 1. P. 53–63. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2003.00053.x>

Macaskill C. Safe contact: Children in permanent placement and contact with their birth relatives. Lyme Regis, UK: Russell House Publishing, 2002. 154 p.

McWey L.M., Acock A., Porter B.E. The Impact of Continued Contact with Biological Parents upon the Mental Health of Children in Foster Care // *Children and Youth Services Review*. 2010. Vol. 32, iss. 10. P. 1338–1345. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2010.05.003>

McWey L.M., Cui M. Parent-child contact for youth in foster care: research to inform practice // *Family Relations*. 2017. Vol. 66, iss. 4. P. 684–695. DOI: <https://doi.org/10.1111/fare.12276>

McWey L.M., Mullis A. Improving the lives of children in foster care: The impact of supervised visitation // *Family Relations: An Interdisciplinary Journal of Applied Family Studies*. 2004. Vol. 53, iss. 3. P. 293–300.

Meakings S., Coffey A., Shelton K.H. The Influence of Adoption on Sibling Relationships: Experiences and Support Needs of Newly Formed Adoptive Families // *British Journal of Social Work*. 2017. Vol. 47, iss. 6. P. 1781–1799. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcx097>

Mennen F.E., O'Keefe M. Informed decisions in child welfare: The use of attachment theory // *Children and Youth Services Review*. 2005. Vol. 27, iss. 6. P. 577–593. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2004.11.011>

Morrison J., Mishna F., Cook Ch., Aitken G. Access visits: Perceptions of child protection workers, foster parents and children who are Crown wards // *Children and Youth Services Review*. 2011. Vol. 33, iss. 9. P. 1476–1482. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2011.03.011>

Moyers S., Farmer E., Lipscombe J. Contact with family members and its impact on adolescents and their foster placements // *British Journal of Social Work*. 2006. Vol. 36, iss. 4. P. 541–559. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjsw/bch270>

Mundt B. Historismus: Kunsthandwerk und Industrie im Zeitalter der Weltausstellungen. Berlin: Kunstgewerbemuseum Berlin, 1973. 318 S.

Murphy E., Fairlough A. The Successful Reunification of Abused and Neglected Looked After Children with Their Families: A Case-File Audit // *The British Journal of Social Work*. 2015. Vol. 45, iss. 8. P. 2261–2280. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcu093>

Neil E., Beek M., Schofield G. Thinking about and managing contact in permanent placements: The differences and similarities between adoptive parents and foster carers // *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 2003. Vol. 8, iss. 3. P. 401–418. DOI: <https://doi.org/10.1177/1359104503008003009>

Nesmith A. Factors influencing the regularity of parental visits with children in foster care // *Child and Adolescent Social Work Journal*. 2015. Vol. 32, iss. 3. P. 219–228. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10560-014-0360-6>

Poitras K., Tarabulsy G.M., Pulido N.V. Contact with biological parents following placement in foster

care: Associations with preschool child externalizing behavior // *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 2022. Vol. 27, iss. 2. P. 466–479. DOI: <https://doi.org/10.1177/13591045211049295>

Rich C. The effect of parental visitation on the emotional and behavioral stability of foster children. Fresno, CA: Alliant International University, 2010.

Schofield G., Ward E. Understanding and working with parents of children in long-term foster care. London: Jessica Kingsley, 2010. 224 p.

Sità C., Mortari L. Rethinking «the family» in foster care in Italy: The perspective of children in care and of foster parents' children // *Global Studies of Childhood*. 2022. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20436106221099037> (accessed: 24.10.2022). DOI: <https://doi.org/10.1177/20436106221099037>

Taplin S., Bullen T., McArthur M., Humphreys C., Kertesz M., Dobbins T. KContact, an enhanced intervention for contact between children in out-of-home care and their parents: protocol for a cluster randomised controlled trial // *BMC Public Health*. 2015. Vol. 15, iss. 1. URL: <https://bmcpublihealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-015-2461-3> (accessed: 24.10.2022). DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-015-2461-3>

Van Hoen F., Clé A., West D., Gypen L., Vanderfaeillie J. Family bonds of foster children. A qualitative research regarding the experience of foster children in long-term foster care // *Children and Youth Services Review*. 2020. Vol. 119. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0190740920320168> (accessed: 24.10.2022). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105593>

Wissö T., Johansson H., Höjer I. What is a family? Constructions of family and parenting after a custody transfer from birth parents to foster parents // *Child & Family Social Work*. 2019. Vol. 24, iss. 1. P. 9–16. DOI: <https://doi.org/10.1111/cfs.12475>

Zeijlmans K., López M., Grietens H., Knorth E.J. «Nothing goes as planned»: Practitioners reflect on matching children and foster families // *Family Social Work*. 2018. Vol. 23, iss. 3. P. 458–465. DOI: <https://doi.org/10.1111/cfs.12437>

References

Austerberry, H., Stanley, N., Larkins, C., Ridley, J., Farelly, N., Manthorpe, J. and Hussein Sh. (2013). Foster carers and family contact: foster carers' views of social work support. *Adoption & Fostering*. Vol. 37, iss. 2, pp. 116–129. DOI: <https://doi.org/10.1177/0308575913490273>

Bailey, M. (1999). Supervised access: A long-term solution? *Family Court Review*. Iss. 37, iss. 4, pp. 478–486. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.174-1617.1999.tb00547.x>

Beschasnaya, A.A. (2018). [Observing the future: Images of modern childhood in forecasting the future]. *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings]. Vol. 3(55), pp. 65–78.

Besschetnova, O.V. (2019). [Welfare of children as a modern social problem]. *Logos et Praxis*. Vol. 18, no. 4, pp. 42–52. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.4.5>

Biehal, N., Sinclair, I. and Wade, J. (2015). Reunifying abused or neglected children: Decision-making and outcomes. *Child Abuse and Neglect*. Vol. 49, pp. 107–118. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2015.04.014>

Boddy, J., Statham, J., Danielsen, I., Geurts, E., Join-Lambert, H. and Euillet, S. (2013). *Beyond contact: Work with families of children placed away from home in four European countries*. London: Nuffield Foundation Publ., 52 p. Available at: https://www.nuffieldfoundation.org/wp-content/uploads/2019/12/Beyond-Contact_final-report.pdf (accessed 24.10.2022).

Browne, D. and Moloney, A. (2002). Contact irregular: A qualitative analysis of the impact of visiting patterns of natural parents on foster placements. *Child & Family Social Work*. Vol. 7, iss. 1, pp. 35–45. DOI: <https://doi.org/10.1046/j.1365-2206.2002.00217.x>

Bullen, T., Taplin, S., Kertesz, M., Humphreys, C. and McArthur, M. (2015). *Literature review on supervised contact between children in out-of-home care and their parents*. Canberra, AU: Institute of Child Protection Studies, ACU Publ., 43 p. Available at: https://acuresearchbank.acu.edu.au/download/ecab16bcb8e88c8a670d70c6e32ab686e1a144da8f3486d768fdd1e342b16f5e/698199/Bullen_2015_kContact_LiteratureReview.pdf (accessed 24.10.2022).

Cantos, A.L., Gries, L.T. and Slis, V. (1997). Behavioral correlates of parental visiting during family foster care. *Child Welfare*. Vol. 76, no. 2, pp. 309–329.

Chateaufneuf, D., Turcotte, D. and Drapeau, S. (2018). The relationship between foster care families and birth families in a child welfare context: The determining factors. *Child & Family Social Work*. Vol. 23, iss. 1, pp. 71–79. DOI: <https://doi.org/10.1111/cfs.12385>

Crook, W.P. and Oehme, K. (2007). Characteristics of supervised visitation programs serving child maltreatment and other cases. *Brief Treatment and Crisis Intervention*. Vol. 7, iss. 4, pp. 291–304. DOI: <https://doi.org/10.1093/brief-treatment/mhm014>

- Davis, I.P., Landsverk, J., Newton, R. and Gang-er, W. (1996). Parental visiting and foster care reunification. *Children and Youth Services Review*. Vol. 18, iss. 4–5, pp. 363–382. DOI: [https://doi.org/10.1016/0190-7409\(96\)00010-2](https://doi.org/10.1016/0190-7409(96)00010-2)
- Delgado, P., Sousa, A., Bertão, A., Moreiras, D. et al. (2016). *O contacto no acolhimento familiar* [Contact in foster care, what children, families and professionals think]. Porto, PT: Mais Leitura Publ., 181 p.
- Ellenbogen, S. and Wekerle, C. (2008). Visitation practices in child welfare organizations. *Ontario Association of Children's Aid Societies Journal*. Vol. 52, iss. 2, pp. 18–24.
- Farmer, E. (2014). Improving reunification practice: pathways home, progress and outcomes for children returning from care to their parents. *British Journal of Social Work*. Vol. 44, iss. 2, pp. 348–366. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcs093>
- Fossum, S., Vis, S.A., and Holtan, A. (2018). Do frequency of visits with birth parents impact children's mental health and parental stress in stable foster care settings. *Cogent Psychology*. Vol. 5, iss. 1. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/23311908.2018.1429350?needAccess=true&role=button> (accessed 24.10.2022). DOI: <https://doi.org/10.1080/23311908.2018.1429350>
- Haight, W.L., Black, J.E., Workman, C.L. and Tata, L. (2001). Parent-child interaction during foster care visits: Implications for practice. *Social Work*. Vol. 46, iss. 4, pp. 325–338. DOI: <https://doi.org/10.1093/sw/46.4.325>
- Hedin, L. (2015). Child care in practice good relations between foster parents and birth parents: a Swedish study of practices promoting successful cooperation in everyday life. *Child Care in Practice*. Vol. 21, iss. 2, pp. 177–191. DOI: <https://doi.org/10.1080/13575279.2015.1005574>
- Holtan, A., Rønning, J.A., Handegar, B.H. and Sourander, A. (2005). A comparison of mental health problems in kinship and non-kinship foster care. *European Child & Adolescent Psychiatry*. Vol. 14, iss. 4, pp. 200–207. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-005-0445-z>
- Ie, J. (2023). The concept of family: Perspectives of Spanish young people in foster care. *Child & Family Social Work*. Vol. 28, iss. 2, pp. 503–514. DOI: <https://doi.org/10.1111/cfs.12980>
- Ie, J., Ursin, M. and Vicente-Mariño, M. (2022). Foster children's views of family: A systematic review and qualitative synthesis. *Children and Youth Services Review*. Vol. 132. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0190740921004138?via%3Dihub> (accessed 24.10.2022). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2021.106337>
- James, A. and Prout, A. (1997). A new paradigm for the sociology of childhood? Provenance, promise and problems. A. James, A. Prout. (eds.) *Constructing and reconstructing childhood: Contemporary issues in the sociological study of childhood*, London, N.Y.: Falmer Press, Taylor and Francis Inc., pp. 7–33.
- Kiraly, M. and Humphreys, C. (2013). Perspectives from young people about family contact in kinship care: «Don't push us — listen more». *Australian Social Work*. Vol. 66, iss. 3, pp. 314–327. DOI: <https://doi.org/10.1080/0312407x.2012.715658>
- Leathers, S.J. (2003). Parental visiting, conflicting allegiances, and emotional and behavioral problems among foster children. *Family Relations: An Interdisciplinary Journal of Applied Family Studies*. Vol. 52, iss. 1, pp. 53–63. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2003.00053.x>
- Macaskill, C. (2002). *Safe contact: Children in permanent placement and contact with their birth relatives*. Lyme Regis, UK: Russell House Publ., 154 p.
- Mayorova-Scheglova, S.N. and Kolosova, E.A. (2018). [Children and childhood as objects of sociological research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 3, pp. 62–69. DOI: <https://doi.org/10.7868/s0132162518030066>
- Mayorova-Scheglova, S.N. and Mitrofanova, S.Yu. (2017). [Childhood in a socio-humanitarian perspective: methodological and technological foundations for creating a scientific and applied thesaurus]. *Vestnik RGGU Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Social Studies. Art Studies]. Vol. 2(8), pp. 57–67. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2017-2-57-67>
- McWey, L.M., Acock, A. and Porter, B. (2010). The impact of continued contact with biological parents upon the mental health of children in foster care. *Children and Youth Services Review*. Vol. 32, iss. 10, pp. 1338–1345. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2010.05.003>
- McWey, L. and Cui, M. (2017). Parent-child contact for youth in foster care: research to inform practice. *Family Relations*. Vol. 66, iss. 4, pp. 684–695. DOI: <https://doi.org/10.1111/fare.12276>
- McWey, L.M. and Mullis, A. (2004). Improving the lives of children in foster care: The impact of supervised visitation. *Family Relations: An Interdisciplinary Journal of Applied Family Studies*. Vol. 53, iss. 3, pp. 293–300.

- Meakings, S., Coffey, A. and Shelton, K.H. (2017). The influence of adoption on sibling relationships: Experiences and support needs of newly formed adoptive families. *British Journal of Social Work*. Vol. 47, iss. 6, pp. 1781–1799. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcx097>
- Mennen, F.E. and O'Keefe, M. (2005). Informed decisions in child welfare: The use of attachment theory. *Children and Youth Services Review*. Vol. 27, iss. 6, pp. 577–593. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2004.11.011>
- Morrison, J., Mishna, F., Cook, Ch. and Aitken, G. (2011). Access visits: Perceptions of child protection workers, foster parents and children who are Crown wards. *Children and Youth Services Review*. Vol. 33, iss. 9, pp. 1476–1482. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2011.03.011>
- Moyers, S., Farmer, E. and Lipscombe, J. (2006). Contact with family members and its impact on adolescents and their foster placements. *British Journal of Social Work*. Vol. 36, iss. 4, pp. 541–559. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjsw/bch270>
- Mundt, B. (1973). *Historismus: Kunsthandwerk und Industrie im Zeitalter der Weltausstellungen* [Historicism: Crafts and industry in the age of world exhibitions]. Berlin: Kunstgewerbemuseum Berlin Publ., 318 p.
- Murphy, E. and Fairlough, A. (2015). The successful reunification of abused and neglected looked after children with their families: A case-file audit. *The British Journal of Social Work*. Vol. 45, iss. 8, pp. 2261–2280. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcu093>
- Neil, E., Beek, M. and Schofield, G. (2003). Thinking about and managing contact in permanent placements: The differences and similarities between adoptive parents and foster parents. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. Vol. 8, iss. 3, pp. 401–418. DOI: <https://doi.org/10.1177/1359104503008003009>
- Nesmith, A. (2015). Factors influencing the regularity of parental visits with children in foster care. *Child and Adolescent Social Work Journal*. Vol. 32, iss. 3, pp. 219–228. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10560-014-0360-6>
- Poitras, K., Tarabulsy, G.M. and Pulido, N.V. (2022). Contact with biological parents following placement in foster care: Associations with preschool child externalizing behavior. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. Vol. 27, iss. 2, pp. 466–479. DOI: <https://doi.org/10.1177/13591045211049295>
- Qvortrup, J., Bardy, M. et al. (eds.) (1994). *Childhood matters: Social theory, practice and politics*. Aldershot, UK: Avebury Publ., 395 p.
- Rich, C. (2010). *The effect of parental visitation on the emotional and behavioral stability of foster children*. Fresno, CA: Alliant International University Publ.
- Schofield, G. and Ward, E. (2010). *Understanding and working with parents of children in long-term foster care*. London: Jessica Kingsley Publ., 224 p.
- Sità, C. and Mortari, L. (2022). Rethinking «the family» in foster care in Italy: The perspective of children in care and of foster parents' children. *Global Studies of Childhood*. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20436106221099037> (accessed 24.10.2022). DOI: <https://doi.org/10.1177/20436106221099037>
- Sørenssen, I.K., Abebe, T. and Ursin, M. (eds.) (2021). *Barndomsstudier i norsk kontekst: tverrfaglige tilnærminger* [Childhood studies in the Norwegian context: interdisciplinary approaches]. Oslo, NO: Gyldendal Publ., 328 p.
- Taplin, S., Bullen, T., McArthur, M., Humphreys, C., Kertesz, M. and Dobbins, T. (2015). KContact, an enhanced intervention for contact between children in out-of-home care and their parents: protocol for a cluster randomised controlled trial. *BMC Public Health*. Vol. 15, iss. 1. Available at: <https://bmcpublihealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12889-015-2461-3> (accessed 24.10.2022). DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-015-2461-3>
- Van Holen, F., Clé, A., West, D., Gypen, L. and Vanderfaeillie, J. (2020). Family bonds of foster children. A qualitative research regarding the experience of foster children in long-term foster care. *Children and Youth Services Review*. Vol. 119. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0190740920320168> (accessed: 24.10.2022). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105593>
- Wissö, T., Johansson, H. and Höjer, I. (2019). What is a family? Constructions of family and parenting after a custody transfer from birth parents to foster parents. *Child & Family Social Work*. Vol. 24, iss. 1, pp. 9–16 DOI: <https://doi.org/10.1111/cfs.12475>
- Zeijlmans, K., López, M., Grietens, H. and Knorth, E.J. (2018). «Nothing goes as planned» Practitioners reflect on matching children and foster families. *Family Social Work*. Vol. 23, iss. 3, pp. 458–465. DOI: <https://doi.org/10.1111/cfs.12437>

Об авторе

Бессчетнова Оксана Владимировна

доктор социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой «Социально-гуманитарные
дисциплины»

Российский биотехнологический университет
(РОСБИОТЕХ),
125080, Москва, ул. Врубеля, 12;
e-mail: oksanabesschetnova@yandex.ru
ResearcherID: D-7361-2013

About the author

Oksana V. Besschetnova

Doctor of Sociology, Docent,
Head of the Department of Social and Humanitarian
Disciplines

Russian Biotechnological University
(ROSBIOTECH),
12, Vrubel st., Moscow, 125080, Russia;
e-mail: oksanabesschetnova@yandex.ru
ResearcherID: D-7361-2013

УДК 316.346.32

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-284-296>

Поступила: 14.04.2023

Принята: 15.06.2023

Опубликована: 07.07.2023

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ ПОЖИЛЫХ УРАЛЬЦЕВ

*Воронина Людмила Ивановна, Зайцева Екатерина Васильевна,
Касьянова Татьяна Ивановна*

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

В статье исследуется активное долголетие как совокупность социальных практик, осуществляемых пожилыми людьми и понимаемых как социальная общность. Авторы статьи рассматривают различные определения социальных практик, выделяя как традиционные, так и новые номинации. Определяют различные виды активности, такие как физическая, досуговая, образовательная и семейная и т.п. Рассматривают влияние внутренних и внешних факторов, под воздействием которых в структуре общности пожилых появляются подгруппы, которые демонстрируют иные ценности и социальные практики. Среди различных факторов выделяют планирование времени, которое влияет на воспроизведения новых социальных практик. Доказывается, что появление новых видов активности означает, что в структуре социальной общности возникают новые подгруппы, обладающие более высокой скоростью реагирования на новое (темпоральностью). При проведении исследования был использован социологический опрос 417 граждан Свердловской области в возрасте от 60 лет и старше с применением анкеты. Опрос показал противоречия между идеями активного долголетия, содержащимися в Стратегии активного долголетия и региональных комплексных программах с реальными действиями общности пожилых. Хотя нет серьезного расхождения в понимании сущности активного долголетия, но налицо низкий охват пожилых людей новыми социальными практикам. Авторы убеждены, что перспективные исследования связаны с такой проблематикой, как оптимизация внутренних и внешних факторов, влияющих на закрепление активного долголетия как совокупности социальных практик.

Ключевые слова: активное долголетие, социальные практики, пожилые, факторы, виды активности, Стратегия активного долголетия РФ.

Для цитирования:

Воронина Л.И., Зайцева Е.В., Касьянова Т.И. Социальные практики активного долголетия пожилых уральцев // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 2. С. 284–296.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-284-296>

SOCIAL PRACTICES OF ACTIVE LONGEVITY OF ELDERLY URAL CITIZENS

Ludmila I. Voronina, Ekaterina V. Zaitseva, Tatiana I. Kasyanova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

The article explores active longevity as a set of social practices carried out by older people and understood as a social community. We study various definitions of social practices, looking at both traditional and new social practices. There are distinguished such types of activity as physical, leisure, educational, family-related, etc. The study considers the influence of internal and external factors under the impact of which there appear subgroups in the structure of the community of the elderly, these demonstrating different values and social practices. Among various factors, time planning is highlighted, which affects the reproduction of new social practices. It is argued that the emergence of new types of activity means the emergence of new subgroups in the structure of the social community that have a higher speed of response to the new or temporality. The authors of the study employed a sociological method: there was conducted a questionnaire survey of 417 citizens of the Sverdlovsk region aged 60 and older. Contradictions between the ideas of active longevity contained in the Active Longevity Strategy, regional comprehensive programs, and real actions of the elderly community have been revealed. Although there is no serious discrepancy in understanding the essence of active aging, there is a low coverage of older people with new social practices. The authors are convinced that promising research areas are related to such issues as the optimization of internal and external factors that affect the consolidation of active longevity as a set of social practices.

Keywords: active aging, social practices, the elderly, factors, types of activity, Active Longevity Strategy of the Russian Federation.

To cite:

Voronina L.I., Zaitseva E.V., Kasyanova T.I. [Social practices of active longevity of elderly Ural citizens]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 2, pp. 284–296 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-284-296>

Введение

Ученые единодушны в понимании того, что пожилые люди представляют собой возрастную общность, специфика которой накладывает печать на ее место в социальной структуре общества [Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., 2017, с. 11]. Характеристики возрастной общности пожилых близки к социальной общности, но не тождественны. Под социальной общностью людей «третьего возраста» понимается реально существующая, массовая, эмпирически фиксируемая, относительно единая и самостоятельная совокупность (взаимосвязь) людей, объединенных по демографическим, социокультурным, экономическим основаниям и находящимся в возрастных границах перехода от за-

вершения зрелости до старости [Зборовский Г.Е., 2019, с. 10]. К социокультурным основаниям относятся конкретные ценности, ценностные ориентации и действия, совершаемые под их влиянием. Совокупность ценностных ориентаций, осознанных решений и действий, выводов, которые делает человек, формируют жизненный опыт и социальные практики. Таковые понимаются как «1) совокупность принятых в культуре (традиционных) способов деятельности, навыков общения с различными предметами; 2) мышление или действие “по привычке”, следование правилу, поведение, имеющее ритуальный характер; 3) частные социальные институты» [Смирнова Е.А., 2015, с. 40].

Важно отметить, что «ценностные ориентации проявляются в ситуациях, требующих осознанного выбора и ответственных решений, влекущих за собой значимые последствия и предопределяющих основной вектор жизненного пути человека» [Зенина О.Н., 2015, с. 90].

Заметим, что в последнее время активно развивается идея проявления осознанного выбора и ответственных решений пожилых людей относительно участия в трудовой активности [Касьянова Т.И., Воронина Л.И., 2020], образовательной [Лесина Л.А., 2019], физической [Воронина Л.И. и др., 2022] и досуговой [Горынцев Д.В., 2022] деятельности. На систему ценностей и выбор решений влияют внутренние и внешние факторы, под воздействием которых в структуре общности пожилых появляются подгруппы, демонстрирующие иные ценности и социальные практики. Как правило, эти подгруппы обладают более высокой скоростью реагирования на новое. Именно эти группы имеют ценностные ориентации, модернизирующие устоявшиеся социальные практики, включая практики сохранения здоровья посредством получения рекреационно-физкультурных услуг [Зайцева Е.В., Волынская М.М., 2020]. Представители этих подгрупп делают осознанный выбор конкретных видов активности и выстраивают личные стратегии [Исмагилова Ф.С., 2016].

Совокупность происходящих изменений позволяет утверждать, что в общности российских пожилых людей происходит трансформация. Первоначально небольшие подгруппы осваивают новые виды активности. Когда такие становятся массовыми, происходит синергетический эффект: возникают социальные практики, которых ранее не было в этой общности. Как правило, для такого синергетического скачка необходимы организационные структуры, поддерживающие становление новых социальных практик: это комплексные центры социального обслуживания граждан, школы и университеты пожилого человека, некоммерческие организации, геронтологические центры. Для становления активного долголетия нужны различные социальные практики, понимаемые как 1) совокупность традиционных видов социальной деятельности; 2) действие по привычке или следование установленным правилам; 3) социальные институты; 4) устоявшиеся виды

и новые виды социальной активности. К объектам социальной практики относят способы жизнедеятельности людей, определяющие место социальных групп в обществе, их интересы и характер взаимодействия с другими социальными группами, а к результату — социальные практики [Смирнова Е.А., 2015, с. 43].

Активное долголетие — это тоже практики и совокупность действий [Короленко А.В., 2022, с. 4]. При этом необходимы целенаправленные действия, как на практики, так и ее субъектов. «Практика имеет двойное основание (структурирование): с одной стороны, существуют объективные структуры, воздействующие на практики; с другой стороны, социальные агенты могут оказывать влияние на социальную действительность через практики, трансформируя структуры» [Антонова Н.Л., 2009, с. 43]. Результаты исследований по настоящей тематике подтверждают выводы о происходящих процессах трансформации в серебряном сообществе: изменения в трудовой занятости пожилых, интерес к повышению образовательного и культурного уровня [Зборовский Г.Е., 2019].

Значимы выводы исследователей о распространенности конкретных социальных практик в регионах. Например, в Вологодской области самые распространенные практики активного долголетия — это действия по поддержанию социальных связей с членами семьи, друзьями и знакомыми [Короленко А.В., 2022, с. 15]. Е.Н. Васильева и О.А. Мосина делают выводы о формах активности пожилых граждан, хотя, по сути, рассматривают социальные практики [Васильева Е.Н., Мосина О.А., 2014].

Что же определяет выбор общностью пожилых конкретных социальных практик? Одно из предположений — это влияние внутренних и внешних факторов. К внешним факторам отнесем влияние таких социальных институтов, как совокупность официальных норм, установленных законодательством, доступность конкретных услуг и информирование о них. К внутренним факторам, влияющим на выбор социальных практик общностью пожилых, отнесем возраст, психоэмоциональное и состояние здоровья, образование и доход, место проживания, семейный статус. Дополнительно к внутренним факторам также относят процессы социализа-

ции, адаптации, интериоризации [Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., 2017, с. 18].

Фактором, ускоряющим трансформацию общности пожилых, становится идентификация с социальными ролями, предписываемыми и ожидаемыми обществом. М.А. Шабанова справедливо заметила, что «индивид выполняет множество ролей (профессиональную, потребительскую, семейную, воспитательную, гражданскую и т.п.), которые оказывают друг на друга сильное влияние» [Шабанова М.А., 2006, с. 12]. Среди российских пожилых людей наиболее распространена социальная роль родителя. К этой социальной роли близки по системе ценностей роли «дедушка» и «бабушка» как незаменимые помощники в воспитании детей. Эти социальные роли положительно воспринимаются многими россиянами, они создают у пожилых ощущение собственной полезности для государства, семьи и окружающих, способствуют формированию мотивации к долгой и продуктивной жизни [Нацун Л.Н., 2022, с. 10]. Однако в общности пожилых имеет место и такая социальная роль, как наставник. Могут быть реализованы роль ученика или человека, самостоятельно осваивающего новые знания и навыки, или роль увлеченного (занятого любимым делом). В общности пожилых людей все более распространяется роль волонтера, помогающего другим. Достижение социальных ролей, предписываемых обществом пожилым людям, всегда было значимо. В тоже время неосвоение традиционных социальных ролей создает риски: неадаптированное к возрастным изменениям поведение может спровоцировать эйджистское поведение окружающих или дискриминацию по возрасту [Voss P. et al., 2017, p. 10]. Но в ситуации происходящей трансформации общности пожилых людей общественное мнение о новых ролях медленно, но меняется.

К внутренним факторам относится психоэмоциональное состояние пожилых людей, которое, несомненно, влияет на воспроизводство или отказ от конкретных социальных практик. Так, Н.С. Глуханюк и Т.В. Сергеева отмечают следующее: «...для людей с низким уровнем адаптации к возрастным изменениям, характерны острое переживание процесса старения, отсутствие интереса к новому; недовольство молодым поколением и окружающим

миром, критика и нравоучения; разочарование в себе и прожитой жизни; ощущение, что жизнь прожита зря; одиночество, отчуждение от общества, замкнутость; депрессия, ипохондрия, пессимизм; отсутствие перспектив на будущее» [Глуханюк Н.С., Сергеева Т.В., 2007, с. 55]. Некоторые психологи выявляют зависимость между такими факторами, как семейный статус и психоэмоциональное состояние, жизненная активность: «При одиночестве в пожилом возрасте развивается выраженная ситуационная тревога, которая в совокупности с антропометрическими изменениями снижает качество жизни и функциональную способность, в особенности ролевое поведение, обусловленное физическим и эмоциональным состоянием, а также социальное функционирование и жизненную активность» [Филимонов М.И. и др., 2018, с. 131].

Представляют интерес исследования, раскрывающие корреляцию между внутренними факторами, влияющими на выбор социальных практик: например, взаимообусловленность социальной роли и места проживания, уровня образования, гендерной принадлежности и т.п. В настоящее время активно исследуются процессы становления образовательной практики пожилых людей и реализации роли обучающегося. Мотивация людей старшей возрастной группы на получение дополнительного профессионального образования определяется «уровнем их образования, гендерной принадлежностью и типом поселения. Менее всего мотивированы на участие в образовательном процессе люди со средним общим образованием. Среди жителей крупных городов на 6,7% больше желающих участвовать в образовательной деятельности, чем среди проживающих в малых городах и в сельской местности» [Лесина Л.А., 2019, с. 183]. Выявляется корреляция между ролью обучающегося и полом: «...женщины более мотивированы к участию в дополнительном профессиональном обучении (45,0 %), чем мужчины (27,0 %)» [Маслова Е.В., 2012, с. 25].

Результаты

Представляет интерес оценка внешних факторов, а именно возможностей для реализации практик активного долголетия пожилыми россиянами. Рассмотрим такой внешний фактор, как закрепление на законодательном уровне в

государственных программах практик пожилых людей и создание условий для их реализации. Так, в Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.¹, паспорте национального проекта «Демография»² и федеральном проекте «Старшее поколение»³ декларируются идеи активного долголетия (увеличение продолжительности здоровой жизни всего населения, повышение качества жизни граждан старшего поколения и др.). При этом российскими разработчиками Стратегии и аналогичных документов по активному долголетию использованы представления Всемирной организации здравоохранения о здоровом старении как процессе оптимизации возможностей людей относительно их здоровья и безопасности, участия в процессах повышения качества жизни по мере старения [Благоприятные условия..., 2021, с. 2–5]. В тексте Стратегии нет противоречий с выводами российских исследователей о значимости разных видов активности. По мнению Е.Н. Касаркиной, для адаптации к возрасту и достижения такого состояния как активное долголетие необходимы условия для полезной и оздоравливающей жизнь деятельности, физической и социальной активности, и занятости [Касаркина Е.Н., 2017, с. 102]. И. Григорьева и Е. Богданова полагают, что для активного долголетия как процесса оптимизации возможностей человека нужны возможности для реализации потенциала, физического, социального и психического благополучия на протяжении всей жизни и участия в жизни общества, для обеспечения надлежащей защиты, безопасно-

сти, ухода, когда в этом есть нужда [Григорьева И.А., Богданова Е.А., 2020, с. 205].

Однозначно положительно воспринимается необходимость создания условий для профилактики здоровья и предупреждения заболеваний, например, создание центров геронтологии и оказание услуг, в том числе предупреждение синдрома старческой астении, максимально снижающей качество жизни и исключаяющей пожилых граждан из основных социальных практик [Давыдов Е.Л. и др., 2020, с. 42]. Предусмотрено, что если синдромы старческой астении все же проявились, то пожилые люди имеют возможность получать надомное социальное обслуживание, в том числе сопровождение социального работника. Пожилые люди в гораздо меньшей степени подвергаются социальному исключению (или исключению из значимых социальных практик) там, где высокие расходы на социальное обеспечение. При этом уровень дохода и показатели здоровья влияют на социальное исключение в большей степени, чем возраст и пол [Парфенова О.А., 2020, с. 123]. Зарубежные исследователи предлагают интегративный подход к предупреждению синдрома старческой астении (интеграция социальных практик по физической активности, здоровому питанию, обучению в программах санитарного просвещения, комплексную гериатрическую оценку в дополнение к ежегодным медицинским осмотрам) [Shinkai S. et al., 2016]. Исследователи, занимающиеся аналогичной темой [Барсуков В.Н., Калачикова О.Н., 2021], отмечают, что Российская Федерация отстает от других государств по таким параметрам, как физическая активность пожилых людей и состояние их здоровья. Соответственно, при продвижении идей активного долголетия в РФ по-прежнему остаются актуальными пропаганда и популяризация ценностей физической культуры и спорта [Воронина Л.И. и др., 2022, с. 207].

Идеи, отраженные в тексте Стратегии, выводы зарубежных и российских исследователей о значимости социальных практик совпадают. Есть единодушие в том, что нужны не только усилия органов власти, но и самих граждан. Существование и развитие социальных практик определяется упорядоченностью (согласованностью) субъектов практик — отдельных индивидов и их объединений. Для успешного разви-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193464/ba70babae5b5a71024b6822fa9a3d01fb739c37d/ (дата обращения: 19.01.2023).

² Паспорт национального проекта «Национальный проект «Демография»» (утв. Минтрудом России). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384857 (дата обращения: 20.01.2023).

³ Паспорт федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения» (утв. Минтрудом России) (вместе с «Планом реализации федерального проекта», «Результатами федерального проекта по субъектам Российской Федерации»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384770/ (дата обращения: 25.01.2023).

тия социальных практик необходимо укреплять устойчивость социальной системы и взаимодействие ее субъектов [Глушко И.В., 2011, с. 35]. Активному долголетию реально может способствовать взаимодействие и согласованность действий разных субъектов.

В Евросоюзе для оценки социальных практик активного долголетия разработан индекс активного долголетия, включающий 22 индикатора: занятость пожилых людей на рынке труда, участие в жизни общества, условия для независимой, здоровой и безопасной жизни и др. [Благоприятные условия..., 2021, с. 12–35]. Заметим, что в РФ методология оценки социальных практик активного долголетия на основе индекса полностью не применяется. Одна из серьезных проблем — недоступность данных для расчёта индекса: используемые статистические наблюдения и обследования проводятся нерегулярно и не для всех субъектов РФ. Ни один субъект РФ по всем показателям индекса активного долголетия не достиг пороговых (целевых) значений [Васильева Е.В., 2022, с. 143].

Учитывая несовершенство официальной методологии индекса активного долголетия, российские исследователи предлагают свои подходы. Например, коллективом Вологодского научного центра РАН разработан подход к оценке соотношения внутренних и внешних факторов активного долголетия, выявленных с помощью индексной методики. Информационной базой послужили данные социологического опроса взрослого населения Вологодской области «Активное долголетие и его факторы» [Короленко А.В., 2022, с. 1].

Несомненно, что в методологии оценки активного долголетия как совокупности социальных практик должен применяться междисциплинарный подход. В то же время в органах публичной власти РФ для оценки активного долголетия используется только управленческий подход (оценка достижений показателей, характеризующих внешние условия). Например, в Свердловской области важнейшие целевые показатели комплексной программы «Старшее поколение» следующие: 1) охват социальными услугами пожилых людей из числа выявленных граждан, нуждающихся в социальной поддержке и социальном обслуживании, не менее 99 %; 2) доля граждан старше трудоспособного возраста, участвующих в деятельности

объединений, групп, клубов по интересам, от общего числа граждан старше трудоспособного возраста не менее 30 %. В тексте региональной комплексной программы термин «социальные практики» отсутствует: социальные практики рассматриваются как участие пожилых в деятельности объединений и клубов, получение услуг по социальному обслуживанию. Безусловно, такое понимание условий для активного долголетия имеет право на существование, как и представление о том, что необходимо систематизировать мероприятия по укреплению здоровья и увеличению периода активного долголетия, реализовать комплекс финансовых, организационных, кадровых и иных мероприятий, направленных на повышение уровня и качества жизни граждан старшего поколения. Для исследователей активного долголетия значим анализ вторичных данных по количеству привлеченных граждан к конкретным мероприятиям. Однако анализ статистических и экономических показателей не позволяет понять механизм перехода количества, занимающихся в клубах, в такое качество, как активное долголетие, и выявить причину инертности пожилых по отношению к предлагаемым практикам. По этой причине необходимы социологические исследования для получения выводов о механизмах активного долголетия как совокупности социальных практик, в которые могут быть вовлечены пожилые.

При проведении настоящего исследования использован социологический метод: проведен опрос граждан Свердловской области среди информантов в возрасте от 60 лет и старше. Сбор эмпирических данных осуществлен методом анкетирования. Объем выборки — 417 респондентов, тип выборки — случайностратифицированный. Для определения выборки респондентов использованы характеристики: возраст, доход, брачный и образовательный статусы, состояние здоровья. Анкетирование проводилось по месту жительства респондентов. 48,3 % опрошенных указали, что живут одни; 32,8 % проживают вдвоем; 18,9 % — втроем и более. По уровню образования следующее распределение: высшее образование, ученая степень есть у 30,0 %, среднее специальное и незаконченное высшее — у 43,1 %, среднее общее и начальное профессиональное имеют 18,7 %, нет полного среднего — у 8,2 %

респондентов. 36,5 % опрошенных имеют инвалидность.

В процессе исследования уточнялась гипотеза об активном долголетии как совокупности социальных практик, характерных для российских пожилых, о взаимосвязи практик с ценностями. В анкету были включены вопросы, позволяющие выявить, какие ценности общности пожилых уральцев определяют активное долголетие; влияют ли ценности активного долголетия на последующие действия; какие факторы в наибольшей степени влияют на распространённость конкретных социальных практик.

В исследовании выявлялась корреляция между такими показателями, как ценности активного долголетия, преобладающие практики и принадлежность к полу, место проживания, уровень образования, психологическое состояние и самоидентификация с социальной ролью, семейное и материальное положение. Также выявлялась связь между видением перспектив жизни и отношением пожилых уральцев к планированию времени. Определялись источники информации, используемые уральцами в различных социальных практиках.

Были получены следующие результаты. В Свердловской области созданы определенные условия для реализации социальных практик. Так, на 1 января 2023 г. в регионе численность старшего поколения в возрасте с 60 лет и старше составляет более 1 млн. Реализуется Комплексная программа Свердловской области «Старшее поколение», цель и задачи которой аналогичны Стратегии действий в интересах старшего поколения в РФ. Для включения в образовательную практику действуют Школы пожилого возраста на базе центров комплексного социального обслуживания населения, где предлагаются программы просветительского характера по разной тематике. За 2020 г. в занятиях приняли участие более 37 000 слушателей или около 4 % от общего количества пожилых граждан области [Касьянова Т.И., Вороница Л.И., 2020, с. 10]. Действует Научно-образовательный медицинский центр, цель которого — предотвращение рисков старческой астении посредством популяризации в школах здоровья и долголетия. Для реализации физической активности пожилых уральцев проводятся массовое туристское мероприятие «Майская прогулка», областной фестиваль спорта и

здоровья и др. В Екатеринбурге — областном центре — работают 253 фитнес-центра, при этом около 60 % потребителей предпочитают заниматься в больших фитнес-клубах, оснащенных качественным оборудованием и предоставляющих разнообразные услуги. Для сравнения: «В России примерно на 143 млн. населения приходится 2 500 фитнес-клубов, которые посещают чуть более 300 тыс. чел. или 0,2 % населения. С учетом занятий в небольших тренажерных залах и студиях, которые не попадают в категорию фитнес-клубов, количество россиян, занимающихся фитнесом, в среднем может составлять до 2 %. ... Увеличивается число клиентов старше 50 лет, которые ощущают потребность в поддержании своего здоровья и физической формы» [Усова Н.В., Гергележиу Я.Г., 2019, с. 238]. На территории действует Центр общественного здоровья и медицинской профилактики, который проводит цикл вебинаров, посвященных профилактике возрастных заболеваний. Центр также обучает волонтеров, занятых привлечением пожилых граждан в школы этого профиля. Но доля граждан старше трудоспособного возраста, участвующих в деятельности объединений, клубов по интересам, от общего числа граждан старше трудоспособного возраста невелика, около 13 %. Хотя, по мнению А.В. Короленко, количество пожилых граждан, для которых здоровье относится к ценностям, определяющим активное долголетие, достаточно большое (83,5 % опрошенных). Аналогичные результаты получены при опросе населения разных возрастных групп в других регионах [Короленко А.В., 2022]. Наибольшая значимость ценности «быть здоровым» выявлена в возрастной группе старше 75 лет (87,3 %), а также в группе с низким материальным положением (87,0 %). Негативные оценки здоровья усиливаются в корреляции с возрастом. Например, 1,28 % респондентов от 60 до 64 лет оценили здоровье как очень плохое. В то же время в группе старше 75 лет процент негативной оценки состояния здоровья вырос до 3,17 %.

Среди приоритетных ценностей респонденты указали следующее: 37,9 % — необходимость быть нужным другим; 37,7 % — заботиться о близких и семье; 34,1 % — быть материально обеспеченным. Значимы семья и забота о близких и семье, что отметили 40,6 % женщин и 27 % мужчин соответственно. При этом цен-

ность семьи более значима для жителей небольших городов (64,5 %). Для уральских респондентов важны разные виды социальной активности: для 66,9 % — физическая активность; для 27,8 % — общение и поддержание социальных связей; сексуальная активность — для 11,2 % (мужчины) и 2,7 % (женщины). Профессиональная активность и самостоятельность превалирует у мужчин (11,2 %) и ниже у женщин (6,7 %). Не в приоритете досуговая активность, которая понимается как посещение театров, музеев, кино (5,8 % респондентов). В то же время высоко оценено значение физической активности как способ активного долголетия независимо от возраста и уровня образования. 85,9 % опрошенных полагают, что физическая активность способствует укреплению здоровья. По мнению 54,2 % респондентов, именно этот вид активности способствует увеличению продолжительности жизни, а для 42,5 % — поддержанию работоспособности. 34,5 % видят прямую связь между физической активностью и сохранением физической формы, привлекательной телесностью. Для 31,2 % респондентов физическая активность важна как способ снятия психологического напряжения. Также выявлялось мнение респондентов о психологических состояниях, обусловленных возрастом: это ослабление памяти и внимания (48,2 % у женщин и 42,7 % у мужчин), сосредоточенность на здоровье (48,3 % у мужчин и 43,9 % у женщин), уменьшение желаний и интересов (38,1 % у женщин и 34,8 % у мужчин). У женщин превалируют тревожность и депрессивность (38,4 %), обидчивость, мнительность и подозрительность (22,6 %). У мужчин выше оказался такой показатель, как сложность адаптации к изменениям (для сравнения 22,5 % у мужчин и 16,5 % у женщин).

Отмечается прямая зависимость между психологическим состоянием и семейным положением. Отсутствие близких людей, как правило, ухудшает психологическое состояние: самый высокий уровень тревоги и депрессии у вдов и вдовцов (43,7 %), у разведенных — 40,6 %, а также проживающих одиноко — 41,7 %. Для многих респондентов члены семьи означают не только востребованность (в поддержке, заботе, участии, внимании), но и семейное счастье.

Выявлена корреляция между психологическим состоянием и материальным положением пожилых. Так, уменьшение желаний и интере-

сов отмечали респонденты с уровнем дохода ниже среднего (25,6 %) по сравнению с 45,0 % обеспеченными.

Респондентам задавали вопросы о том, насколько успешно происходит освоение новых социальных ролей, их влияние на реализацию активного долголетия. Выяснилось, что половина опрошенных позиционирует себя с ролью «увлеченного» и даже ролью ученика. При этом саморазвитие коррелирует с социальной ролью «увлеченного»: для 47,7 % это занятия по художественно-прикладному творчеству, для 42,1 % — гимнастика, фитнес, для 32 % — занятия по садоводству, для 31,5 % респондентов — изучение информационных технологий, иностранных языков, повышение финансовой и правовой грамотности. Заметим, что эти виды активности соответствуют такой практике, как образовательная.

Также по результатам исследования была выявлена связь между видением перспектив жизни и отношением респондентов к планированию времени: 70% планируют всего лишь на несколько дней или ничего не планируют. Причины такого подхода понятны: планирование и последующая организация чего-либо требуют энергии, чего не хватает многим пожилым людям.

Заключение

Пожилые уральцы осознают важность разных видов активности, включая физическую. Однако большинство из них не использует возможности спортивных клубов. Поэтому по-прежнему остаются актуальными пропаганда и популяризация ценностей физической культуры. Пожилые уральцы связывают активное долголетие с вовлеченностью в заботу о детях и внуках, семье. Ощущение психологического комфорта пожилых людей во многом зависит от наличия семьи и материального благополучия. Для продолжения активной жизни пожилые стремятся осваивать такие социальные роли, как «наставник», «увлеченный любимым делом». Для многих независимо от пола характерны негативные психические состояния, обусловленные возрастом (сосредоточенность на здоровье, уменьшение желаний и интересов, тревожность и депрессивность). К сожалению, на данный момент в регионе не развита геронтологическая служба, поэтому большинство

вынуждены преодолевать эти состояния самостоятельно. Для пожилых уральцев важна уверенность в завтрашнем дне, что связано с планированием будущего, но многие из них не занимаются планированием дел. Многие вовлечены к образовательную практику (от художественно-прикладного направления до изучения информационных технологий и повышения финансовой грамотности). Большинство для практик активного долголетия используют собственные средства, и лишь немногие — средства государства, детей и родственников. Есть влияние гендерных особенностей на реализацию практик активного долголетия. Мужчины больше придают значения материальной обеспеченности, женщины — физической активности. Также выявлена связь между образовательным уровнем и предпочтением социальных практик: люди с более высоким уровнем образования выше оценивают общение и социальные связи, предпочитают в досуговой деятельности интеллектуальные занятия. И хотя у пожилых уральцев нет серьезного расхождения с показателями, отраженными разработчиками Стратегии активного долголетия, наблюдаются низкие темпы вовлечения в актуальные социальные практики.

Список литературы

- Антонова Н.Л.* Социальная практика как предмет социологического анализа // *Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XII Междунар. конф. (Екатеринбург, 19–20 марта 2009 г.). Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2009. С. 42–45.*
- Барсуков В.Н., Калачикова О.Н.* Территориальные особенности распространенности активного долголетия // *Вопросы территориального развития. 2021. Т. 9, № 2. URL: <http://vtr.isert-gan.ru/article/28893> (дата обращения: 13.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.15838/tdi.2021.2.57.3>*
- Благоприятные условия для жизни людей старшего возраста в Европе. Индикаторы, мониторинг и оценка. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2021. 60 с.*
- Васильева Е.В.* Индекс активного долголетия в регионах России: альтернативный подход // *Народонаселение. 2022. Т. 25, № 3. С. 128–143. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.3.10>*
- Васильева Е.Н., Мосина О.А.* Ресурсный потенциал «пожилых»: технологии реализации // *Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11993> (дата обращения: 13.04.2023).*
- Воронина Л.И., Зайцева Е.В., Касьянова Т.И.* Государственная стратегия по поддержке активного долголетия и физической активности пожилых граждан // *Социальные и политические науки. 2022. Т. 12, вып. 4. С. 195–207. DOI: <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-4-195-207>*
- Глуханюк Н.С., Сергеева Т.В.* Психология позднего возраста: результаты исследований. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2007. 126 с.
- Глушко И.В.* Осмысление феномена социальных практик и возможностей их развития // *Общество: философия, история, культура. 2011. № 1–2. С. 32–36.*
- Горынцева Д.В.* Технологии организации досуга пожилых и инвалидов // *Технологии социальной работы с пожилыми и инвалидами: материалы III Межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Кострома, 16–18 октября 2021 г.) / сост. Н.И. Мамонтова. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2022. С. 157–159.*
- Григорьева И.А., Богданова Е.А.* Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. Т. 12, № 2. С. 187–211. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>*
- Давыдов Е.Л., Тихонова Н.В., Глушанко В.С., Шульмин А.В., Захарова А.С.* Синдром старческой астении: особенности диагностики, лечения и реабилитации // *Сибирское медицинское обозрение. 2020. № 5. С. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.20333/2500136-2020-5-40-48>*
- Зайцева Е.В., Волынская М.М.* Ресоциализация граждан третьего возраста посредством рекреационно-физкультурных услуг // *Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 1. С. 112–116.*
- Зборовский Г.Е.* Социальная общность людей «третьего возраста»: понятие, структура, функции // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 2(59). С. 9–20.*
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Темпоральные противоречия возрастных общностей: типологический анализ стратегий преодоления // *Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 2. С. 8–27. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5157>*
- Зенина О.Н.* К вопросу исследования ценностных ориентаций личности пожилого человека // *Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 3–8(12). С. 89–91.*

Исмагилова Ф.С. Стратегии принятия решения в условиях снижения конкурентоспособности профессионалов старшего возраста // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2016. Т. 11, № 3(155). С. 100–105.

Касаркина Е.Н. Зависимость социальной адаптации пожилых людей от их потребностей и возможностей занятия физической культурой // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2017. Вып. 2, т. 28. С. 100–105.

Касьянова Т.И., Воронина Л.И. Занятость и готовность к обучению граждан пожилого возраста в условиях цифровизации: состояние, проблемы, перспективы // Социум и власть. 2020. № 6(86). С. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2020-6-07-16>

Короленко А.В. Активное долголетие в жизненных практиках населения Вологодской области // Социальное пространство. 2022. Т. 8, № 1. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29201> (дата обращения: 13.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.15838/sa.2022.1.33.2>

Лесина Л.А. Ключевые проблемы образования людей «третьего возраста» в зеркале социологических исследований // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 5(62). С. 178–190.

Маслова Е.В. Занятость лиц «третьего возраста»: формирование информационной базы для выработки инновационных решений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2012. № 2. С. 21–27.

Нацун Л.Н. Оценка взаимосвязи жизненных установок населения с представлениями об активном долголетии // Социальное пространство. 2022. Т. 8, № 2. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29290> (дата обращения: 13.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.15838/sa.2022.2.34.2>

Парфенова О.А. Вовлечение пожилых в волонтерскую и гражданскую активность как инструмент преодоления социального исключения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 119–135. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1580>

Смирнова Е.А. Теоретико-концептуальные подходы к изучению феномена социальной практики // Экология человека. 2015. № 1. С. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.17816/humeco17170>

Усова Н.В., Гергедежиу Я.Г. Приоритетные направления продвижения услуг фитнес-центра на рынке крупного города // Вопросы управления. 2019. № 2(38). С. 231–242. DOI: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-2-231-242>

Филимонов М.И., Крохмалёва Е.В., Палькова Г.Б. Биопсихосоциальные подходы к отбору людей старших возрастных групп на программы социально-медицинской реабилитации // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27678> (дата обращения: 13.04.2023).

Шабанова М.А. О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. Статья 1. Институты, практики, роли // Экономическая социология. 2006. Т. 7, № 4. С. 11–26.

Shinkai S., Yoshida H., Taniguchi Y., Murayama H., Nishi M., Amano H., Fujiwara Y. Public health approach to preventing frailty in the community and its effect on healthy aging in Japan // Geriatrics & Gerontology International. 2016. Vol. 16. P. 87–97. DOI: <https://doi.org/10.1111/ggi.12726>

Voss P., Wolff J.K., Rothermund K. Relations between views on ageing and perceived age discrimination: A domain-specific perspective // European Journal of Ageing. 2017. Vol. 14, iss. 1. P. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10433-016-0381-4>

References

Antonova, N.L. (2009). [Social practice as a subject of sociological analysis]. *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya: materialy XII Mezhdunar. konf. (Yekaterinburg, 19–20 marta 2009 g.)* [Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research: Proceedings of the 12th International Conference (Yekaterinburg, March 19–20, 2009)]. Ekaterinburg: USU Publ., pp. 42–45.

Barsukov, V.N. and Kalachikova, O.N. (2021). [Territorial features of active longevity prevalence]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues]. Vol. 9, no. 2. Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28893> (accessed 13.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.15838/tdi.2021.2.57.3>

Blagopriyatnye usloviya dlya zhizni lyudey starshego vozrasta v Evrope. Indikatory, monitoring i otsenka (2021) [Favorable conditions for the life of older people in Europe. Indicators, monitoring and

evaluation]. Copenhagen, DK: WHO Regional Office for Europe Publ., 60 p.

Davydov, E.L., Tikhonova, N.V., Glushanko, V.S., Shulmin, A.V. and Zakharova, A.S. (2020). [Asthenic syndrome in elderly people: diagnostic, treatment and rehabilitation trends]. *Sibirskoe meditsinskoe obozrenie* [Siberian Medical Review]. No. 5, pp. 40–48. DOI:

<https://doi.org/10.20333/2500136-2020-5-40-48>

Filimonov, M.I., Krokmalova, Ye.V. and Pal'kova, G.B. (2018). [Bio-psycho-social approaches to the selection of older people for social and medical rehabilitation programs]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. No. 4. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27678> (accessed 13.04.2023).

Glukhanyuk, N.S. and Sergeeva, T.V. (2007). *Psikhologiya pozdnego vozrasta: rezul'taty issledovaniy* [Psychology of late age: research results]. Yekaterinburg: RSPPU Publ., 126 p.

Glushko, I.V. (2011). [Understanding the phenomenon of social practices and opportunities for their development]. *Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture]. No. 1–2, pp. 32–36.

Goryntsev, D.V. (2022). [Technologies for organizing leisure for the elderly and disabled]. *Tekhnologii sotsial'noy raboty s pozhilymi i invalidami: materialy III Mezhtregion. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiyem (Kostroma, 16–18 oktyabrya 2021 g.)* [Technologies of social work with the elderly and disabled: Proceedings of the III Inter-regional scientific and practical conference with international participation (Kostroma, October 16–18, 2021)]. Kostroma: Kostroma State University Publ., pp. 157–159.

Grigor'eva, I.A. and Bogdanova, E.A. (2020). [The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the COVID-19 pandemic]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 12, no. 2, pp. 187–211. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>

Ismagilova, F.S. (2016). [Decision-making strategies in the context of decreasing competitiveness of older professionals]. *Izvestiya ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obschestvennye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 3: Social and Political Sciences]. Vol. 11, no. 3(155), pp. 100–105.

Kasarkina, E.N. (2017). [Dependency of social adaptation of elderly people on their needs and op-

portunities to engage in physical culture]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noy raboty* [Scientific Notes Journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work]. Iss. 2, vol. 28, pp. 100–105.

Kasyanova, T.I., Voronina, L.I. (2020). [Employment and elderly citizens' readiness for training in the context of digitalization: state, problems, prospects]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power]. No. 6(86), pp. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2020-6-07-16>

Korolenko, A.V. (2022). [Active ageing in the life practices of the Vologda oblast population]. *Sotsial'noe prostranstvo* [Social Area]. Vol. 8, no. 1. Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/29201> (accessed 13.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.15838/sa.2022.1.33.2>

Lesina, L.A. (2019). [Key problems of the education of the «third age» people in the mirror of sociological research]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Surgut State Pedagogical University Bulletin]. No. 5(62), pp. 178–190.

Maslova, E.V. (2012). [Employment of persons of the «third age»: the formation of an information base for the development of innovative solutions]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management]. No. 2, pp. 21–27.

Natsun, L.N. (2022). [Assessment of the relationship between population's life attitudes and ideas about active longevity]. *Sotsial'noe prostranstvo* [Social Area]. Vol. 8, no. 2. Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/29290> (accessed 13.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.15838/sa.2022.2.34.2>

Parfenova, O.A. (2020). [Engaging older people in volunteering and civic activities as a tool to overcome social exclusion]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4, pp. 119–135. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1580>

Shabanova, M.A. (2006). [On some advantages of integration of economic and sociological analysis of institutional changes. Article 1. Institutions, practices, roles]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. Vol. 7, no. 4, pp. 11–26.

Shinkai, S., Yoshida, H., Taniguchi, Y., Murayama, H., Nishi, M., Amano, H. and Fujiwara, Y. (2016). Public health approach to preventing frailty

in the community and its effect on healthy aging in Japan. *Geriatrics & Gerontology International*. Vol. 16, pp. 87–97. DOI: <https://doi.org/10.1111/ggi.12726>

Smirnova, E.A. (2015). [Theoretical-conceptual approaches to study of social practice phenomenon in foreign and national sociological science]. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology]. No. 1, pp. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.17816/humeco17170>

Usova, N.V., Gergelezhiu, Ya.G. (2019). [Priority directions of advance of services of the fitness center in the market of the large city]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues]. No. 2(38), pp. 231–242. DOI: <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-2-231-242>

Vasil'eva, E.V. (2022). [Active ageing index of Russian regions: alternative approach]. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 25, no. 3, pp. 128–143. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.3.10>

Vasil'eva, E.N. and Mosina, O.A. (2014). [Resource potential of the «elderly»: implementation technologies]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. No. 1. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11993> (accessed 13.04.2023).

Voss, P., Wolff, J.K. and Rothermund, K. (2017). Relations between views on ageing and perceived age discrimination: A domain-specific perspective. *Euro-*

pean Journal of Ageing. Vol. 14, iss. 1, pp. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10433-016-0381-4>

Voronina, L.I., Zaytseva, E.V. and Kas'yanova, T.I. (2022). [State strategy to support active longevity and physical activity of older citizens]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Social and Political Sciences]. Vol. 12, iss. 4, pp. 195–207. DOI: <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-4-195-207>

Zaytseva, E.V. and Volynskaya, M.M. (2020). [Resocialization of third-age citizens through recreational and athletic services]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology]. No. 1, pp. 112–116.

Zborovskiy, G.E. (2019). [Social community of people of the «third age people»: concept, structure, functions]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University]. No. 2(59), pp. 9–20.

Zborovskiy, G.E. and Ambarova, P.A. (2017). [Typology of strategies for overcoming the temporal contradictions of the age groups]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 23, no. 2, pp. 8–27. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5157>

Zenina, O.N. (2015). [To the question of the study of value orientations of the personality of an elderly person]. *Evrasiyskiy Soyuz Uchenykh* [Eurasian Union of Scientists (ESU)]. No. 3–8(12), pp. 89–91.

Об авторах

Воронина Людмила Ивановна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории, методологии
и правового обеспечения государственного
и муниципального управления

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: l.i.voronina@urfu.ru
ResearcherID: HIY-0632-2022

Зайцева Екатерина Васильевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории, методологии
и правового обеспечения государственного
и муниципального управления

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: katia_zai@mail.ru
ResearcherID: AAD-7875-2019

About the authors

Ludmila I. Voronina

Candidate of Sociology,
Associate Professor of the Department
for Theory, Methodology and Law Support
of State and Municipal Administration

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: l.i.voronina@urfu.ru
ResearcherID: HIY-0632-2022

Ekaterina V. Zaitseva

Candidate of Sociology,
Associate Professor of the Department
for Theory, Methodology and Law Support
of State and Municipal Administration

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: katia_zai@mail.ru
ResearcherID: AAD-7875-2019

Касьянова Татьяна Ивановна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории, методологии
и правового обеспечения государственного
и муниципального управления

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: kasyanova.t@gmail.com
ResearcherID: FDU-1245-2022

Tatiana I. Kasyanova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
for Theory, Methodology and Law Support
of State and Municipal Administration

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: kasyanova.t@gmail.com
ResearcherID: FDU-1245-2022

УДК 316

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-297-308>

Поступила: 01.05.2023

Принята: 10.06.2023

Опубликована: 07.07.2023

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, ТЕМАТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Бородкин Максим Александрович

(Санкт-Петербург)

Внутских Александр Юрьевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Международная миграция является масштабной социальной проблемой, сложность и актуальность которой возрастает в последние годы, что предопределяет актуальность исследований основных тенденций и социальных процессов, связанных с миграционными потоками. Цель данной статьи — представить аналитический обзор современных зарубежных исследований международной миграции. В этой связи рассматриваются методологические проблемы исследований международной миграции и основные направления зарубежных исследований миграции. Результаты анализа показывают, что миграционные процессы существенно трансформируются под влиянием глобальных и региональных вызовов. В настоящее время в качестве методологии миграционных исследований все большее влияние приобретает неинституциональный подход как один из наиболее перспективных теоретико-методологических направлений, способных повлиять на построение целостной концепции международной миграции. Категории «институты», «практики» и «структуры» позволяют охватить широкий спектр значимых для внешней миграции переменных. Среди ключевых направлений миграционных исследований следует отметить изменения масштабов и структуры миграции, включая гендерные аспекты; появление новых барьеров в сфере миграции, в том числе в связи с глобальной пандемией COVID-19; институциональные изменения в системе управления миграцией. Кроме того, в фокусе зарубежных исследований находятся такие вопросы, как проблема безопасности и демократии в контексте международной миграции, регулирования миграционных процессов, современные миграционная политика и режимы. В заключении отмечается, что проблематика миграционных процессов находится в постоянной динамике, что определяет и перманентно актуализирует повестку для исследований в области международной миграции.

Ключевые слова: международная миграция, миграционная политика, пандемия COVID-19, международные организации, управление миграцией.

Для цитирования:

Бородкин М.А., Внутских А.Ю. Зарубежные исследования международной миграции: методологические проблемы, тематические тренды // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 2. С. 297–308.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-297-308>

FOREIGN STUDIES OF INTERNATIONAL MIGRATION: METHODOLOGICAL PROBLEMS, THEMATIC TRENDS

Maksim A. Borodkin

(Saint Petersburg)

Alexander Yu. Vnitskih

Perm State University (Perm)

International migration is a large-scale social problem, its complexity and relevance has been increasing in recent years, which necessitates research on the main trends and social processes related to migration flows. The purpose of this article is an analytical review of modern foreign studies on international migration, which are mostly unknown to the Russian reader. The authors consider the methodological problems of international migration studies and the main directions of migration research by foreign specialists. The results of the analysis demonstrate that migration processes are being significantly transformed under the influence of global and regional challenges. In terms of methodology of migration studies, the neo-institutional approach is gaining more and more influence as one of the most promising theoretical and methodological approaches that can influence the construction of a holistic concept of international migration. Such categories as «institutions», «practices», and «structures» make it possible to cover a wide range of variables that are significant for external migration. Among the key areas of migration research, one should note changes in the scale and structure of migration, including gender aspects; the emergence of new barriers in the field of migration, including in connection with the global COVID-19 pandemic; institutional changes in the migration management system. In addition, foreign studies focus on issues such as the problem of security and democracy in the context of international migration, regulation of migration processes, modern migration policy and regimes. In conclusion, it is noted that the issue of migration processes is in constant dynamics, which determines and permanently updates the agenda for research in the field of international migration.

Keywords: international migration, migration policy, COVID-19 pandemic, international organizations, migration management.

To cite:

Borodkin M.A., Vnitskih A.Yu. [Foreign studies of international migration: methodological problems, thematic trends]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 2, pp. 297–308 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-297-308>

Введение

Миграционные процессы являются существенной составляющей современного миропорядка. Конец XX – начало XXI вв. в мире стали периодом резкого усиления миграционных потоков. Согласно данным Международной организации по миграции (МОМ), в 2020 г. в мире насчитывалось около 281 млн. международных мигран-

тов, что составляло 3,6 % мирового населения¹. Актуальность исследований в области миграции определяется не только масштабами миграционных процессов, но и структурной и содержательной сложностью этих процессов, а также постоянной трансформацией международной миграции под влиянием современных вызовов и глобальных социально-экономических процессов.

¹ www.iom.int

Задачей настоящей статьи является обзор современных зарубежных исследований международной миграции прежде всего с точки зрения методологии и направлений исследований. Актуальность данной работы определяется недостаточной информированностью относительно зарубежных исследований и их значимостью, которые отражают глобальные и региональные тренды миграционных процессов.

Методологические проблемы исследований международной миграции

На фоне исключительной важности и актуальности проблематики международной миграции исследователи этого ставшего глобальным социального явления сталкиваются с серьезными теоретическими и методологическими трудностями. В исследованиях миграции существует как минимум четыре способа концептуализации, существенно различающихся по своим эпистемологическим, онтологическим и методологическим основаниям. Исследователи могут исходить, во-первых, из теории международных отношений; во-вторых, из теории общества «всеобщего благоденствия» (welfare state); в-третьих — из принципов французской школы регулирования; в-четвертых — из теории миграционного режима, основанной на исследованиях государственности [Horvath K. et al., 2017]. Каким образом можно гармонично совместить эти столь разные подходы?

Возможно, ответ на этот вопрос можно найти, если сфокусироваться на том обстоятельстве, что современная постнеклассическая наука в существенной мере развивается в формате интердисциплинарных проектов, которые позволяют найти точки для продуктивного взаимодействия как различных социальных наук, так и более общих исследовательских подходов. Это в полной мере относится к изучению миграционных процессов. Исследователи этого феномена, представляющие разные концептуальные подходы, так или иначе сосредотачиваются на трех моментах: во-первых, на сложностях и противоречиях практик регулирования миграционных потоков; во-вторых, на нормативной и дискурсивной сторонах этого регулирования; в-третьих, на отношениях власти и неравенства. Большинство западных исследователей подчеркивают необходимость междис-

циплинарного подхода в миграционных исследованиях [Bommes M., Morawska E., 2016].

Авторы подчеркивают, что, например, экономическая перспектива далеко не полностью объясняет миграционные процессы. Адаптируя концептуальную модель человеческого поведения к действительности, следует принимать во внимание принципиальную неполноту информации, определяющую экономическую мотивацию миграционного поведения, а также неэкономические мотивации и многообразные социокультурные факторы, приводящие к миграции. Следует учитывать институционально-нормативный аспект реальности, в котором действуют структуры, ограничивающие миграцию, либо, напротив, упрощающие ее. Например, индивиды не могут произвольно манипулировать миграционной политикой государств, но именно правовые, нормативные и социокультурные миграционные режимы, определяющие статус мигранта (легальный или нелегальный), в существенной мере определяют и миграционные решения.

Особая тема в поиске трансдисциплинарных оснований для исследования миграционных процессов — совмещение качественной и количественной методологии. В этой связи Л. Мюгге отмечает, что фактические данные, почерпнутые путем контент-анализа средств массовой информации (СМИ), весьма популярны в исследованиях миграции, поскольку они позволяют проводить диахроническое и межнациональное сравнение, и их получение не связано с большими затруднениями [Mügge L., 2016]. Критики предупреждают, что ценность таких данных снижается в связи с их селективностью, дескриптивным характером и необъективностью. Однако Л. Мюгге полагает, что исследование, основанное на контент-анализе СМИ, может быть улучшено за счет использования смешанных методов для дополнения и подтверждения данных, а также для анализа результатов, полученных в рамках количественной и качественной парадигм.

В целом же анализ миграционных исследований показывает, с одной стороны, достаточно широкий спектр методологических оснований, а с другой, все большее внимание к неинституциональному подходу, которому имеет смысл уделить особое внимание.

Неоинституционализм как методология миграционных исследований

В отличие от классического экономического подхода, для социологии характерна интерпретация внешней миграции как многоаспектного социокультурного явления, посредством которого проводятся изменения в социальной, культурной и личностной сфере мигрантов, их обществ и сообществ, а также представителей и институций принимающих обществ. Одним из наиболее перспективным трансдисциплинарным теоретико-методологическим направлением, способным повлиять на построение целостной концепции международной миграции, является неоинституционализм. Категории «институты», «практики» и «структуры» являются универсальными для исследования внешней миграции. Например, практиками являются и социокультурно воссоздаваемые индивидуальные и коллективные действия, релевантные к внешней миграции (а также структуры восприятия и действия, функционирующие на индивидуальном и групповом уровнях, уровне сообществ и даже на социетальном уровне (речь о моральных нормах, обычаях и кодексах поведения, паттернах формирования и функционирования социальных сетей, общественных дискурсах касательно внешней миграции и представлений о потенциальных «точках назначения» мигранта, воображаемые географии)), и, например, стойкие комплексы институциональных механизмов регуляции внешней миграции (правовые рамки межправительственных соглашений в сфере внешней миграции, конкретные правила функционирования служб занятости, паспортных столов, таможи и т.д.).

В фундаментальной работе «Чужаки среди нас: политическая философия иммиграции» Д. Миллер также фокусирует внимание на исследовании миграции в контексте функционирования социальных институтов [Miller D., 2016]. Автор стремится сформировать научно обоснованные основания для иммиграционной политики, ориентированной на то, что он считает ценностями, характерными для современного политического состояния: это моральный космополитизм (иммигранты имеют права человека), национальное самоопределение (страны имеют особые обязательства перед соотечественниками), справедливость (иммиграционные

режимы должны находить баланс прав и обязанностей иммигрантов и граждан) и социальная интеграция (достойное общество должно быть нацелено на организацию коллективного проживания, избегать дискриминации и конфликта). На основании этих ценностей он предлагает нормативную структуру, в рамках которой политики могут ориентироваться при принятии решений в сфере миграции. Миллер обсуждает аргументы в пользу свободы передвижения с одной стороны, а также аргументы в пользу принятия одностороннего права государства на ограничение миграции, с другой. Обсуждая возможности интеграции мигрантов в принимающие сообщества, Миллер выделяет социальные, гражданские и культурные способы интеграции и утверждает, что государство может успешно реализовывать интеграцию мигрантов в рамках любого из этих способов, но только при условии, что иммигранты включены на равных условиях в экономическую и политическую жизнь государства.

В свою очередь, Н. Шиллер в исследовании «Пределы объяснения в исследованиях международной миграции: недостающая многоаскалярная глобальная перспектива» обращается к исследованию транснациональных связей мигрантов, предлагая три концепции, необходимые для комплексного анализа этих связей: многоаскалярная глобальная перспектива миграции; перемещение в качестве результата накопления путем лишения имущества; глобальные исторические конъюнктуры [Schiller N.G., 2015].

Традиционная проблематика миграционных исследований

Миграционная политика и миграционные режимы

В центре значительной части миграционных исследований находятся вопросы миграционной политики и миграционных режимов. А. Баучер и Дж. Джест в статье «Миграционные исследования на перепутье: критика типологии иммиграционных режимов» [Boucher A., Gest J., 2015] проводят критический анализ существующей системы классификации миграционных режимов. Они определяют три ключевых ограничения существующего подхода к классификации. Во-первых, существующие

классификации в основном сосредоточены на западных государствах («европоцентризм»). Во-вторых, существующие классификации ослаблены неопределенными или слабо определенными показателями. В-третьих, существующие классификации осложняются тем, что режимы приема мигрантов, гражданства и регулирования рассматриваются независимо друг от друга при игнорировании возможной интеграции мигрантов.

М. Бин и соавторы [Beine M. et al., 2016] на основании базы данных IMPALA проводят сравнительный анализ степени «жесткости» иммиграционных политик. Основываясь на выборке этих данных для девяти стран в период с 1999 по 2008 г., авторы показывают, что было бы ошибочным полагать ту или иную страну как определенно и постоянно более или менее привлекательную для приема мигрантов. Данные показывают тенденции к более сложному, в ряде отношений — к более «ограничительному» регулированию с 1990-х гг., а также к дифференциации режима миграции для представителей разных социальных групп. Это связано, например, с более низкими требованиями для высококвалифицированных трудовых мигрантов, нежели для низкоквалифицированных. Также в связи с проблематикой сравнения миграционных режимов И. Блоумрад и А. Шиарес [Bloemraad I., Sheares A., 2017] исследуют, почему законы о гражданстве различаются в разных странах и почему некоторые иммигранты приобретают гражданство, а другие — нет. Они рассматривают вопрос о том, как гражданство влияет на права, идентичность и вовлеченность в общественную жизнь. В данной работе показано, что культурная и перформативная гражданственность в определенной мере децентрализуют правовой статус и национальное государство, включая в себя участников, позиционирующихся вне диады «индивид – государство».

Отметим также важную для обоснования практических решений в области миграционной политики работу И. Потти-Шерман и Р. Уилкис «Действительно ли размер имеет значение? Об отношении между размером группы иммигрантов и предубеждением против них» [Pottie-Sherman Y., Wilkes R., 2017] Авторы убедительно показывают, что гипотеза о том, что размер группы влияет на настроения против иммигрантов, не подтверждается ре-

зультатами метаанализа. Одни исследования показывают положительную связь между размером группы иммигрантов и предрассудками, направленными против них, однако не менее многочисленные другие исследования такой связи не демонстрируют. Сами авторы, отвечая на вопрос «действительно ли размер имеет значение?», отмечают, что размер имеет значение только при наличии конкретных условий. Почему? Во-первых, именно воспринимаемый, а не фактический размер группы имел наибольшее и наиболее последовательное влияние на формирование предрассудков в отношении мигрантов. Свидетельства о том, что существуют отношения между фактическим размером группы иммигрантов и анти-иммигрантским предрассудком, являются слабыми. Во-вторых, размер, независимо от того, как он измеряется, определяется множеством других зависящих от социального контекста процессов и характеристик, которые также необходимо учитывать. К ним относятся: состояние экономики как в донорских, так и в принимающих обществах, размер ежегодных квот на иммиграцию и беженцев, политика регистрации иммигрантов и конкретные географические условия. Хотя авторы готовы с уверенностью полагаться на результаты любого из проанализированных ими работ, они убедительно демонстрируют столкновение с таким количеством факторов, что интерполяция и обобщение оказываются практически невозможными.

Безопасность и демократия в контексте международной миграции

Серьезные трудности, которые переживают многие страны Западной и Центральной Европы, в последние годы в связи с волной мигрантов и беженцев из стран Ближнего Востока, Северной Африки и Азии, что нередко провоцирует крайние оценки миграционной политики в общественном, политическом и научном дискурсе этих стран. Особый интерес в этом отношении вызывают работы Б. Фоллмера [Vollmer B.A., 2017]. Автор констатирует, что существует несоответствие между разработкой миграционной политики (и намерениями участников) и реальными политическими эффектами от миграции. Главный его вывод состоит в том, что в Европе имела место секьюритизация миграции, т.е. возведение проблем,

порождаемых ею, в ранг проблем социальной безопасности, причем процесс этот начался еще около 40 лет назад. Б. Фоллмер отмечает, что между 1973 и 1999 гг. не фактические данные и систематическое применение научно обоснованных методов принятия решений, а эмоции и идеология управляли и определяли траекторию принятия решений в области европейской миграционной политики. Секьюритизация переместила явление международной миграции в область политики безопасности и расширила прежнюю концепцию государственной безопасности до социальной безопасности. Началось с того, что под категорию «врага» попали незаконные мигранты. Затем около 2015–2016 гг. врагом стал «экономический мигрант». Категория эта еще более широкая и двусмысленная, чем «незаконный мигрант». Потенциально она охватывает огромное количество людей, вынужденных покинуть свою страну под воздействием угрозы бедности или недоедания. Этот нынешний сдвиг в политике миграции, произошедший под мощным политическим давлением, связан с демонизацией и постановкой вне закона все более многочисленных групп людей, перемещающихся через европейские границы, Фоллмер квалифицирует не иначе как «продолжающийся позор Европы». Эта ситуация вызывает тревогу и представляет собой серьезный вызов для современных европейских обществ и их демократий.

Контакты между мигрантами и представителями принимающих обществ, а также следствия этих контактов для восприятия мигрантов и изменений миграционной политики, исследуются К. Симонсен. В работе [Simonsen K., 2018] констатируется, что символические границы во многих европейских странах оформлены «исключительным» образом, т.е. основаны на представлении об этнической идентичности как о несовместимой с национальной принадлежностью принимающей страны. Теоретически комбинируя определение границ и контакты, Симонсен пытается дать ответ на вопрос: может ли — в контексте «исключающего» проведения границ — контакт привести к более инклюзивному восприятию мигрантов и способствовать совместимости различных идентичностей? Для анализа используются данные опроса и интервью, которые демонстрируют пример исключаящего прорисовывания гра-

ниц. Демонстрируя как положительные эффекты, так и ограниченности возможностей контактов с мигрантами в таком контексте, автор предлагает критически оценить потенциал контакта, что способствует утончению нашего понимания макро- и микроуровней идентичности иммигрантов.

Гендерные аспекты миграции

В современных исследованиях следует подчеркнуть процесс развития самой категориальной системы исследований миграции, а также рост интереса к гендерным аспектам международной миграции. Так, исследуя историю исследований миграции на американский и европейский континенты, З. Угерик рассматривает процесс концептуализации терминов «транснационализм», «космополитизм», «исходное пространство», «целевое пространство», «страна происхождения» на протяжении последних ста лет [Uherek Z., 2017]. В свою очередь Н. Грин в статье «Смена парадигм в миграционных исследованиях: от мужчин к женщинам и гендеру» отмечает, что за последние десятилетия исследования перешли от «открытия» миграции как важной темы новейшей социальной истории к принципиально новому открытию. Дело в том, что первоначально миграция концептуализировалась как история преимущественно мужчин-рабочих, чья мобильность сформировалась и стала неотъемлемой частью современного капитализма. Только потом исследователи миграции «открыли» женщин-мигрантов. Изучение их, более пристальное внимание к гендерному составу миграционных потоков становятся все более важными аспектами современных исследований миграции [Green N.L., 2012]. М. Цедерберг подчеркивает, что международная миграция связана не только с географической, но и с социальной мобильностью, исследует, каким образом женщины-мигранты в Великобритании оценивают свои социальные «траектории» в формате автобиографических описаний. Автор исследует феномен пересечения социального класса и пола в опыте женщин-мигрантов исходя из того, что изучение субъективных описаний представителей того или иного класса дает весьма полезную информацию о сложном характере осознания факта принадлежности к определенной социальной группе в контексте международной миграции [Cederberg M., 2017].

Актуальные направления исследований международной миграции

Международная миграция весьма динамична, что связано с трансформирующимся социально-политическим и экономическим контекстом. Демографические изменения, связанные с изменениями как численности, так и структуры населения, разного рода конфликты (в первую очередь военные), меняющиеся региональные и национальные политики в сфере миграции, пандемии мирового масштаба (такие как COVID-19) и иные вызовы являются теми факторами, которые существенным образом влияют на миграционные потоки, и вместе с этим на сферы исследовательских интересов в области миграции.

Влияние пандемии COVID-19 на международную миграцию

Особую актуальность в последние несколько лет приобрела тема COVID-19 и, в частности, влияние новой эпидемиологической ситуации на мобильность и миграцию. В этот период почти все государства вводили определенные ограничения на перемещение людей через государственные границы; соответственно, такие рестрикции носили глобальный характер. Отличия же заключались в специфике принимаемых мер и времени их принятия. Исследуя влияние пандемии на миграционные процессы, исследователи (например, [Piccoli L. et al., 2022]) выделяют следующие ключевые аспекты в целях анализа управления мобильностью и миграцией:

- 1) причины ограничений на передвижение в связи с Covid-19;
- 2) модели конвергенции и дивергенции политики;
- 3) законность ограничений на передвижение;
- 4) преемственность и изменения в глобальной миграционной политике;
- 5) право на международную мобильность.

Авторы приходят к выводам, что глобальные различия в ограничениях на передвижение в связи с COVID-19 определяются рядом факторов. Это могут быть медицинские и эпидемиологические аспекты, например, количество случаев заболеваний в той или иной стране, партийная политика, (так, либеральные прави-

тельства могут более неохотно ограничивать мобильность), транснациональные союзы (официальные соглашения о торговле и мобильности между страны могут ограничить введение взаимных запретов на поездки), опыт предыдущих эпидемий (опыт вируса Эбола), а также экономическая политика: зависимость от рабочих-мигрантов может подтолкнуть государства не ограничивать мобильность рабочей силы [Piccoli L. et al., 2022].

Пандемия COVID-19 нарушила глобальную динамику мобильности людей. Так, Мартин и Бергманн анализируют двусторонние связи между пандемиями и мобильностью [Martin S., Bergmann J., 2021]. Результаты проведенного ими исследования показывают, что, во-первых, ограничения на международные поездки для борьбы с распространением коронавируса сами по себе не являются панацеей. Во-вторых, пандемия, ответные меры правительств и связанные с этим экономические последствия могут привести к вынужденной неподвижности групп риска, таких как лица, ищущие убежища, т.е. лиц, находящихся в критической ситуации. Аналогичным образом меры по самоизоляции создали серьезные проблемы для тех работников, у которых нет возможности работать из дома, а также для мигрантов, живущих в нестабильных условиях. Более того, глобальный экономический спад усилил вынужденную немобильность, сократив как ресурсы людей для передвижения, так и спрос на рабочую силу. В-третьих, представляется значимым, что попытки людей защитить себя от вируса могут привести к изменению модели мобильности, например, к увеличению трансграничной возвратной миграции и перемещению из города в сельскую местность [Martin S., Bergmann J., 2021].

Еще одним важным аспектом, связанным с пандемией COVID-19, является тот факт, что мигранты выполняют важную роль в непрерывном функционировании многих основных услуг, в частности, услуг здравоохранения, социального обеспечения и цепочек поставок продуктов питания. Андерсон и соавторы утверждают, что эту роль следует учитывать при оценке воздействия трудящихся мигрантов при разработке государственной политики в сфере трудовой миграции [Anderson B. et al., 2021]. Рассмотрение того, как мигранты могут повлиять на системную устойчивость основных

услуг в условиях пандемии или подобных кризисов, повсеместно отсутствует не только в разработке политики, но и в исследованиях. Опираясь на несколько дисциплин, предлагается концепция системной устойчивости для анализа и регулирования трудовой миграции. Авторы призывают сместить акцент с роли мигрантов в конкретных профессиях и секторах в отдельных странах на транснациональные системы производства и предоставления услуг, что критически важно в условиях таких пандемий, как COVID-19 [Anderson B. et al., 2021].

Регулирование миграционных процессов

В настоящее время регулирование международных миграционных процессов связано с деятельностью различных акторов, как государственных, так и негосударственных, что требует глубокого анализа эффективности их взаимодействия.

Римсдейк с коллегами отмечают пробелы в управлении миграции, среди которых выделяют нормативные, в частности, нератификацию многими государствами Конвенции о беженцах 1951 г., что создает ряд проблем, связанных с вопросом возвращения мигрантов в страны их происхождения [Riemsdijk M. van et al., 2021]. Еще одна управленческая проблема связана с конкуренцией между организациями, которая может препятствовать сотрудничеству по вопросам, связанным с миграцией. Например, предоставление гуманитарной и практической помощи лицам, ищущим убежища, и беженцам, примером чего служат различные мандаты и схемы финансирования управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и международной организации по миграции. Теперь, когда МОМ стала связанной с ООН, у нее есть место за столом переговоров, однако остается открытым вопрос о том, в какой степени это улучшит управление международной миграцией.

Кроме того, из-за отсутствия единой архитектуры управления различные частные и добровольные субъекты создали пространство влияния в управлении миграцией. Среди участников можно выделить международные организации, некоммерческие организации, местные органы власти, местные организации, юристов, поставщиков технологий и частные компании. Хотя это новые «актеры», их роли могут

стать более заметными и влиятельными. Мы можем увидеть новые объединения акторов миграции, как обсуждалось различными авторами в этом томе. Сложная сеть институтов и акторов требует сотрудничества, но противоположные цели и мандаты могут помешать этим усилиям [Riemsdijk M. van et al., 2021].

Глобальное управление миграционными процессами

В современной повестке миграционных исследований особое место занимает проблема формирования глобального управления миграцией с акцентом на политику миграции и развития. В этой связи отмечается маргинализация подхода к миграции, основанного на правах человека, и преобразование управления миграцией в «дружественное» для бизнеса. Также рассматривается включение миграции в дискурс глобальной политики развития, сформулированный в повестке ООН в области развития на период до 2030 г. В частности, указывается, что включение миграции в цели в области устойчивого развития (ЦУР) может способствовать защите прав трудящихся-мигрантов, поскольку некоторые из них ссылаются на универсальные инструменты в области прав человека, социальную защиту и соблюдение программы достойного труда МОТ. Однако это будет возможно только в том случае, если гражданское общество будет способствовать вовлечению влиятельных государственных и негосударственных субъектов в процесс мониторинга реализации ЦУР [Likić-Brborić B., 2018].

Гражданские войны в ряде стран в последние несколько лет и иные кризисы, вызвавшие масштабное международное перемещение людей, привели к смещению центров управления и возможностей государств управлять международной миграцией. Таким образом, традиционные связи между правительствами, международными организациями и субъектами региональной интеграции трансформируются миграционными потоками.

Современные исследователи [Panizzon M., Riemsdijk M. van, 2019] пытаются найти ответы на следующие ключевые вопросы:

1. Что делает межуровневое управление (multi-level governance) актуальным для миграции? Почему необходимо вернуться к между-

ровневому управлению в контексте «больших потоков»?

2. Кто является субъектами и институтами, участвующими в управлении «крупными потоками», т.е. массовым перемещением людей, и что отличает их способы взаимодействия и политико-правовые обязательства?

3. Какие конфигурации власти и методы контроля типичны для «кризисного» управления? Какие «уровни», акторы, нормы и институты добавляются к существующим и какие механизмы выходят из употребления?

4. Каково влияние межуровневого управления на легитимность и эффективность миграционного законодательства и политики? Какие пробелы в защите можно выявить?

В этом контексте становится очевидным генезис глобальных договоров. Каким образом такие глобальные обязательства взаимодействуют с более низкими уровнями принятия решений, если они пересекаются или превосходят региональные диалоги по вопросам миграции, двусторонние соглашения и национальные специальные меры помощи, далеко не ясно. Вопрос о том, как взаимодействуют, конфликтуют или разъединяются уровни принятия политических решений, часто остается открытым, поскольку меняется динамика миграционных процессов и вовлеченность в них различных акторов [Panizzon M., Riemsdijk M. van, 2019].

Продолжая тему глобальных договоров, следует обратиться к глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (ГДМ), принятому в 2018 г. под эгидой Организации Объединенных Наций. В условиях, когда глобальное управление международной миграцией остается достаточно слабым и когда государства регулярно сталкиваются с кризисами, связанными с миграцией/беженцами, ГДМ дает согласованную на международном уровне оценку политических вопросов, возникающих в связи с международной миграцией, и определяет соответствующие политические рекомендации.

Авторы анализируют содержание ГДМ в свете дискуссий о миграции на международном уровне с 1990-х гг. В частности, критически рассматриваются основные аргументы и утверждается, что из-за расхождения мировоззрений и интересов правительств и других заинтересованных сторон ГДМ характеризуется

серьезными внутренними противоречиями. Это приводит к деполитизированному документу и политическому языку, который скрывает дилеммы, возникающие в миграционной политике. Поэтому среди государств нет единого мнения относительно характера миграции и политических мер, регулирующих транснациональную мобильность людей. В рамках ГДМ разрабатывается согласованный нарратив, который оставляет нерешенными такие вопросы, как соответствующая роль государств и международных организаций. Именно в этом отношении ГДМ деполитизирует миграцию, избегая основных политических дилемм. Такая деполитизация является структурным следствием стремления к лучшему глобальному управлению миграцией, которое требует согласованного и объединяющего нарратива для управления многосторонним сотрудничеством [Récoud A., 2021].

Еще одним перспективным инструментом в сфере управления миграции может быть Глобальный форум по миграции и развитию (GFMD), который стал одним из основных глобальных пространств для обсуждения миграции, но остается неформальным и не имеющим обязательной силы. GFMD можно рассматривать как стартовую площадку к многостороннему глобальному управлению миграцией, при этом в дальнейшем он должен выйти за рамки ежегодных мероприятий и стать проектом с децентрализованной структурой. Некоторые правительства, международные организации и, в частности, активисты гражданского общества видят, что GFMD превращается в учреждение, имеющее некоторое сходство с трехсторонней структурой MOT, с сильными региональными и тематическими уровнями. В этом сценарии такое новое учреждение могло бы решать более широкую повестку дня, чем та, с которой начинался GFMD (и из которой она уже развилась), но для этого потребуются заключить более формальные договоренности, и диалог на глобальном уровне может распространиться на региональный и национальный уровни [Rother S., 2019].

Вопросы глобального управления миграционными процессами тесно связаны с деятельностью международных организаций. Исследователи отмечают, что перед государствами и системой ООН стоит задача пересмотреть традиционные иерархии власти и влияния, по-

сколькo односторонние действия отдельных государств не могут решить миграционные проблемы. Миграционные решения, особенно те, которые обеспечивают более надежную защиту мигрантов, находящихся в уязвимом положении, потребуют коалиционных действий между государствами, межправительственными организациями, местными органами власти и негосударственными субъектами. Такие коалиции априори взаимозависимы и их цели будут результатом переговоров между их членами. Они отражают многоуровневое управление процессами миграции, демонстрируя более сложное взаимодействие, при котором местные органы власти и негосударственные субъекты в некоторых случаях обходят вмешательство государства. ООН, вооруженная недавними институциональными изменениями, которые наделяют ее более централизованными организационными возможностями, лучше всего подходит для выполнения функции координации таких коалиций [Thouez C., 2019].

Региональные механизмы регулирования международной миграции

Отдельного внимания заслуживает вопрос о регулировании миграции на региональном уровне. Региональные учреждения, занимающиеся вопросами убежища, прав мигрантов или миграционного контроля получили широкое распространение по всему миру и занимают важное место в инициативах ООН по активизации глобального сотрудничества в сфере миграции и беженцев. В Европейском Союзе различные аспекты миграционной политики входят в компетенцию определенных структур. В свою очередь региональные инициативы в сфере миграции в других частях мира, как правило, возникают на разных форумах и не подвержены единообразию. Так, например, С. Лавенек оценивает вклад регионализма в многоуровневое управление миграцией в двух измерениях: вертикальное взаимодействие между региональными и многосторонними институтами, с одной стороны, и горизонтальные отношения между региональными институтами, с другой стороны. В статье делается вывод о том, что региональные (экономические) интеграционные структуры, такие как АСЕАН или МЕРКОСУР, могут оказаться плодотворными площадками

для более существенного регионального управления миграцией [Lavenex S., 2019].

С проблемой управления миграцией связан еще один важный аспект международной миграции — вопрос облегчения мобильности в условиях все возрастающей миграции в современном мире и наличия политического сопротивления миграции, основанного в основном на мифах, стереотипах и неправильных представлениях об «опасности», которую мигранты представляют для благосостояния, стабильности и ценности населения принимающих обществ. Меры безопасности направлены на то, чтобы блокировать нелегальных мигрантов, включая беженцев, несовершеннолетних без сопровождения взрослых и беременных женщин, а также арестовывать, задерживать и депортировать их (часто в ужасных условиях).

Как полагают некоторые зарубежные исследователи, сокращение подпольных и ненадежных рынков труда в странах назначения должно идти рука об руку с облегчением мобильности потенциальных трудящихся-мигрантов из стран их происхождения. Многие государства уже признают, что облегчение мобильности — это путь в будущее. Соглашение о миграции обеспечивает последовательную, хотя и неполную концептуальную основу для облегчения мобильности. Однако для развития политического дискурса в пользу такого содействия, а также политики и практики, обеспечивающих его эффективную реализацию, потребуется еще значительное время [Crépeau F., 2018].

Заключение

Исследования миграционных процессов имеют комплексный и динамичный характер, что определяется самой сутью международной миграции. В этой сфере остаются и активно обсуждаются методологические проблемы, при этом все больше исследователей используют неинституциональный подход как наиболее перспективный.

Изменение проблемного поля в рассматриваемой области связано с глобальными социально-экономическими и политическими вызовами, вооруженными конфликтами, пандемией и другими факторами. В последние годы мы наблюдаем изменение масштабов международной миграции, ее структуры, в том числе гендерной; институциональные изменения в си-

стеме управления миграцией, причем как на глобальном, так и на региональном уровнях. Все эти процессы отражаются и в тематике миграционных исследований за рубежом. Миграционные процессы весьма динамичны, что и актуализирует научную повестку в отношении исследований в области международной миграции.

References

- Anderson, B., Poeschel, F. and Ruhs, M. (2021). Rethinking labour migration: Covid-19, essential work, and systemic resilience. *Comparative Migration Studies*. Vol. 9, iss. 1. URL: <https://comparativemigrationstudies.springeropen.com/articles/10.1186/s40878-021-00252-2> (accessed 13.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40878-021-00252-2>
- Beine, M., Boucher, A., Burgoon, B., Crock, M. et al. (2016). Comparing immigration policies: an overview from the IMPALA database. *International Migration Review*. Vol. 50, iss. 4, pp. 827–863. DOI: <https://doi.org/10.1111/imre.12169>
- Bloemraad, I. and Sheares, A. (2017). Understanding membership in a world of global migration: (How) does citizenship matter? *International Migration Review*. Vol. 51, iss. 4, pp. 823–867. DOI: <https://doi.org/10.1111/imre.12354>
- Bommes, M. and Morawska, E. (eds.) (2016). *International migration research: Constructions, omissions and the promises of interdisciplinary*. London; N.Y.: Routledge Publ., 304 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315251998>
- Boucher, A. and Gest, J. (2015). Migration studies at a crossroads: A critique of immigration regime typologies. *Migration Studies*. Vol. 3, iss. 2, pp. 182–198. DOI: <https://doi.org/10.1093/migration/mnu035>
- Cederberg, M. (2017). Social class and international migration: Female migrants' narratives of social mobility and social status. *Migration Studies*. Vol. 5, iss. 2, pp. 149–167. DOI: <https://doi.org/10.1093/migration/mnw026>
- Crépeau, F. (2018). Towards a mobile and diverse world: «facilitating mobility» as a central objective of the global compact on migration. *International Journal of Refugee Law*. Vol. 30, iss. 4, pp. 650–656. DOI: <https://doi.org/10.1093/ijrl/eey054>
- Green, N.L. (2012). Changing paradigms in migration studies, from men to women to gender. *Gender & History*. Vol. 24, iss. 3, pp. 782–798. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0424.2012.01706.x>
- Horvath, K., Amelina, A. and Peters, K. (2017). Re-thinking the politics of migration. On the uses and challenges of regime perspectives for migration research. *Migration Studies*. Vol. 5, iss. 3, pp. 301–314. DOI: <https://doi.org/10.1093/migration/mnx055>
- Lavenex, S. (2019). Regional migration governance — building block of global initiatives? *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 45, iss. 8, pp. 1275–1293. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369183x.2018.1441606>
- Likić-Brborić, B. (2018). Global migration governance, civil society and the paradoxes of sustainability. *Globalizations*. Vol. 15, iss. 6, pp. 762–778. DOI: <https://doi.org/10.1080/14747731.2018.1503841>
- Martin, S. and Bergmann, J. (2021). (Im)Mobility in the Age of COVID-19. *International Migration Review*. Vol. 55, iss. 3, pp. 660–687. DOI: <https://doi.org/10.1177/0197918320984104>
- Miller, D. (2016). *Strangers in our midst: the political philosophy of immigration*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 240 p. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674969827>
- Mügge, L. (2016). Bridging the qualitative-quantitative divide in comparative migration studies: newspaper data, and political ethnography in mixed method research. *Comparative Migration Studies*. Vol. 4, URL: <https://comparativemigrationstudies.springeropen.com/articles/10.1186/s40878-016-0036-9> (accessed 13.04.2023). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40878-016-0036-9>
- Panizzon, M. and Riemsdijk, M. van (2019). Introduction to special issue: Migration governance in an era of large movements: a multi-level approach. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 45, iss. 8, pp. 1225–1241. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369183x.2018.1441600>
- Pécoud, A. (2021). Narrating an ideal migration world? An analysis of the global compact for safe, orderly and regular migration. *Third World Quarterly*. Vol. 42, iss. 1, pp. 16–33. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436597.2020.1768065>
- Piccoli, L., Dzankic, J., Ruedin, D. and Jacob-Owens, T. (2023). Restricting human movement during the COVID-19 pandemic: new research avenues in the study of mobility, migration, and citizenship. *International Migration Review*. Vol. 57, iss. 2, pp. 505–520. DOI: <https://doi.org/10.1177/01979183221118907>
- Pottie-Sherman, Y. and Wilkes, R. (2017). Does size really matter? On the relationship between immigrant group size and anti-immigrant prejudice. *International Migration Review*. Vol. 51, iss. 1, pp. 218–250. DOI: <https://doi.org/10.1111/imre.12191>

Riemsdijk, M. van, Marianne, H. and Heins, V. (2021). New actors and contested architectures in global migration governance: continuity and change. *Third World Quarterly*. Vol. 42, iss. 1, pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436597.2020.1857235>

Rother, S. (2019). The global forum on migration and development (GFMD) — a venue of «State socialization» for multi-layered migration governance? *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 45, iss. 8, pp. 1258–1274. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369183x.2018.1441605>

Schiller, N.G. (2015). Explanatory frameworks in transnational migration studies: the missing multi-scalar global perspective. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 38, iss. 13, pp. 2275–2282. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870.2015.1058503>

Simonsen, K. (2018). Inclusive or exclusive? How contact with host nationals may change immi-

grants' boundary perceptions and foster identity compatibility. *International Migration Review*. Vol. 51, iss. 4, pp. 1011–1039. DOI: <https://doi.org/10.1111/imre.12356>

Thouez, C. (2019). Strengthening migration governance: the UN as «Wing-man». *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 45, iss. 8, pp. 1242–1257. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369183x.2018.1441604>

Uherek, Z. (2017). Not only moving bodies: contested and transforming concepts in migration studies. *Slovenský národopis [Slovak Ethnology]*. Vol. 65, iss. 2, pp. 222–233.

Vollmer, B.A. (2017). The continuing shame of Europe: Discourses on migration policy in Germany and the UK. *Migration Studies*. Vol. 5, iss. 1, pp. 49–64. DOI: <https://doi.org/10.1093/migration/mnw025>

Об авторах

Бородкин Максим Александрович
независимый исследователь

197373, Санкт-Петербург;
e-mail: maksim.a.borodkin@gmail.com
ResearcherID: IUO-4657-2023

Внутских Александр Юрьевич
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: avnut@inbox.ru
ResearcherID: R-3075-2017

About the authors

Maksim A. Borodkin
independent researcher

Saint Petersburg, 197373
e-mail: maksim.a.borodkin@gmail.com
ResearcherID: IUO-4657-2023

Alexander Yu. Vnutskih
Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: avnut@inbox.ru
ResearcherID: R-3075-2017

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде вневдренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел Выражение признательности на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Берсенева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из **15–20 источников**; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 *в алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «<», «<–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi»), «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennyye sposoby aktivizatsii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskii analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторе автора в виде активной гиперссылки: ResearcherID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <https://publons.com/account/login/>);
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском языке следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта О.В. Кирилловой (<https://rassep.ru/academy/biblioteka/106584/>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором через платформу <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>, либо, в виде исключения, на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ единого реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в объединенный реестр: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-27012023.pdf>

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанного реестра, необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в реестр иностранных агентов Министерством юстиции РФ и дату включения:

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов **бесплатные**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2023 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	10 апреля
в № 2 — до 01 мая	7 июля
в № 3 — до 01 августа	6 октября
в № 4 — до 01 октября	29 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal accepts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social and Political philosophy

5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture

5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology

5.4.1 Theory, methodology and history of sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

– introduction;

– principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);

– results / discussion;

– conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please **do not use footnotes**. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum); abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions need to be made via our online submission system (<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>), or you may send your materials into e-mail address of the Herald (fsf-vestnik@yandex.ru) as exception. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2023

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	April 10
No 2 May 1	July 7
No 3 August 1	October 6
No 4 October 1	December 29

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2023
Выпуск 2

Редактор *А.С. Беляева*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 01.07.2023
Дата выхода в свет 07.07.2023
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 18,37
Тираж 500 экз. Заказ 1198/2023

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке